

РОМАН ЗЛОТНИКОВ

Арвендейн
дерзкий рейд

Annotation

Долгожданное продолжение приключений Троя, герцога Арвендейла, и его друзей.

Темный бог орков низвержен, но их чудовищная орда все еще занимает столицу Империи людей, блистательный Эл-Северин. Как освободить город и спасти остатки его жителей? Как не допустить того, чтобы изгнанные из столицы орки не прошли безжалостным катком по уцелевшим провинциям Империи?..

- [Роман Валерьевич Злотников](#)

- - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [Эпилог](#)
-

Роман Валерьевич Злотников

ДЕРЗКИЙ РЕЙД

— Стоять, самка!

Молодая, но весьма грузная орчанка, одетая в традиционную синюю женскую накидку, богато украшенную блестками, золотой вышивкой и заколками с драгоценными камнями, резко развернулась и уставилась на воина, перекрывавшего лестницу, яростным взглядом.

— Что-о-о? Ты видно забыл, кто я такая, воин! Тебе напомнить?! — после чего так полыхнула взглядом, что старый, опытный боец, прошедший не одну схватку (а другие в Священную тысячу и не попадают), невольно отшатнулся.

— Так это... — слегка смешавшись, начал он. — Там же того... ритуал... шаманы... Великий Хылаг повелел никого не пускать... ну покамест не закончат...

— Он тебе сам это повелел? — ядовито осведомилась стоящая перед ним орчанка. Богатство материала накидки и сложный орнамент покрывающей ее вышивки явственно показывали, что она не просто самка, а жрица самой Шиг-Хаоры. Причем явно немаленького ранга... Впрочем, никакими «явственно» и «причем» тут и не пахло. Потому что воин, несший охрану на нижней ступени лестницы, ведущей к храму Матери орков, отлично знал ту, что сейчас набросилась на него с такой яростью. — Лично?

Орк недовольно заворчал. Эта... эта... эта самка умела ужалить языком, не хуже змеи-песчанки, которых вокруг Ахлыг-Шига водилось довольно много. Ведь знает же, что Великий Хылаг никогда не снизойдет до того, чтобы приказать что бы то ни было простому воину. Пусть даже и состоящему в Священной тысяче. Приказ никого не пускать отдал ему его десятник. А тому — сотник. А тому — тысячник Священной тысячи. А вот уже ему приказ мог отдать и Великий Хылаг. Да и то вряд ли. Скорее всего, это повеление донес до тысячника один из шаманов, входящих в свиту Великого.

— Нет, — сердито пробурчал он, стараясь не смотреть в глаза разъяренной самке. Эх, как же хорошо ему жилось в родном стойбище. Там все было устроено по заветам предков. И ни одной самке никогда бы не пришлось в голову посметь разинуть рот на воина. А если бы и пришлось... Да

ее даже жрать бы не стали. Нахрен брать в рот всякую гадость! И зачем он согласился войти в Священную тысячу? Еще и честью считал, дебил! Нет, города — это зло. Как, впрочем, все, что исходит от людишек. Они — мясо, и точка. И перенимать от них что бы то ни было: города, дороги, корабли, письменность и уж тем более вот такую вот большую свободу для самок — сущая глупость...

— Тогда — прочь с дороги! — рявкнула орчанка. — Это — храм Шиг-Хаоры, а я — ее жрица. Никто не смеет препятствовать жрице Величайшей приникнуть к ногам богини!

Боец снова глухо заворчал и бросил отчаянный взгляд за спину орчанки. Ну что ты будешь делать — никого! Ни разводящего, ни начальника караула. Ну, еще бы — дураков становиться поперек характера Злобной Гужбе, Старшей жрице Шиг-Хаоры и дочери самого Великого Хылага в Священной тысяче было немного. И никто из начальников попавшего ей под горячую руку часового к таковым совершенно точно не относился. Так что даже если они в настоящий момент и имели сомнительное удовольствие наблюдать происходящее, у них явно хватило ума не появляться. Но ему-то что теперь делать? Не пускать? Так ведь вообще со свету сживет! Всем в Священной тысяче было известно, что эта тварь жутко злопамятна. И сил у нее вполне достаточно. Ну да иначе хрен бы она стала Старшей жрицей Шиг-Хаоры. Несмотря на все свое родство с Великим... Нет, в младшие жрицы он бы, скорее всего, сумел бы дочурку пропихнуть. Сколько бы у нее силы ни было. Если бы, конечно, захотел. В чем, кстати, были сильные сомнения. Ибо несносный характер Злобной Гужбы явно доставлял немало проблем и самому Великому... Но вот старшие ранги в жреческой иерархии определялись только уровнем силы, которым жрец или жрица могли оперировать. И слабосилку в Старшие жрицы никто бы не произвел. И никакие семейные связи не помогли бы. Впрочем, настолько глубоко воин не заглядывал. Он точно знал, что Злобная Гужба, несмотря на всю свою молодость и женскую сущность, зараза еще та. И становиться у нее на пути — верный способ поиметь множество неприятностей. А начальства, на которого можно было бы скинуть стоящую перед ним большую проблему в синей накидке, поблизости не наблюдалось. Поэтому он тяжело вздохнул, бросил еще один тоскливый взгляд в сторону караулки и нехотя отодвинул тяжелый боевой ассегай Священной тысячи, открывая этой злобной гадюке путь на лестницу, ведущую к храму. Та напоследок окинула его злым взглядом, на счастье бойца больше ничего не сказав... Затем подобрала подол накидки и быстро двинулась вверх по лестнице. Похоже, она действительно

торопилась.

— Да чтоб тебя духи прокляли, — пробормотал воин, когда синяя накидка исчезла за поворотом лестницы, после чего опустил пятку асsegая на землю и грузно оперся на него. Вот стой теперь и гадай, чем обернется подобное неисполнение приказа? Если эта своенравная дочка Великого принесет отцу какую-нибудь важную вестъ — так, может, и ничем. А если опять устроит отцу дикий скандал, на которые она, как всем в Ахлыг-Шиге было давно известно, являлась великой мастерицей — так и могут сквозь строй прогнать! Получить по хребту древками тяжелых асsegаев целой сотни — удовольствие ниже среднего. Несмотря на то, что у орков шкура куда как толще, чем у этих дохлых людишек, даже им после подобного светит дня три, а то и четыре, отлежки. А ведь он уже выпросил у десятника после сегодняшней смены четыре дня отпуска. Собирался сгонять в родное стойбище. Его племя этой весной перекочевало в среднее течение Помака, так что стойбище его рода сейчас располагалось не очень-то далеко отсюда... И провести эти четыре дня, отлеживаясь в казарме, после того, как тебя прогнали сквозь строй, ему совсем не улыбалось.

Между тем ритуал в храме Шиг-Хаоры шел своим чередом. Верховный шаман Хылаг, старший советник Великого вождя Гыхага, только три месяца назад сменившего на этом посту прежнего Великого вождя Ыжанга, скинул с жертвенного алтаря останки очередной жертвы и мотнул головой, давая команду двум шаманам-помощникам тащить следующее тело. Помощники молча подтащили жертву к алтарю и привычным движением бросили ее на плиту алтаря. Жертва придушенно вякнула и осталась лежать, безвольно свесив голову набок... По древним канонам жертва, приносимая Шиг-Хаор (как, впрочем, и любому другому Темному богу), должна была быть в полной силе и здравом уме, а разделять ее требовалось так, чтобы она при этом визжала и извивалась от боли, но соблюдать эти каноны перестали еще лет двести назад. При Верховном шамане Нхрыге. Уж больно кровавым и напряжным являлся организованный по канонам процесс... Нет, чуть позже, при Дыхгаге, сменившем Нхрыга на посту Верховного, опять возвратились к древним канонам. Но ненадолго. Только на время, пока Верховным шаманом был сам Дыхгаг, который прославился среди вождей и шаманов не только приверженностью древним традициям, но и крайними неуживчивостью и твердолобостью. Поэтому и сдох... Хотя — официально — Верховный шаман всех орков Дыхгаг ушел к Матери вследствие несварения желудка, на самом деле все было не совсем так. То есть... м-м-м-м... произошедшее с этим твердолобым фанатиком действительно можно было трактовать как

несварение желудка. Ну, с некоторой натяжкой... Потому что какой желудок способен справиться с тремя ладонями орочьего сплава, проникшими в него снаружи? Вот и произошло несварение... А вот не надо было открыто пенять в глаза уважаемым оркам — родовым вождям, шаманам племен и городов, а также жрецам и жрицам в том, что они-де забыли заветы предков, изнежились и начали подражать никчемным людишкам, чье предназначение в глазах настоящего орка может быть только одно — быть добрым мясом на его зубах... После чего древние каноны были упрощены окончательно... К тому же, если делать все, как указано в тех старых канонах, богатые одеяния Верховного шамана, выполненные из драгоценного разургарайна и украшенные искусной вышивкой и золотыми фигурками людей, животных и духов-олицетворений, после ритуала годились бы только на выброс. А проводить ритуал одетым в отрепья, будто он являлся не Верховным шаманом орков, а каким-нибудь походным шаманом мелкой разбойничьей ватаги, Хылаг не собирался. Не по чину это... Так что и сегодня все шло вполне установившимся и привычным порядком. То есть перед ритуалом жертву опоили крепкой маковой настойкой, приводя ее в такое состояние, когда той было все равно, что там с ней происходит. Эвон как помощники шмякнули опоенное тело об камень, а оно только мявкнуло, и все... И сам Верховный, а также и его помощники был, как обычно, облачен в богатые одеяния, укрытые, правда, толстыми кожаными передниками. Все-таки жертвоприношение, даже если жертвы опоены и не способны сопротивляться, — достаточно кровавый ритуал... Ну и ручки ритуальных жертвенных ножей из обсидиана были аккуратно обернуты кожаными ремешками. Чтобы не ранить руки. Всем же культурным оркам понятно, что эти бредни насчет «окропить алтарь кровью жертвы, смешанной с кровью орков», — суть всего лишь глупости темных и ничего не понимающих предков, не имеющие никакого отношения к реальности. Древние орки жили трудно и кроваво, поэтому и напридумывали себе всяких уродских ритуалов с элементами садизма и мазохизма. Но зачем им, их умным и образованным потомкам, тупо заниматься тем же самым?

Верховный шаман отработанным тысячами повторений жестом вскинул вверх руку с зажатым в ней жертвенным ножом, а затем столь же привычным движением резко опустил его вниз, одним махом развалив грудную клетку жертвы, наконец-то заставив ее скорчиться от боли.

— Эхмаг-га! — громко взревели ритуальную аккламацию Старшие шаманы, стоявшие полукругом перед Троном Шиг-Хаоры, и сразу же затащили очередную литию, под звуки которой Хылаг погрузил лапу в

разрубленную грудь и, стиснув сердце жертвы, корчившейся от боли, резким рывком вырвал его. После чего аккуратно отодвинул от тела стиснутый кулак со все еще бьющимся сердцем (ну, чтобы брызги крови не попали на богатое одеяние) и, сделав шаг вперед, столь же аккуратно-привычным жестом уронил его в жаровню, над которой билось Темное пламя...

— Эхмаг-га! — снова взревели шаманы. А Верховный отступил на шаг и зорко взгляделся в пламя. То принялось нехотя облизывать брошенное в чашу человеческое сердце, постепенно наливаясь цветом... Да уж — сколько они провозились, пока смогли вновь его зажечь... Сорок дней, сорок проклятых дней, длился ритуал. Подушную подать пришлось поднять в десять раз. Огромные загоны для мяса, расположенные в Ахлыг-Шиге, пустели за сутки! Запас обсидиановых ножей, которые по древней традиции изготавливал только один орочий род, кочующий у Черной горы, почти полностью исчерпался. А как иначе-то? Вулканическое стекло — это не орочий сплав. Оно куда хрупче, и его нельзя заточить. Так что стоило лезвию чуть затупиться, как одно неловкое движение уставшей руки лишало храм еще одного ножа. А таких неловких движений за эти сорок дней случилось много. Потому что, для того чтобы орудовать ритуальным обсидиановым жертвенным ножом, нужна большая сноровка, каковой в столице обладало всего около десятка шаманов. А при той бешеной работе у алтарей их всех не хватало даже на одну смену. Потому что ритуал возжжения Священного огня требовал настоящей гекатомбы! Так что к жертвенному алтарю встали все, кто хоть что-то мог. Вот ножи и полетели как ласточки. А ведь тот род делал всего по две дюжины ножей в год. Впрочем, обычно их не только вполне хватало, но и за прошедшее время был накоплен довольно большой запас. Который за эти сорок дней весь и ушел.

— Крак! Хресь! Шлыс-с-с... — во вторую чашу полетели почки и печенька.

— Эхмаг-га! — рев шаманов вновь разнесся над Ахлыг-Шигом. Верховный же продолжал работать как гребец на боевой галере — язык, глаза, селезенка, левая голень... Сотня ударов сердца, и он вновь повернулся к шаманам-помощникам и мотнул подбородком. Те подхватили новое тело и ловко бросили его на склизкую от крови множества предыдущих жертв поверхность алтаря.

Когда была разделана последняя жертва, Хылаг устало повернулся и уставился на два язычка Темного пламени, трепетавшего над чашами. Получилось или нет? Вроде как язычки пламени стали чуть-чуть крупнее и

темнее. Но все равно, по сравнению с тем, каким пламя было до того, как... Верховный зло скрипнул зубами. Проклятые человечешки! Все они такие гнусные, подлые, скрытные, всегда готовые испортить, словчить, предать. Как бы ему хотелось уничтожить их всех!

Между тем площадку перед Троном Шиг-Хаоры начал заполнять легкий гомон голосов. Все, участвовавшие в ритуале, устали. Возможно, не так, как Хылаг, на которого пришлась основная нагрузка, но тоже довольно сильно. Хотя это еще надо посмотреть... Хор Старших шаманов, например, торчал перед Троном, выводя гимны Матери орков, всю ночь. А помощникам Верховного пришлось волочь жертвы на верхушку скалы на своем горбу. Опоенные сами идти не могли...

— Ты снова резал опоенных!

Верховный дернулся как от удара. Ну вот опять... Он повернулся и, слегка сторбившись, махнул лапой, давая сигнал остальным участникам только что закончившегося ритуала о том, что они могут быть свободны. Шаманы, насупившись, окинули злобными взглядами грузную фигуру в синей женской накидке, внезапно объявившуюся на верхней площадке лестницы, после чего неплотной гурьбой потянулись в сторону спуска, на ходу продолжая переговариваться и неодобрительно покачивая головами.

Дождавшись, пока спина последнего из них скроется за обрезом лестницы, Верховный шаман всех орков резко развернулся и сумрачно уставился на ту, которой здесь быть совершенно не должно.

— Как ты прошла?

Гужба высокомерно хмыкнула.

— Кто посмеет остановить Старшую жрицу Шиг-Хаоры, которой необходимо было припасть к стопам Величайшей?

— Значит, ты опять задурила голову охранникам и прорвалась через воинов Священной тысячи, — вздохнул Хылаг. — Ну как ты не понимаешь? Подобными поступками ты делаешь только хуже. Причем нам обоим. Благодаря тому, что ты не считаешь для себя зазорным нарушать вековые запреты, на меня уже косятся и вожди, и Совет шаманов. А если я потеряю должность...

— Во-первых, хрен ты что потеряешь — твоя должность пожизненная... — криво усмехнувшись, начала его дочь.

— У Дыхгага была такая же, — прервал ее спич Верховный, вернув ей не менее кривую усмешку. — Но его, как ты знаешь, все равно... забаллотировали. Хотя и особым образом, так сказать.

Но его кровиночку было не так-то просто сбить с мысли. Поэтому она спокойно закончила:

— ...а насчет нарушения запретов — должна тебе сказать, что такая уж у меня наследственность, отец.

Хылаг побагровел. Ну вот кто ее тянет за язык? Ему и так удалось замять тот скандал с огромным трудом. И вот ведь удивительно, помогло ему в этом как раз то ужасное событие, благодаря которому скандал и разгорелся. А именно — потухшее Темное пламя. Шаманов, умеющих проводить ритуалы подобного рода и обладающих для этого достаточной силой, никогда не было много. Максимум трое-четверо в поколение. А в тот момент в Ахлыг-Шиге в наличии вообще был только один он. И потому именно он первым почувствовал изменение магического фона. Хотя и не сразу понял, чем это вызвано. То есть в первый момент он вообще посчитал, что это последствия ритуала по развоплощению короны Марелборо. Типа, сильный артефакт враждебной направленности при разрушении ударил откатом... Даже еще порадовался, что не поддался тщеславию и не стал лично участвовать в долгой литании, являющейся частью многодневного ритуала развоплощения, представив каково бы было ему, как высокопоставленному Посвященному тьме, при столь резком падении подпитки... Но когда уже к обеду это самое падение потока энергии Тьмы не только не приостановилось, а даже усилилось, причем настолько, что его стали ощущать не только шаманы, но и воины, до него дошло, что что-то пошло не так. Но сразу навстречу к Храму он не бросился. Потому что, будучи опытным царедворцем и интриганом, понимал, что если случилось действительно что-то ужасное, то в первую очередь следует быстро найти кого-то, на кого можно скинуть главную вину. Если, конечно, ты не хочешь, чтобы вину за произошедшее повесили на тебя... Поэтому Хылаг сначала отдал приказ Священной тысяче проверить все мясные загоны в Ахлыг-Шиге, все время проверки продолжая делать вид, что ничего не происходит, и лишь получив доклад о том, что из одного из мясных загонов пропали две важных жертвы, поднял тревогу и развернул энергичные действия... Именно поэтому основную вину за произошедшее и удалось спихнуть на бывшего Великого вождя. Ибо всем было понятно, что без помощи извне выбраться из «мясного загона» невозможно. Ну а если уж в город проник кто-то, кто помог выбраться этим двум жертвам, то они вполне могли оказаться в состоянии устроить и нечто более серьезное. А и за внешнюю охрану, и за охрану «мяса» в любом стойбище отвечал именно военный вождь, а не шаман. И в Ахлыг-Шиге все обстояло точно таким же образом. Ну и до кучи помогло еще и то, что в столице не оказалось ни одного из тех, кто смог бы начать ритуал по новому возжиганию Темного пламени.

— Ты знаешь, что этот человечиска никак не мог совершить подобное, — прошипел Верховный. — Он всю ночь провел в шатре за пределами города. Носящий печать под пытками подтвердил это.

— Какая разница, отец, — усмехнулась Гужба. — Ты нарушил завет — и сразу же после этого Темное пламя храма Шиг-Хаоры, неугасимо горевшее почти семь столетий, потухло. Как ты не понимаешь, что заветы — это не просто ничего не значащие бредни темных предков, соблюдать которые стоит лишь тогда, когда она не особенно мешают нам жить, а некое сокровенное знание, смысл которого мы, возможно, утратили. Ты задурил голову Совету и вождям, свалив всю вину на Ыжанга... ну как же, стража Ахлыг-Шига, напрямую подчиняющаяся Великому вождю, не уследила за мясом, которое, скорее всего, и совершило святотатство. Позор! Виновные должны быть немедленно и жестоко наказаны! Но себе-то ты должен признаться, что именно ты во всем виноват. Только ты!

— В чем? — взревел, взбешенный Хылаг. — В чем я виноват? И перед кем? Что я делаю не так, что ты никак не можешь от меня отстать со своими бреднями? Жертвы опаивают уже почти двести лет. И ни одному Верховному шаману за все это время, ну, кроме этого придурка Дыхгага, не пришло в голову так извращаться с жертвоприношениями. И что — что-нибудь изменилось? Темное пламя спокойно горело все эти годы! А лучшим подтверждением того, что этот мазохизм бессмыслен и бесполезен, служит тот факт, что мне удалось вновь зажечь Темное пламя. И без всяких этих дурацких древних извращений. Вот оно — горит перед тобой! Или ты ослепла?

— Это — жалкое подобие того, что было, отец! — заорала на него в ответ Старшая жрица Шиг-Хаоры. — Вот эту пару искорок ты называешь Темное пламя? Это не преклонение перед Величайшей, а оскорбление ее! Как ты не поймешь, что в ритуалах древних нет ничего глупого и ничего лишнего. Они должны быть исполнены так, как и записано в скрижалях!

— Хорошо! — зарычал в ответ Верховный шаман всех орков. — Если ты так уверена в этом — давай проверим. Готова сама провести ритуал?

— Я? — изумилась Гужба. — Отец, но женщины никогда не...

— А как же твои заявления о наследственности? — искривил губы в усмешке Хылаг. — К тому же у нас под рукой нет никого, кому могло бы прийти в голову рыться в этих пыльных свитках и побитых табличках, кроме тебя. Так что где еще мы можем найти знатока того, как это надо делать по старым канонам и правилам? Или у тебя все-таки есть другие кандидаты?

Дочь Верховного фыркнула и высокомерно вздернула подбородок.

— Раз так — я согласна. Когда?

— А прямо сейчас, — прорычал Хылаг и широким шагом направился к выходу с алтарной площадки. Выйдя на лестницу, он наклонился вниз и трубно заорал:

— Эй, там!

— Слушаю, Верховный? — донеслось от подножия лестницы.

— Тащите сюда жертву. Быстро.

— Но... Верховный, — растерянно заорали снизу, — ни одной готовой не осталось. Да и маковый настой...

— Плевать на настой! Тащите из загона любое тело. И пусть Тархиг и Дыхнаг переоденутся во что попроще и тоже идут сюда. Они мне понадобятся.

— Понятно, Верховный...

Ждать пришлось довольно долго. Пока приволокли жертву из загона, пока нашли помощников, пока Тархиг и Дыхнаг доволокли извивающееся и вопящее тело наверх, на алтарную площадку, небо над Ахлыг-Шигом начало уже светлеть. Так что лучшее время для темного ритуала, считай, ушло. И Хылаг бросил на дочь испытующий взгляд. Мол, не желаешь перенести все на более подходящее время? Но та только снова высокомерно фыркнула и отвернулась. Верховный ухмыльнулся и пожал плечами. Мол, как знаешь...

Жертва оказалась упертой. И продолжала вопить и вырываться, даже после того как Тархиг и Дыхнаг растянули ее на алтарном камне, наглядно показывая, почему двести лет назад было принято решение поить жертвы маковым настоем. Хылаг молча проконтролировал процесс, а затем развернулся к Гужбе и протянул ей жертвенный нож. Та так же молча взяла его, но не обычным хватом, а за обушок, после чего размотала кожаный ремешок с рукояти, представлявшей из себя острый, зазубренный хвостовик, и только потом ухватила нож правильным хватом и сильно стиснула. Верховный шаман слегка поморщился, увидев, как между пальцев дочери сразу же появились капли крови, но ничего говорить не стал, а развернулся и, обойдя алтарь, встал сразу за ним, развернувшись лицом к Трону Шиг-Хаоры.

— Пожалуйста, пожалуйста, — забормотала жертва, — прошу вас... у меня дети, дети... Один вообще крошка... Ему нет еще и четырех месяцев. Моя жена все еще кормит его грудью... — а затем, как видно разглядев в глазах держащих его помощников Верховного собственную обреченность, отчаянно возопил: — Вы же любите молочных деток — я же знаю!

Хылаг молча кивнул дочери и затянул литанию. Та стиснула зубы и,

воздев нож, шагнула к алтарю.

— А-а-а-а-й-й-й! — завизжала жертва, когда Гужба вонзила ему обсидиановый клинок в низ живота. — Умоляю, дайте мне маковый отвар! — но Старшая жрица Шиг-Хаоры, развернула нож в ране и, зарывчав:

— Тебе — Величайшая, — резко повела его сложным зигзагом.

Верховный спокойно вел древний гимн, наблюдая за процессом. В нем не было ничего приятного или величественного. Простой неприкрытый древний садизм. Нет, никакого отвращения он у Хылага не вызвал. В конце концов, они орки, а не слабые людишки. Но и приятного в нем было мало...

— Аа-а-а-а-а... Ы-ы-ы-а-а-а... — дико вопя, жертва билась в лапах Тархига и Дыхнага, а Старшая жрица с одухотворенным лицом ловко орудовала жертвенным ножом. И каждый поворот лезвия вызывал все новые и новые вопли, которые, впрочем, довольно скоро начали стихать. Но не потому, что жертве становилось как-то легче. Нет, все дело было в том, что своими дикими воплями она просто сорвала себе голосовые связки. Поэтому этот еще живой кусок окровавленного мяса теперь уже не вопил, а хрипел.

Гужба устала довольно быстро. Ну, с непривычки-то... Верховный шаман всех орков ясно видел, как пот градом катится с ее лба, как дрожат руки, слышал хриплое дыхание, вырывающееся из разинутой пасти. Но при этом она продолжала вести свою партию, твердо работая ножом. Язык, печень, селезенка... последовательность разделки оказалась немного иной, чем та, к которой привык он... голень, левая рука, глаз... жертва уже даже не хрипела. Но все еще была жива. Хотя заметить это способен был только очень опытный взгляд. Ухо, второе, правая нога... Хылаг почувствовал, что у него в сердце невольно зародилось уважение к создателю древнего ритуала. В нем не было изящества, как в том, к которому привык он сам, к тому же, вследствие того, что жертва билась и вырывалась, его дочь оказалась по уши забрызгана кровью и ошметками мяса, напрочь испортив свой богатый наряд Старшей жрицы, но... что-то в нем было. Что-то древнее, первобытное, ужасное, но полное силы...

Наконец, Гужба резким движением ножа развалила грудь и вырвала из груди уже практически не шевелящегося куска кровавого мяса, довольно слабо, даже уже не бьющееся, а скорее трепыхающееся сердце. И, резко развернувшись, пала на колени перед Троном, трубно взыв:

— Тебе, Величайшая! — после чего одним движением зашвырнула сердце в левую ритуальную чашу.

— Эхмаг-га! — взревел Верховный шаман всех орков и... замолчал, изумленно уставившись на искорку темного пламени, пылавшую над левой чашей. А затем медленно перевел взгляд на правую чашу. И задохнулся от изумления. Искорка над левой чашей явно стала больше...

Пс-с-т... — Этот звук был очень похож на тот, который могла издать какая-нибудь лесная пичужка. Но Трой знал, что на этот раз пичужка здесь совершенно ни при чем. Поэтому он медленно отодвинулся назад, аккуратно спрятавшись за ствол дерева, и только после этого наклонил голову вниз, переведя взгляд на того, кто и издал этот сигнал. Увидеть его было не такой-то простой задачей. Но Алый герцог знал куда смотреть и что искать. Поэтому он довольно быстро отыскал взглядом грязную кучу прелой травы, веток и прошлогодних листьев, сиротливо притаившуюся у корней соседней сосны. «Куча» же, в свою очередь, также заметила его взгляд и, чуть приподнявшись, осторожно махнула ему рукой. Трой, не отвечая, медленно высунул голову и посмотрел в прежнем направлении. Орки продолжали жрать. Он снова спрятался за ствол и перевел взгляд на кучу. Куча снова махнула ему рукой, причем более настойчиво. Герцог Арвендейл скривился, но медленно опустил голову, показывая, что понял. После чего отвернулся от «кучи» и, все теми же медленными движениями подвел руку к боковой ветке, осторожно ухватившись за нее, а второй рукой схватился за другую ветвь, чуть более толстую...

На землю он спустился только через двадцать минут. Никак не потревожив орочий патруль, который расположился перекусить всего в десяти шагах от того дерева, на которое он забрался. В принципе, это было несложно. Если, конечно, соблюдать определенные правила, главным из которых было непременно и полное отсутствие стремительности. Все следовало делать очень медленно и размеренно, максимально стараясь согласовать частоту и амплитуду собственных движений с теми, с которыми двигались ветки дерева. Конечно, и в этом случае вероятность того, что его заметят, имела место быть. Но небольшая. Ибо, когда человек, орк или любое другое существо окидывает дерево беглым взглядом, он практически никогда не способен различить отдельные ветки, а просто фиксирует на месте кроны некое хаотичное, многоцветное пестрое пятно. Поэтому человека, одетого в специальную егерскую накидку, да еще идвигающегося в ритме раскачивающихся от ветра ветвей, при таком беглом взгляде увидеть очень сложно. Только если специально всматриваться. Но для того чтобы кто-то куда-то начал всматриваться, что-то должно специально привлечь его внимание, не так ли? А если ничего такого нет, то даже без использования магии человек может стать для окружающих

настоящим невидимкой. Ну, так его учил Ругир...

— Что? — шепотом спросил Трой, после того как отполз на двадцать шагов в глубь леса. То есть к месту, в котором его ждала давешняя «куча», которую изображал из себя один из императорских егерей, одетый в точно такую же егерскую накидку, которая сейчас была и на нем. Хотя внешне они отличались друг от друга довольно сильно. Потому что наборы веточек и листьев, вставленные в ремешки и петельки, которыми были усыпаны поверхности накидок, заметно отличались друг от друга. Ну да это было понятно — каждый егерь дорабатывает свою накидку сам. В силу своего опыта и разума. К тому же ее конечную конфигурацию, как правило, изменяли под конкретные текущие задачи. Что так же требовало разности подходов. Например, на дереве никак не могло быть прелой травы, да и с прошлогодними листьями так же было весьма скудно. А вот наледь на ветвях еще встречалась. Поэтому часть петелек на накидке Троя была занята грязновато-белыми тряпочками.

— Вас ждут, — так же шепотом отозвался тот. Алый герцог недовольно скривился. И кого это принесло? Ну, вот неужели нельзя было подождать, пока он не закончит рекогносцировку и не вернется на операционную базу? Что такого должно было произойти, чтобы его сдернули с наблюдательного пункта прямо под носом у орочьего патруля? Но высказывать претензии егерю все равно было бессмысленно. Потому что это была явно не его инициатива. Ругать же человека за то, в чем он сам лично никак не виноват, — полный идиотизм... А вот этому Троя научил уже сам Марелборо.

— Ну, тогда — пошли уж, — тяжело вздохнув, произнес Трой и первым двинулся в сторону лесного лагеря, в котором располагалась подчиненная ему разведывательная сотня, сформированная частью из императорских егерей, а частью из его охотников-арвендейльцев.

Сразу после того, как по империи пронеслись слухи, что страшный темный бог Ыхлыг повержен, а корона императора людей снова обрела своего хозяина, в замок бывшего герцога Эгмонтер, ставшего временной штаб-квартирой нового императора, потянулись сначала осторожные гонцы, чьей задачей было разведать, что и как действительно приключилось в башне Гвенди, а затем, когда слухи получили подтверждение, уже и новоиспеченные воодушевленные сторонники. Нет, в то, что новый император и есть тот самый Марелборо, поначалу никто не поверил. Уж больно сказочно это выглядело. Но большинству хватило и того, что подтвердилась информация о том, что Ыхлыг мертв. И что в

империи снова появился легитимный правитель, которого признала корона. Потому что в этом случае у людей появлялся шанс вновь вернуть себе свою страну. И даже освобождение столицы от засевших в ней орков, которых все еще, по прикидкам, насчитывалось в городе более двухсот тысяч, уже не выглядело абсолютно безнадежной затеей... Поэтому вот уже почти два месяца новоиспеченный император безвылазно сидел в герцогстве, принимая новых сторонников, делегации городов и провинций, пополнения, а также формируя свою команду, вокруг возможности попасть в которую сейчас разворачивались такие интриги, что можно было диву даваться. Впрочем, Трой получил в ней место априори. Хотя, в отличие от большинства тех, кто в нее рвался (попутно исходя по отношению к «этой выскочке» просто бешеной завистью), он этим местом скорее не гордился или там кичился, а тяготился. Потому что точно знал, что ничего особенно полезного он в этой команде сделать не способен. Не тянет просто. Опыта не хватает. Связей. Воинского умения. Ну кто он, если разобраться, — обычный десятник... ну, теперь, после всего, что случилось за последние пару лет, может даже сотню способен потянуть. И не более. А всеми своими громкими победами он обязан совершенно другим людям — Лиддит, графу Шоггир, Дарголу, Гмалину с Алвуром. Потому как сам же он во всех вроде как выигранных именно Алым герцогом громких битвах выступал скорее не как полководец, а как сильный боец первой линии. Или там одиночный подвижный резерв. Так что какой толк от его пребывания в Малом императорском совете? Однако, когда он попытался под этой маркой как-то отодвинуться, уйти в сторону, Марелборо устроил ему настоящую выволочку.

— Что это за сопли, десятник? Что значит — «не тяну»? Когда пер через весь Глыхныг за моей короной, значит, тянул, а сейчас — все. Сопли в кулачок и в сторону?

— Так ведь там было совсем другое дело... — пристыженно протянул Трой.

— Здесь тоже скоро будет другое. Нам еще, если ты забыл, столицу отбивать. И на кого мне в этом случае рассчитывать? На Гмалина с Алвуром? Так у них обоих главные столицы другие... Нет, они непременно поучаствуют в предстоящем веселье. Всем трем народам пойдет на пользу, если они опять вместе повергнут Тьму. Но главным в этом мероприятии должен быть человек.

— А сам-то что? — пробурчал Трой.

— А я — миф, — ухмыльнулся Марелборо. — Так что обо мне речь не идет. Меня те, кто живет сейчас, все равно как человека воспринимать не

смогут. Во всяком случае, в ближайшие лет десять-пятнадцать.

— Ну, так и другие есть, — уныло пробурчал герцог Арвендейл. — Того же графа Шоггир взять или Замельгон... Чем они-то плохи? Да и вообще, сколько опытных бойцов сейчас к нам подтянулось. Неужели среди них никого не найдется?

— А о них рассказывают легенды по всем кабакам Империи? — хитро прищурившись, поинтересовался император, а потом усмехнулся. — Да и не совсем тот у них опыт. Они раньше с орками только в поле ратились, а теперь им придется брать захваченный ими город. А это, уж можешь мне поверить, совсем другое дело. И вот здесь вы друг от друга не сильно-то опытом и отличаетесь. Причем счет именно в твою пользу. Ты-то уже крепости брал. Причем у орков. И сильные. Один твой замок чего стоит... — тут Марелборо тяжело вздохнул. — И это еще, слава богам, что у нас тут только местные орки, а не западные. Наши-то по большей части дикари-кочевники, а вот те...

— Это точно, — согласно кивнул Трой и, представив, во что бы они вляпались, приди сюда западные орки, невольно вздрогнул.

— А что касается выбора... — продолжил тем временем император, — уж не думаешь ли ты, что вот все, кого я приглашаю на Совет, так уж непременно пользуются моим полным доверием и столь уж мне необходимы? Да хрен там! Минимум от трети я бы с удовольствием избавился. А парочку, будь моя воля, и вообще повесил бы.

— То есть как это — будь моя воля? — не понял Трой. — А чья же она еще-то?

Марелборо вздохнул:

— Не все так просто, десятник. Это тебе легко — пришел на, считай, пустое герцогство. Благородного сословия — нет, двора — нет, торговых домов — нет, да и сама торговля только внутренняя, так что никто на твоих торговцев «снаружи» надавить не может — то есть твори что хочешь! А тут везде такой клубок интересов завязан, что только тронь не ту нитку — мигом треть провинций у орков в союзниках окажется.

— Как это? — вытаращил глаза Трой.

— А вот так, — досадливо махнул рукой император. — Сам же знаешь историю, как орки на западном континенте власть получили. Не столько войной, сколько интригами и лавированием между людских правителей. То есть сначала выступая союзниками одних против других, потом других против третьих. А уж когда независимых людских королевств осталось с гулькиной нос, тогда они и сбросили маски. После чего «умники», вроде как использующие «тупых орков» в своих собственных целях... ну там

повергнуть старых врагов, избавиться от слишком усилившихся союзников или устроить большие проблемы добрым соседям, которые, вот ведь незадача, еще и конкуренты, прямым ходом пошли в котел. Как и все их враги, союзники и соседи... Но точно таких же «умников» у нас хватает и здесь. И если не бросать некоторым «особенно умным» время от времени какие-нибудь «кости», то все может повернуться точно так же, как на западе.

— Но... у нас же орки действительно тупые? — удивленно уточнил Трой.

— Рядовые — да, — грустно усмехнулся Марелборо, — а вот вожди и шаманы... Короче, порядок в империи я, конечно, наведу, но сильно позже. А сейчас приходится лавировать. Поэтому для меня любой надежный член Малого совета сейчас буквально на вес золота. Так что и думать не смей куда-то линять. Понял?

— Да, Ваше Величество, — уныло кивнул действительный член Малого императорского совета и гроза орков, носящий среди народа Империи прозвище Алый герцог.

— То-то, сотник, — уже гораздо веселее усмехнулся в ответ император.

До лагеря Трой с егерем добрались довольно быстро. Там царила суматоха. Правда, наполовину. То есть императорские егеря сворачивали палатки и по всем признакам готовились к скорому отъезду. А вот в той части лагеря, в которой дислоцировались арвендейльцы, все было тихо. Ну, относительно... Трой остановился и удивленно огляделся. Это кто это тут так оборзел, что начал распоряжаться его людьми? Виновник обнаружился довольно быстро. Центром всей этой суеты являлся дородный мужчина в роскошно изукрашенных латах, в настоящий момент нависавший над Коском, который командовал арвендейльцами, и что-то орущий ему в лицо, брызгая слюной. Трой озадаченно обернулся к сопровождавшему его егерю.

— А это еще кто такой?

Егерь едва заметно скривился.

— Граф Остевон. Старший интендант восточного придела... ну был при прежнем императоре, — больше егерь ничего не сказал, но его гримаса была весьма показательной. Трой заметно посмурнел лицом и двинулся к офицеру, орущему на его полусотника.

— Что здесь происходит? — холодно поинтересовался он, подходя вплотную. Бывший старший интендант восточного придела резко

развернулся и... сморщился, поднеся к носу густо надушенный платочек. Ну еще бы, от егерской накидки полностью укрывавшей под собой старую наемничью броню, в которую сейчас был облачен владетельный герцог и действительный член Малого императорского совета, заметно пахивало волчьим дерьмецом и тошнотворным соком осеклы. А куда было деваться? У орков обоняние куда как лучше, чем у людей, так что, если не отбить запах, умение маскироваться может не помочь.

— А это что за чучело? — с явно демонстрируемой брезгливостью произнес он.

Трой не стал отвечать на этот вопрос, а просто молча засветил ему с разворота прямой в маячившее в проеме откинутого забрала жирное рыло. Отчего графа отшвырнуло на полдюжины шагов, несмотря на то что, будучи облачен в латы, он был довольно-таки тяжел. Несколько латников, маячивших неподалеку, которые, похоже, были конвоем этого бывшего интенданта, качнулись вперед, обозначая желание вмешаться, но, оказавшись под прицелом нескольких десятков луков и арбалетов, которые мгновенно вскинули арвендейльцы, решили не испытывать судьбу и остались на месте. Трой же, никак не отреагировавший на это угрожающее шевеление, снова повернулся к старшине арвендейльцев и повторил свой вопрос:

— Что здесь происходит?

Коск мотнул подбородком в сторону явно охреневшего от подобного обращения графа, в данный момент ошеломленно шевелящегося на земле, издавая слабые нечленораздельные звуки, и коротко доложил:

— Приехал этот. Разорался. Нагнул Грикса. Велел немедленно вызвать вас. Заставил Грикса начать сворачивать лагерь. Все.

В этот момент бывшему старшему интенданту удалось-таки справиться со своими ногами и руками, в которых он после столь увесистой оплеухи слегка запутался, вследствие чего граф сумел-таки взгромоздиться на ноги. И с решительным видом потянул меч из богато украшенных ножен.

— Да как вы... — закончить графу не удалось. Потому что Трой сделал пару широких шагов и снова наградил бывшего старшего интенданта восточных приделов увесистой оплеухой. После чего развернулся к Коску и коротко приказал:

— Начнет что-то вякать — связать и заткнуть в пасть кляп. Я к Гриксу.

— Слушаюсь, мой господин! — по угрюмой роже старшины арвендейльцев расплылась счастливая улыбка. Впрочем, Трой этого уже не увидел. Потому что в этот момент двигался в направлении старшины

императорских егерей.

— И как это понимать, Грикс? — холодно поинтересовался командир отдельной разведывательной сотни, подчиненной вроде как самому императору, подойдя к своему второму полусотнику. Тот угрюмо пожал плечами. Типа, а что делать-то... Но затем нехотя пояснил:

— Прошу простить, мой господин, но этот граф Остевон — такая сволочь. Он нашим столько крови попил... И злопамятный — ужас. Если бы я заартачился — жизни бы мне потом не было. К тому же вас все равно вызывают на заседание Большого совета. Так что нам так и так пришлось бы сворачивать лагерь.

Алый герцог стиснул зубы. Ну вот что ты будешь делать, несмотря на всю его громкую славу, большинство тех, кто не был с ним в Арвендейле, не очень-то его и воспринимают. То есть воспринимают, но, как бы это поточнее... согласно возрасту и статусу здесь, в империи. Где все еще помнят его как десятника наемной сотни. Даже рядовые егеря... Что ж, рано или поздно эту ситуацию все равно придется разруливать. Так почему бы не начать сейчас?

— Грикс, когда и куда пойдет МОЯ сотня, решаю только я. И император, — негромко произнес Трой. — Поэтому немедленно верните все палатки на место и вышлите на положенные места секреты.

Старшина удивленно воззрился на него.

— Но, Ваше... — начал он, но тут же осекся, наткнувшись на тяжелый взгляд, потом помолчал, искоса бросил взгляд на графа Остевона, которого уже сноровисто упаковали арвендейльцы, вздохнул, покачал головой и уныло произнес: — Слушаюсь, мой господин.

— Я не ваш господин, Грикс, я — ваш сотник, — сурово произнес Алый герцог, — и если нечто подобное повторится еще раз, то в лучшем случае я отстраню вас от командования и под конвоем отправлю в ставку. И это, повторюсь, будет в лучшем случае. Вам понятно?

— Так точно! — послушно рявкнул старшина, вытягиваясь в струнку, но потом покосился в сторону упакованной тушки бывшего старшего интенданта восточных приделов и, покачав головой, вздохнул: — Зря вы с ним так, Ваше сиятельство. Он вам этого теперь нипочем не простит. А семья Остевон в империи ой как влиятельна...

— Ничего, переживу, — хмыкнул Трой и, развернувшись, двинулся прямо к потенциальному источнику больших будущих неприятностей. Ну, если верить мнению старшины императорских егерей.

В разведку к Эл-Северину они выдвинулись еще в конце зимы.

Впрочем, в этих местах конец зимы скорее напоминал середину весны. Ну, если сравнивать погоду с той, что была характерна для Арвендейла. Во всяком случае, снег на открытых участках уже практически сошел, а кое-где сквозь пожухлую прошлогоднюю траву даже начали пробиваться первые ростки подснежников. Но в лесу снег еще лежал вовсю. Причем, вот гадство, он был сверху полностью покрыт жестким настом. Почему гадство? Да потому, что этот наст, хоть и был жестким, но человека совсем не держал, вследствие чего следы от шагов на нем отпечатывались очень отчетливо. И держались довольно долго. То есть тому, кто захотел бы оставаться в этом лесу незаметным, сделать это вследствие всего вышеперечисленного было очень сложно. А вот попасться — наоборот, легче легкого... Ситуацию спасли арвендейльцы, шустро наплетя снегоступов. Хотя эта приспособа тоже не была панацеей и накладывала на пользователя свои ограничения. Например, со снегоступами на ногах совершенно невозможно бегать, да и ходить — та еще морока. Вот сами попробуйте передвигаться в обуви, на которой налип большой и тяжелый ком грязи. А снегоступ как раз такой «ком» и есть. Только еще хуже. Потому что подобная «грязь» при этом еще и как бы расплющена в плоский блин, вследствие чего у непривычного ходока снегоступы цепляются за что только ни попадая — от веток и корней до собственных ног. Так что, несмотря на то, что снегоступы позволили передвигаться по снегу не проламывая наст и практически не оставляя следов, для того чтобы их использовать нужна была большая сноровка. И у арвендейльцев она присутствовала. А вот у егерей — нет. Те больше к лыжам были привычны. Но для использования лыж в этой местности тоже были некоторые препятствия. Потому что они оставляли хоть и менее заметные следы, чем если просто пешим через лес ломиться, но все равно разглядеть их особенного труда не составляло.

В местах своей прежней службы егерей это не особо напрягало. Они же по своим родным лесам лазали, а не в тылу у врага. Тем более кроме егерей, по тем лесам еще и охотники, и лесорубы, и рыбаки, что по зиме уходили рыбачить на дальних лесных озерах, шастали. Так что лыжных следов в лесах хватало. И отследить по ним именно егерей у потенциальных врагов особых возможностей не было. А здесь и сейчас это было не так. Леса-то вокруг, может, формально и родные, но фактически... лучше следов своего присутствия не оставлять. Потому что никаких других людей в ближних окрестностях Эл-Северина не осталось. Кто сбежал, кто убит, а кто пойман и съеден. Сами же орки на лыжах отродясь не стояли. Так что стоит только орочьему патрулю обнаружить в лесу или у опушки

лыжный след...

Так что сразу после прибытия к месту временной дислокации обязанности разделились следующим образом — арвендейльцы сразу же занялись разведкой, а егеря — обустройством лагеря. К каковому делу они как раз имели гораздо большую сноровку, чем арвендейльцы. Потому как жители Теми столь большими отрядами и так надолго в свои леса никогда не уходили. Ибо для них это означало почти непереносимую смерть. Потому как нарваться на орочий разъезд или патруль в подобном случае было легче легкого. Много народу — много шума и следов. Так что крупными командами арвендейльцы выходили за пределы городов максимум на световой день. А мелкими — старались получше ныкаться и постоянно перемещаться... Так что к длительной лесной жизни в составе большого отряда с обустроенной лесной базой охотники из Арвендейла были не слишком привычны. Нет, кое-что они уже, конечно, освоили. Войско-то до Империи шло через бывший Проклятый лес, так что времени, чтобы нахвататься верхов в весьма непростом деле обустройства лагеря, вполне хватило. Но вот опыта длительной жизни в лесном лагере и отточенных даже не годами, а десятилетиями навыков его разбивки и оборудования, которые имелись у егерей, у арвендейльцев не было... Вот так и получилось разделение труда. Впрочем, к настоящему времени лагерь был уже полностью обустроен — от палаток до навесов для хранения припасов, рогулек для подвешивания котлов у обложенных камнями очагов, настилов на деревьях для размещения секретов и наблюдателей и козел для пилки дров. А егеря за прошедшее время вполне себе освоились со снегоступами... Вот на эти самые козлы и уложили туго упакованную тушку бывшего старшего интенданта восточного придела, которому, как выяснилось, для того чтобы прийти во вменяемое состояние, пары оплеух оказалось недостаточно.

Трой подошел к козлам, окинул аккуратно упакованного графа сумрачным взглядом и, подняв руки, потянул с себя егерскую накидку. Сбросив ее на руки подскочившему арвендейльцу, он согнул руки и слегка потряхнул ими. Подхвативший накидку боец понятиливо кивнул и, повернув голову, негромко бросил:

— Ставир, слей господину...

Умывшись, Трой тщательно вытерся полотенцем и только после этого повернулся к валяющейся на козлах тушке. Окинув бывшего старшего интенданта восточных приделов теперь уже задумчивым взглядом, командир отдельной сотни разведки нехотя протянул руку и одним движением выдернул изо рта валяющегося тела деревянный чопик кляпа.

— У-у-уоу, — взвыло тело, страдальчески морщась.

— Итак, господин граф, что вы хотели мне сообщить? — таким светским тоном поинтересовался Трой. К его легкому удивлению, на этот раз бывший старший интендант восточного придела не подтвердил его самые худшие ожидания, и не стал раздражаться бесполезной и бессмысленной площадной бранью, а, наоборот, скоренько закончив демонстрировать испытываемые им боль и страдание, растянул губы в улыбке, которую, впрочем, вряд ли кто мог воспринять как дружественную.

— Э-ээ... герцог. Признаю, я был несколько не прав, начав сразу отдавать приказания вашим людям. Да и мои слова в отношении вас были вызваны вовсе не неуважением, а тем, что я вас просто не узнал в этом вашем наряде. Согласитесь, он весьма... м-м-м... своеобразен... Ну, для того, кто является герцогом и членом Малого императорского совета.

— А для командира отдельной разведывательной сотни, наоборот, вполне естественен, — хмыкнул Трой. — Но вы так и не ответили на мой вопрос.

— Да-да, конечно, непременно... — закивал головой граф Остевон, — но-о... может мы с вами оставим наши... м-м-м... недоразумения в прошлом, и вы сначала прикажете меня развязать? Тем более что письмо императора, которое я должен был передать вам, хранится в моей планшете, а она в настоящий момент накрепко притянута к моему телу теми самыми веревками, которыми я связан.

Трой окинул графа демонстративно задумчивым взглядом. Вот ведь хитрая тварь... Ну да среди интендантов глупцы попадаются редко. Проныры — каждый второй, воры — каждый первый, а вот глупцы... Не выживают они на подобных должностях... Трой развернулся и молча кивнул отирающемуся неподалеку Коску. Тот так же молча повернулся к стоящим поблизости подчиненным и мотнул головой в сторону козел, к которым тут же подскочила парочка арвендейльцев и, сноровисто сдернув тушку графа с козел, быстренько размотала веревки. Сделать это было тем более просто, что когда бывшего старшего интенданта упаковывали, его отнюдь не стали связывать по-правильному, ну, так, чтобы он не мог пошевелиться или каждое движение приводило бы к тому, чтобы узлы затягивались все больше и больше. Либо, например, к тому, что при каждом движении руки или ноги все сильнее затягивалась бы накинута на шею петля. Есть в связывании людей свои особенные хитрости, и любой более-менее опытный наемник знает не одну такую... Графа же увязали просто — стянув локти, запястья и колени и обмотав веревкой поверх. И никуда не денется, и потом развязывать куда легче. Ни один узел не сможет

затянуться настолько сильно, что придется его разрезать, портя веревку. А веревочка — это вещь в хозяйстве всегда полезная. И дрова увязать, и упряжь подвязать, и подтянуть кого куда-нибудь на скалу, дерево или стену, да и эвон, если кого связать нужно, она тоже пригодится.

Освободившись от веревок, граф тут же окинул окружающих ревнивым взглядом, придирчиво выискивая усмешки на их лицах, но большинство егерей и арвендейльцев чуть ли не демонстративно отвернулись, делая вид, что заняты своими делами и никак не интересуются происходящим. Так что если усмешки и были, то разглядеть их на лицах людей, которые в настоящий момент были повернуты к бывшему старшему интенданту восточных приделов спиной, не представлялось возможным. Те же, кто был повернут лицом, сохраняли на своих физиономиях каменно-безразличное выражение. Мол, у вас, благородных, свои дела, которые нас совершенно не касаются. Но таилось что-то в их глазах, таилось... и, похоже, граф это «что-то» вполне уловил. Потому что его рожу слегка перекосило. Впрочем, всего лишь на долю секунды. Потому что уже в следующее мгновение он расплылся в уже демонстративно любезной улыбке и, сунув руку в планшетку, выдернул оттуда деревянный пенал, запечатанный сургучной печатью.

— Герцог Арвендейл, благородное сословие империи и Его Величество приглашают вас в Парвус, на заседание Большого имперского совета, которое состоится в первый день месяца Авринис.

— Благодарю за приглашение, — коротко поклонился в ответ Трой, отметив про себя как то, что «любезный граф» в озвученном приглашении поставил «благородное сословие империи» впереди императора, так и то, что бывший старший интендант восточных приделов изящно обошел вопрос именованья императора, после чего отошел на пяток шагов и сорвал печать.

В пенале было само приглашение. И короткая записка, написанная рукой императора:

«Ты мне нужен здесь. И постарайся не убить гонца».

В карауле трое — двое сопляков и один старик, госпожа, — негромко доложил охотник, проводивший разведку.

— Старик? — удивилась Лиддит. Взрослых мужских особей во встреченных ими кочевьях практически не наблюдалось. Орк-самец по определению воин, в крайнем случае — шаман. А все воины и шаманы поголовно проходили посвящение и потому были сплошь притянуты Зовом. Охотник пренебрежительно махнул рукой.

— Этот — хромой. И, скорее всего, с детства. Похоже, когда-то сломал ногу, а потом срослась неправильно. Так что посвящение он, похоже, и не проходил. Потому-то и остался в кочевье.

Лиддит понимающе кивнула и задумалась. Охрана невелика и, судя по докладу, не представляет собой ничего серьезного. Так что и это стойбище ее отряд возьмет в мечи без особых проблем. Но вот что делать дальше — идти до самого побережья или остановиться?

Вот уже почти два месяца она со своими людьми методично зачищала предгорья.

Все началось около четырех месяцев назад. Поначалу ни о каких дальних походах никто и не думал. Какие тут походы, когда почти вся дружина, а также и наиболее боеспособная часть городских ополчений Арвендейла ушли в империю, на помощь своему герцогу? Ну, кто тут остался — стар да млад. Да бабы... Хотя арвендейльские бабы — это не то, что те неженки из империи. У них не забалуешь! Не один суровый житель Теми вскакивал поздним вечером из-за стола, за которым коротал вечерок с мужиками и, слегка отводя глаза, виновато бормотал:

— Я это... пошел, мужики. Пора мне... — После чего торопливо исчезал, сопровождаемый добрыми усмешками оставшихся. И никто его не останавливал и не подначивал. Все было понятно — мужик где-то провинился, и его лучшая половина выкатила ему условие, чтобы в этот вечер он вернулся домой не позже полуночи. Или вообще сразу по наступлении темноты. Вот и торопится домой бедолага... А куда деваться? Прекрасные дочери Теми — дамы суровые. Редко у какой за спиной не было умело охотенного до смерти боевой палицей или поднятого на рогатину орка-другого. А некоторые на счету и по десятку имели. Ибо во времена осады на стены городов выходили все, кто мог держать оружие. Иначе было не отбиться...

Так что, несмотря на то, что в герцогстве остались только старики, молодняк и бабы — ни у кого не было сомнений в том, что, случись чего, они вполне способны отстоять свои города. Но вот идти в поход... Да и на кого идти-то? Всем было известно, что подавляющее большинство орков из ближних становищ было уничтожено еще при освобождении герцогства. Ну а тех, кто мог бы подтянуться с побережья, изрядно проредили в битве у Каменного города. Тогда западные за собой много местных притянули. И по большей части все они там и полегли... А выдвигаться дальше — за хребет, в предгорья дураков не было. Кто его знает, сколько еще орков там осталось? А ну как десятки тысяч? Так что, прежде чем куда-то идти, надобно было сначала провести дальнюю разведку, вызнать как там и что, где, кого и сколько, затем дожидаться возвращения основных ударных сил, а уж потом...

Однако где-то через пару месяцев после ухода войска, троим пожилым охотникам из Зимней сторожи моча ударила в голову, вследствие чего три старика-ветерана, которых не взяли в поход из-за изрядного возраста, чем, кстати, весьма их обидели, пробежавшись по землям Теми и не набив особенной добычи, рискнули-таки уйти в рейд за Южные ворота. «Посмотреть, че там как...» — как они, переминаясь с ноги на ногу, смущенно рассказывали по возвращении своей герцогине. Почему ей? А уж больно интересные сведения принесли эти три охотника-ветерана. Такие, что старейшина потихоньку восстанавливаемой Зимней сторожи первым из власть имущих услышавший их рассказ, решил, что об увиденном ими надо непременно проинформировать и верховную власть.

— Значит, говорите, в стойбищах только самки и детеныши? — задумчиво поинтересовалась герцогиня выслушав рассказ стариков-разбой... то есть охотников.

— Точно так, Грозная Лиддит, — тряхнул головой старший из тройки зимнестужьих охотников, которому остальными двумя была доверена великая честь рассказывать все властительнице. Ему, как и большинству остальных арвендейльцев, было плевать на все эти принятые в империи куртуазные обращения. «Ваша светлость», «Ваше сиятельство», «Ваше Высочество»... тьфу пропасть — язык же ломаешь! Человека надо называть так, как он того заслужил, а не как там было кем-то установлено. И их герцогиня вполне заслужила, чтобы ее называли именно так, а не иначе... То есть, ну-у-у... и иначе, конечно, тоже... ну, можно... такую-то красотку... Но и Грозная Лиддит вполне подходит.

— Тут ведь, — смущенно продолжил старший из тройки своим обычным присловьем, — мы-тко только пяток стойбищ разведали. Так что

как оно там дальше — знать не можем. Но в тех, что увидели, — везде одно и то же. Самки да щенки...

Герцогиня на некоторое время задумалась, а потом повернулась к сенешалю Дарголу и бросила на него вопросительный взгляд. О том, что в столице появился Темный бог, который своим Зовом притянул в Эл-Северин своих посвященных, Лиддит рассказала Тамея. Она прибыла в Арвендейл несколько декад назад, официально для того, чтобы занять место настоятельницы возрожденного древнего монастыря. Вернее, пока еще возрождаемого. Потому что сам монастырь требовалось еще восстановить, а вернее — построить заново. На что сейчас не было ни денег, ни людей. Поэтому в настоящий момент сестра Тамея с дюжиной своих послушниц поселилась в герцогском замке, заняв под монастырь несколько комнат в восточном крыле, где и окормляла страждущих. Ну и еще негласно помогала сестре управляться с делами... Но истинной причиной ее появления в Арвендейле было отнюдь не поручение восстановить монастырь (вернее, не так, скорее — отнюдь не только это поручение и даже не в первую очередь...), а тревога конклава сестер по поводу сохранности вновь обретенной святыни — плащаницы Гвенди. Арвендейл как самое отдаленное и весьма укрепленное герцогство после захвата орками столицы внезапно оказался едва ли не самой безопасной частью империи. Ибо предсказать, в какую сторону может двинуться из столицы захватившая ее Орда, никто пока не брался. Вероятность же того, что Орда скоро куда-то двинется, была весьма велика... Вследствие этого даже самый надежный и хорошо укрепленный монастырь или даже город мог оказаться на пути двинувшихся из Эл-Северина орков. Везти же вновь обретенную святыню по стране вслед за собирающейся армией так же означало подвергать ее опасности переменчивого военного счастья. Ну, кто знает, как все повернется во время очередной битвы? Может, даже люди его и выиграют, но вот обоз, а то и вообще — ставка, окажутся на какое-то, пусть даже очень небольшое, время захвачены каким-нибудь неожиданно прорвавшимся орочьим отрядом. И этого времени им вполне хватит на то, чтобы окончательно уничтожить священную реликвию... Вот конклав сестер и посчитал, что счастливо обретенная плащаница будет в Арвендейле в наибольшей безопасности, отправив ее туда вместе с той, которая не словом, а делом доказала то, что способна сохранить святыню даже в самых неблагоприятных обстоятельствах. Впрочем, так считали не только сестры, но и многочисленные беженцы... Так что Тамея появилась в герцогстве вместе с Дарголом, которого Трой отправил в герцогство восстанавливаться после орочьего плена и набираться сил. А так же

охранять его домен и... беречь его любовь.

Даргол, поймав взгляд своей повелительницы, насупился и отрицательно качнул головой.

— Ваше сиятельство, мой долг — вручить вас нашему герцогу в целости и сохранности, а не...

— А мой — не упускать шанса навсегда избавить Арвендейл от опасности орочьих набегов, — перебив его, отрезала Лиддит. Старики-разбой... то есть охотники, горделиво переглянулись. Мол, вишь как, наша-то... ну как ее еще именовать окромя как Грозной?

А Лиддит между тем продолжила уже более мягко:

— К тому же дело не только в будущей безопасности. Ты видишь, Даргол, какой поток переселенцев устремился к нам из империи. Разместить столько людей в городах мы не сможем. Придется закладывать деревни. А они куда более уязвимы перед набегами. Для них будет опасен даже небольшой вроде «похода за ушами»... — так назывался набег молодых орков, являющийся для них чем-то вроде посвящения в воины. Главным трофеем такого набега являлись не свежее мясо или награбленный скарб, а уши убитых врагов. Причем необязательно человечьи, допускались любые — в том числе и орков из враждебных родов... Но орки герцогиню не волновали. А вот люди — наоборот. И вот как раз во время «походов за ушами» в людские земли орочьи отряды обычно не лезли к городам и даже хорошо укрепленным селам, взять которые было тяжело, но в которых можно было рассчитывать на богатую добычу, а старались отыскать небольшие деревеньки и порезвиться именно в них. Ранее Арвендейл это не особенно затрагивало. Потому что в Теми люди жили только в городах. Не было здесь деревень. Те, что имелись когда-то в древнем герцогстве Арвендейл, орки вырезали подчистую еще во время завоевания или в первые годы после него. А новых никто не закладывал. Ибо при таком соотношении сил, какое сложилось здесь, отбиться от орков, не имея высоких и крепких стен было совершенно невозможно... Но теперь деревни, несомненно, должны были появиться. Потому что и опасность со стороны орков резко уменьшилась, да и места для расселения новых жителей в городах герцогства уже практически не осталось. А люди все продолжали и продолжали идти. Строить же новые города... хм, а вы думаете это так просто? Города-то обустраиваются десятилетиями, а то и столетиями...

— ...особенно с такими вояками, какие получатся из беженцев, — закончила Лиддит.

Даргол мрачно кивнул. Да уж, из беженцев, прибывших из

центральных районов империи, вояки как из... кхм... ну, короче, понятно. Так что даже если и удастся убедить их потратить силы на то, чтобы поставить хотя бы простой частокол — толку от этого будет немного. Потому что сила обороны не в стенах, а в людях, стоящих на них. Сделать же из беженца даже сносного (ну по арвендейльским меркам) ополченца, способного выстоять против орков хотя бы на стене, — ой сколько сил надо будет приложить для этого. И все равно результат не гарантирован. Те, кто бежит из родных мест вместо того, чтобы за них драться, не вызывали особого доверия ни у Даргола, ни у арвендейльцев. Так что рассчитывать на то, что вновь закладываемые деревни смогут хоть как-то за себя постоять можно будет не ранее, чем в них вырастет следующее поколение. Уже арвендейльское.

— И все-таки, сестра, — мягко вступила в разговор Тамея, — я бы советовала тебе не поддаваться эмоциям и хорошо подумать перед тем, как принимать решение.

Герцогиня снова вскинулась, но сдержала себя. Они с сестрой за последнее время сильно сблизились. Они и раньше относились друг к другу неплохо, хотя смотрели на выбор друг друга скорее с удивлением, чем с пониманием. Уж больно различным он оказался, их жизненный выбор. Но со времен предыдущей встречи у каждой из них изрядно прибавилось жизненного опыта, вследствие чего категоричность в оценках и бескомпромиссность в поступках, ранее характерная для обеих сестер, заметно смягчилась. Что только пошло им на пользу, сразу прибавив обеим в глазах окружающих и авторитета и влияния. Поэтому Лиддит несколько мгновений помолчала, а затем сдержанно произнесла:

— Хорошо, сестра, я пока не буду сейчас принимать никакого решения и обещаю тебе еще раз всесторонне обдумать этот вопрос.

Однако, судя по тому, какой огонек разгорелся в ее глазах, всем, присутствующим в зале, было совершенно ясно, что на самом деле молодая герцогиня решение уже приняла. И не собирается от него отказываться. Ну как же — появился такой шанс не только сохранить домен, но еще и навсегда обезопасить его от любых возможных набегов. А то и, чем Сумрачные сестры не шутят, изрядно округлить его, подгребя под свою руку обезлю... то есть обезорчившие земли аж до самого побережья. Что означало практически удвоение территории герцогства! Тем более что поток беженцев и иных переселенцев из центральных провинций империи хоть за последнее время изрядно уменьшился, пока и не думал иссякать. Следовательно, кем заселить и тем самым за столбить за собой вновь взятые под руку герцогства земли — так же было...

Так оно в конце концов и произошло. Поэтому уже через четыре дня после того доклада охотников герцогине во все города Арвендейла были отправлены гонцы с просьбой к городским советам выделить в состав временной герцогской дружины по несколько десятков мечей из состава городских ополчений. Самых лучших среди тех, кто оставался... Для чего собирают людей — большинству арвендейльцев к тому времени уже стало известно. Потому что ни до, ни после доклада старики-охотники отнюдь не молчали о своем путешествии, а, наоборот, щедро делились с теми, кто подливал, и подробностями своего рейда, и собственными выводами. Так что к тому моменту, когда из замка разлетелись гонцы, по герцогству уже вовсю гуляли слухи и сплетни...

Сводный отряд, он же — временная герцогская дружина, собрался уже через неделю. Причем воины прибыли не только из городов людей. Эльфы и гномы, к которым гонцы отправились больше по традиции, чем вследствие того, что на их силы действительно рассчитывали, также прислали своих бойцов. И хотя те, похоже, тоже были либо еще юнцами, либо инвалидами, не тянущими на полноценных бойцов, сам факт того, что даже в отсутствие герцога, у которого владельцы Каменного города и Эллосила были в побратимах, эльфы и гномы, или, как раньше говорили в Теми, — Могучие и Высокие все равно приняли решение выступить вместе с людьми, наполняло сердца всех жителей Арвендейла надеждой и гордостью. Надеждой на то, что древний Арвендейл возродится во всем своем блеске, и славе, и гордости за то, что они не только видят это, но еще и в этом участвуют. Кроме того, еще около двух сотен бойцов набрали среди переселенцев. Хотя этих бойцов никто особенно в расчеты не принимал. Потому как ну какие из них бойцы? Те из жителей центральных провинций, кто мог и готов был сражаться, влились в армию, собираемую императором, или пополнили полки, стоящие на границах. А те, кто сбежал в Арвендейл... Однако взяли и их. Ну и пусть не бойцы, так ведь в любом походе всегда найдется чем занять лишние рабочие руки...

— Хорошо, спасибо за работу, — кивнула Лиддит разведчику и, развернувшись, негромко окликнула: — Фодр!

— Да, госпожа... — привычно мрачный старшина Зимней сторожи, исполнявшей в ее отряде обязанности ее правой руки, тут же выдвинулся вперед и замер, ожидая распоряжений.

— Насколько я понимаю, мы уже вышли за пределы предгорий?

— Так и есть, госпожа, — кивнул тот. — Два дня назад. Так что отсюда, можно сказать, уже начинаются приморские равнины. Поэтому орочьи становища теперь будут попадаться куда чаще. И народу в них

будет точно побольше. Здесь-то пастбища куда лучше, чем в предгорьях, вот они и...

— Как думаешь, — прервала его Лиддит, — насколько опасно двигаться дальше, к побережью? Может, пора поворачивать назад?

Старшина Зимней сторожи задумался. В принципе, они уже вычистили от орков все предгорья. Притом что изначально планировалось ограничиться только ими...

Планы Лиддит зачистить все приморские равнины были похоронены сразу же, едва только она про них заикнулась. Уж больно небольшой отряд удалось собрать — всего около тысячи двухсот человек. В прежние времена и думать было нечего сунуться за Южные врата такими силами. Да что там с такими — в прежние времена никому и в голову не могли прийти мысли сунуться за Южные врата. Но вот ведь как все меняется, после битвы у Каменного города таковая мысль пришла как минимум парочке пожилых авантюристов. И вот теперь ею же оказалась заражена и прекрасная головка герцогини. Однако лезть к побережью столь малыми силами... После того как герцогиня высказала это пожелание, Даргол вскинулся так, что многие предположили, что если бы не столько народу вокруг, прелестной попке дочери бывшего императора точно пришлось бы отведать «горяченьких»... Однако сенешаль сумел сдержаться и высказал свое мнение вполне себе выдержанным тоном. Ну почти... Так что на военном совете, состоявшемся перед выходом, было решено не удаляться от ворот далее чем на десять дней пути и ограничиться рейдом по ближним предгорьям.

Однако к настоящему моменту временная дружина, почти декаду тому назад разделившаяся на два отряда, которые возглавили Лиддит и Даргол, уже отошла от Южных врат на расстояние в семнадцать дневных переходов. И решение о том, что пора поворачивать назад, пока еще не было принято. Уж больно удачно складывались дела.

За время рейда только возглавляемая герцогиней часть временной дружины, к настоящему моменту насчитывающая около четырех с половиной сотен мечей и копий, уже вырезала тринадцать становищ, безвозвратно потеряв при этом всего около полутора десятков бойцов... Ну ладно — около пяти, если считать всех серьезно раненных и увечных. И отнюдь не потому что в отряде все были такие уж умелые и подготовленные (скорее совсем наоборот), а потому, что противостояли им не опытные воины и шаманы, а такой же орочий молодняк и самки... Впрочем, с другой стороны, и легкой прогулкой этот рейд тоже назвать было нельзя. Десятилетний орк-подросток, еще не прошедший посвящения в воины, весит как сорокалетний мужик и обладает схожей силой. А самка-

орчанка так и еще тяжелее. И вполне способна прилично управляться с пращей и метать в пришельцев что-либо тяжелое из домашней утвари. Да и если приголубит дубиной или какой жердью — так же мало не покажется.

— Ну, потери у нас покамест не так чтобы очень большие. Так что я бы рискнул еще пару-тройку дней двигаться в сторону побережья. Авось еще одно-два кочевья удастся зачистить. А чем больше мы их возьмем к ногтю сейчас — тем меньше вероятность того, что они сумеют как-то организовать насчет набега, — Фодр сделал короткую паузу, а затем закончил: — Но вот двигаться дальше я бы не советовал.

— Почему?

Старейшина Зимней сторожи наморщил лоб, а затем потер его рукой.

— Дык, слишком нас мало. А через два дневных перехода приморские равнины аккуратно разбегаются во всю ширь. Так что надежно перекрыть фронт нашего движения патрулями уже не получится. Да и сами патрули на равнинах будут видны издалека. Точно кто-нибудь заметит... Так что вероятность того, что можем пропустить кого, а то и вообще не заметить какое кочевье, резко возрастет, — степенно пояснил он. Лиддит понимающе кивнула. Все их успехи были в первую очередь построены на внезапности, то есть на том, что все кочевья, на которые они нападали, были застигнуты практически врасплох. Да что там говорить — почти половина раненых и убитых в ее сотнях пришлась на всего лишь одно кочевье, в котором подкрадывающихся людей обнаружил уснувший не в шатре или там у костра, то есть в более-менее привычном месте, а при стаде, то есть за пределами становища, орчонок-пастух. С какого хрена он там оказался — было неизвестно. Вполне возможно, его вечером побили или выгнали старшие детеныши. Либо и то и другое, вместе взятое. Ну да и Темные боги бы с ним, но он проснулся в самый неудачный момент, когда они еще только окружали становище, и, разглядев людей, заорал, переполошив кочевье — от самок и стариков до варгов. Что обернулось для отряда восемью убитыми и более чем полусотней раненых, из которых почти два десятка тяжело. И если бы не гномы, успевшие сбить хоть и жидкий, но хирд... Так вот, если они оставят за спиной какое необнаруженное кочевье, то какой-нибудь орк-охотник или пастушонок из него, да просто кто-нибудь отъехавший по каким-нибудь делам на лигу-другую в сторону или просто решивший там навестить соседнее кочевье, вполне может наткнуться на следы их отряда. А это почти непременно должно будет привести не только к тому, что из пропущенного кочевья сразу же разошлют гонцов, после чего ни о каком эффекте внезапности не может быть и речи, но и с большой долей вероятности к тому, что сборная

солянка из пропущенного становища и успевших к нему присоединиться орков из других становищ улучит момент и ударит им в тыл. Причем не только им, но и, вполне вероятно, отряду Даргола. И даже этим возможные неприятности не ограничивались. Потому что если люди понесут серьезные потери, а то и вообще будут разгромлены, дело может дойти и до Орды! То есть ну как Орды... по всем привычным меркам та сборная солянка, которую орки смогут собрать, потянет максимум на набег, причем не очень и большой. Однако набег, по орочьим правилам, собирал род, несколько родов или, в крайнем случае, небольшое племя. Здесь же, скорее всего, никакому племени в одиночку набрать сил для сколько-нибудь серьезного набега не получится. Уж больно мало в кочевьях бойцов... То есть орки соберут всех, кого только смогут. Так что, хоть по численности это будет не слишком большой набег, по сути, и адатам — Орда. Пусть и слабая и составленная все из тех же сопляков и самок. Но даже и такой им в Арвендейле сейчас нахрен не надо! С таким количеством беженцев-то... То есть результатом всего одного неудачного боя вполне может стать не возросшая безопасность земель Арвендейла, а совсем наоборот — незапланированный набег. Тем более что варгов-то Зов никуда не забирал. А варги — твари грозные...

— Значит, говоришь, два-три дня? — коротко вздохнув, уточнила Лиддит. — Жаль. Хотелось бы проредить этих тварей как можно сильнее.

— А и сделаем, — хищно ухмыльнулся Фодр. — Я тут подумал — мы им напоследок очень неприятный подарочек можем оставить. Снега-то в степи уже и нет. И трава уже совсем вся сухая. Так что дождемся нужного ветра и подожжем степь. Орки живут скотом, а скоту нужна трава. Пусть даже и такая — зимняя и пожухлая. И если она выгорит — скот падет, и кочевья под зиму останутся без пищи. Новая-то трава до весны не появится! Так что к весне орков перемрет не меньше половины от оставшегося. И то если выжившие вовремя перейдут на орчатину. А там, дадут боги, и герцог с нашими возвратятся. Тогда можно будет сюда сызнова наведаться и дочистить то, что не успеем сейчас...

— Хорошо, идем вперед еще три дня, а потом — поворачиваем домой, — после короткого раздумья кивнула герцогиня и приказала: — И давай отправь гонца к Дарголу. Пусть тоже потихоньку закругляется и поворачивает на соединение с нами.

Налет на обнаруженное становище прошел относительно нормально. Уже поднаторевшие во внезапных нападениях бойцы подобрались к костру, у которого сидели придремавшие сторожа, практически вплотную. Только хромой старик-орк в последний момент что-то почувал. Но сделать ничего

не успел. Даже заорать... Так что стражу взяли в ножи. Ну, а потом все пошло как обычно — не успевшие проснуться самки и детеныши почти не доставили никаких проблем. А с варгами — главной ударной силой и основной опасностью в этом рейде, которых в этом стойбище оказалось всего пять штук, — расправились по уже ставшей привычной методе. То есть сначала тварей притормозили стрелами эльфы и охотники, а потом их утыканные стрелами тушки взяли на копья гномы. Так что потери ограничились всего лишь пятью легко ранеными, из которых только один выбыл из строя относительно надолго. Да и то только потому, что все лечебные амулеты к настоящему моменту оказались полностью разряжены.

Следующий день, как обычно, увязывали добычу и формировали стада, которые теперь требовалось отогнать к Южным воротам. Что, впрочем, было весьма муторным занятием. Скот у орков был кочевой, то есть привыкший к свободному выпасу. Более-менее сносно управлять им способны были только специально натасканные варги из числа старых самцов и самок, уже не способных носить на себе воина. Вот такая у них была своеобразная пенсия... коих, естественно, всех помножили на ноль во время атаки. Так что управляться с ним было довольно тяжело.

Вообще-то в обычных условиях он никому и не нужен бы был. Поскольку являлся мелким и довольно худосочным. Если бы не беженцы. Да и то, что достался он, считай, на дармовщинку тоже сыграло свою роль. Тем более что на развод его никто оставлять не собирался — он практически весь должен был пойти под нож — на прокорм беженцам, сберегая осадные запасы городов, за счет которых тех содержали до этого. Так что, даже если не учитывать сокращение орочьего поголовья, что, естественно, являлось основной целью рейда, его все равно можно было считать уже более чем окупившимся. Ибо до его начала пропитание беженцев было для Лиддит постоянной головной болью. Уж больно много их набежало в герцогство... И кто может знать, сколько еще народу набежит в Арвендейл? И в каком они будут положении и состоянии? Вот вследствие этого все, что можно съесть и чем можно защититься от холода, в орочьих становищах собирали и упаковывали весьма тщательно...

Впрочем, часть скота, вполне возможно, останется и на развод. Тем же беженцам. А то среди них такие попадают — полная нищета. То есть бросили все и утекли в чем были. Так вот такие пока обрадуются и худосочным орочьим овцам. А уж как обживутся, да поднакопят жирок — тогда и поменяют. Тем более что у орчьего степного скота, при всех его недостатках, есть одно весомое преимущество — он неприхотлив. То есть вполне способен перезимовать на том, что выкопает из-под снега, какого в

Арвендейле, в отличие от здешних мест, еще вполне хватало. Ибо подавляющее большинство беженцев, даже тех, что успели забрать весь свой скарб и скотину, совершенно точно не успели заготовить на зиму достаточно корма.

Следующее кочевье, налет на которое должен был стать последним в этом рейде, обнаружили только к вечеру третьего дня. И оно принесло неожиданный сюрприз... То есть на первый взгляд оно ничем не отличалось от всех предыдущих. Но так считали только до того момента, пока не вернулись разведчики.

— Госпожа, охотники обнаружили, что в стойбище есть люди, — коротко доложил Фодр, когда Лиддит, закончив обихаживать свою Алэрос после дневного перехода, уселась на брошенное поверх попоны седло и приготовилась подкрепиться скудным ужином.

— Люди? — удивилась герцогиня, отрываясь от котелка. И немудрено. Людей орки воспринимали только как пищу. Причем деликатесную. Так что даже рабы у них были практически исключительно из числа своих, то есть орков. Да и было весьма немного. Рабов ведь кормить надо, одевать. Особенно в зиму. Поэтому большая часть работ по хозяйству выполнялась молодняком и самками. А тут вдруг люди!

— Да. И, похоже, они откуда-то издалека. Во всяком случае, те остатки одежды, которые есть на них, не похожи ни на то, что носят в Тем... то есть в Арвендейле, ни на одежду морского народа. Да и на тех, кто пришел в... Арвендейл с герцогом из империи я ничего похожего не видел. Хотя... — Фодр запнулся и пожал плечами, — империя велика и, вполне возможно, они из каких-то провинций, выходцев из которой мы еще просто не видели.

— Понятно, — задумчиво кивнула Лиддит, — я должна на них посмотреть.

— Госпожа, — нахмурился Фодр, — это довольно большое стойбище — мы насчитали почти два десятка шатров, да и варгов там куда больше, чем в тех, что встречались раньше. Так что я не думаю, что ваше желание — это хорошая...

— Вот только ты не начинай, Фодр, — сердито оборвала его герцогиня, отставляя в сторону котелок, — мне одного Даргола выше крыши. Я тебе сказала, что должна на них посмотреть, — и сделаю это. В конце концов, я знакома с тем, как одеваются не только в империи, но и в большинстве соседних стран. Так что я лучше всех из присутствующих смогу определить, откуда эти люди.

— Ну-у, это можно было бы сделать и потом, когда мы их отобьем, — уже сдаваясь пробормотал старшина Зимней сторожи. А куда было

деваться? Он знал свою госпожу достаточно хорошо, чтобы понять — если она начала говорить подобным тоном, противиться бесполезно...

— Не знаю, — с сомнением прошептала Лиддит, после того как почти полчаса рассматривала три унылых фигуры, собиравших кизяк в овечьем загоне. — Очень сложно понять, во что они были одеты до тех пор, пока их одежда не превратилась вот в это...

Фодр красноречиво вздохнул. Мол, а он что говорил?

— Ладно, расспросим, когда разберемся с орками. Постарайся, чтобы они во время атаки не пострадали. Их где-то запирают или как?

— Вряд ли, — пожал плечами старейшина Зимней сторожи. — Скорее всего, они ночуют с овцами. В шатры орки их точно не пускают, а если спать в одиночку — околеешь от холода. Сами знаете, госпожа, ночами без согревающих амулетов уже сильно холодно.

— Ну что ж — тем лучше, — усмехнулась Лиддит. Появление людей в глухом орочьем стойбище на окраине мира означало какую-то загадку. И это было хорошо. А то она уже устала от монотонной работы мясника, в которую превратился этот рейд. Именно этой усталостью и было вызвано ее упрямство...

Трой стоял у ограды ристалища в одной рубашке и, опираясь на верхнюю слегу, смотрел на то, как герольды сосредоточенно рассыпают песок по грязи. Его соперник, высокий, могучий мужчина, в этот момент как раз облачался в свой доспех.

До Парвуса они с графом Остевон добрались за три дня до начала Большого имперского совета. Всю дорогу бывший старший интендант восточного придела был сама любезность. Он рассказывал забавные истории, сыпал шутками, заказывал на постоянных дворах самое дорогое вино, но после рассказов Грикса Трой насчет графа нисколько не обманывался. Граф ничего не забыл и не простил. Просто... просто у него в этой поездке были свои цели, для успешного достижения которых ему требовалось максимально сблизиться с «выскочкой» и «темной лошадкой», которыми все еще оставался для большинства аристократов империи бывший наемник, так неожиданно для всех выбившийся в герцоги. Несмотря на всю его вроде как громкую славу... Так что всю дорогу до Парвуса Трой чувствовал себя мухой в паутине, которую искусно плел вокруг него граф Остевон. Впрочем, то, что вокруг него плетется паутина, он смог понять только потому, что уже вляпывался в нечто подобное. Во время своего путешествия в Светлый лес. Тогда его тоже опутали, выпотрошили, загрузили и наладили так, что на следующий день, во время встречи со Светлой владычицей, он, будто кукла-марионетка, «проплясал» всю встречу с Владычицей и Владетелями Великих домов так, как было нужно его «гостеприимным» хозяевам. Нет, на самой встрече его никто ни за какие «ниточки» не «дергал». Все было сделано куда искуснее. Во время вечернего «дружеского» разговора Алендил и Аслендил выпотрошили его, вытащив наружу весь его жизненный опыт, установки, чаяния, ценности и черты характера, оценили извлеченное, прикинули, как это можно использовать, а потом подгрузили так, что когда он оказался перед ликом Светлой владычицы, то на все внешние раздражители в виде обвинений, предложений и даже вроде как вполне невинных вопросов отреагировал именно так, как было нужно главе дома Асленгеронд. И то, что Трой тогда добился хотя бы части того, чего хотел, было не его заслугой, а всего лишь его удачей. Которая состояла в том, что чаяния Троя каким-то совершенно неведомым ему образом оказались не только не противоречащими, а даже

как-то помогающими продвинуться к достижению своих целей и этим древним интриганам. В ином случае его миссия совершенно точно закончилась бы провалом. Хотя понял это будущий герцог Арвендейл уже много позже той памятной встречи.

Так вот, граф Остевон всю дорогу до Парвуса пытался сделать с Троем примерно то же самое, что и Аслендил. Но, увы, на фоне тысячелетнего эльфа все попытки бывшего старшего интенданта восточного придела выглядели откровенно убого. Так что на этот раз поле боя, скорее всего, осталось за герцогом Арвендейл. Не в том смысле, что Трой не сказал графу вообще ничего, а в том, что бывший старший интендант смог узнать от своего визави только то, что тот сам захотел ему сообщить. Ну, наверное... В конце концов, граф был тем еще интриганом и умел плести словесные кружева куда лучше бывшего наемника, выросшего в глухой деревне на самой окраине обитаемого мира. Так что где-нибудь Трой точно прокололся. Хотя он очень старался не выходить из явно сложившегося в голове у бывшего старшего интенданта образа жесткого, даже жестокого, но туповатого и недалекого вояки, которому просто повезло. А то, что граф воспринимает его именно так, Трою стало ясно довольно быстро. И по манере разговора, и по тем вопросам, которые бывший старший интендант восточных приделов довольно умело вплетал в ткань вроде как вполне беззаботной болтовни ни о чем, да и по манере, в которой эти вопросы формулировались. И именно потому, что ему приходилось всего лишь поддерживать уже сложившееся у графа впечатление о себе, а не делать нечто более сложное, он и надеялся на то, что у него все получится. Так что дорога вышла... познавательная. И весьма.

На подъезде к Парвусу его встретил Арил. Уважительно поклонившись Трою и окинув графа таким демонстративно-пренебрежительным взглядом, он нарочито-сурово насупил брови и прямо-таки пафосно-торжественно произнес:

— Герцог, император желает видеть вас немедленно!

Трой слегка опешил от столь зашкаливающего пафоса, но затем до него дошло, что это некий спектакль и что его роль в нем, скорее всего, отнюдь не зрителя. Поэтому он, в свою очередь, тут же принял максимально горделивый вид и, даже несколько натужно напыжившись, величественно кивнул Арилу. После чего повернулся к бывшему старшему интенданту восточных приделов и небрежно бросил:

— Благодарю за приятную компанию, граф. Я вынужден вас оставить. Дела, знаете ли... — после чего прищипорил коня. Арил быстро развернулся и быстро пристроился рядом. Некоторое время они молча скакали рядом, а

затем побратим негромко заговорил:

— Молодец, хорошо подыграл, — а затем легко мотнул головой назад:
— Этот сильно достал?

Трой понимающе ухмыльнулся.

— Да нет, не очень. Но мозги напряг. Всю дорогу пытался выведывать кто, где, как, с кем и почему это граф Шоггир до сих пор не скovyрнул с трона этого выскочку, который неизвестно каким путем смог натянуть себе на тупую башку императорскую корону, с которой совершенно не знает как обращаться.

Арил понимающе хмыкнул, а потом вздохнул:

— У нас такие приколы каждый день. Мало кто из знати верит в то, что Марелборо — это Марелборо. Некоторые умники вообще считают, что он — подставная фигура, то есть нечто вроде вешалки, на которую некто просто надел корону «повисеть». То есть ритуал до сих пор не проведен и императора фактически нет.

— Что? — ошалело переспросил Трой, натягивая уздечку. — Но... как это? Кто же тогда поверг Ыхлыга? И как на подобные разговоры реагируют те же Шоггир и Элиот Пантиопет?

— Они? — Арил хитро прищурился. — А никак. Потому что их здесь нет. И большинства тех, кто был с нами у башни Гвенди, тоже.

— А где же они?

— Да кто его знает? — ухмыльнулся Арил. — Император всех разослал с какими-то неотложными поручениями.

— Но... зачем? — нахмурился герцог Арвендейл. Он ничего не понимал. Ему казалось, что в данный момент император должен деятельно готовиться к освобождению Эл-Северина, для чего, по разумению Троя, ему надо было, максимально быстро покончить со всяким разбродом и шатаниями и собрать все силы людей в могучий кулак. А на самом деле, если он правильно понял рассказ своего побратима, Марелборо почему-то делал совершенно противоположное.

— А вот это ты сам у Марела спросишь, — усмехнулся Арил. — Приехали уже.

К императору Троя проводили всего через двадцать минут после того, как он появился в его заполненной людьми приемной. Что, по местным меркам, было почти мгновенно.

— Привет, сотник. — Марелборо поднялся из-за заваленного бумагами стола и, шагнув вперед, обнял его. — Уже в курсе, что у нас тут творится?

— Если вы о слухах насчет того, что вы, мой император, как бы и не вы... — осторожно начал Трой. Император с усмешкой кивнул. Трой

замолчал. А потом удивленно спросил:

— Но почему вы этого не пресекли, сир? Ведь, насколько я понимаю, прекратить все эти сомнения достаточно просто. Достаточно продемонстрировать, что корона полностью вам подчиняется, и, даже если кто-то все продолжит не верить, что вы — тот самый Марелборо, никаких сомнений в том, что вы — истинный коронованный император, не останется?

— Угу, — усмехнулся Марелборо. — А потом мне придется еще лет десять разбираться с тем, кто, как, кого и насколько поддерживает, кто кому что обещал и кто с кого какие обещания требовал, так что ли? — император вздохнул. — Трой, пойми, монарх, сколь бы сильным он ни был и каким бы всевластным себя ни ощущал, никогда не бывает полностью и окончательно самодержавным. Он всегда более или менее, но зависим от тех, кто стоит рядом с ним. Недаром в клятве оммага вассал берет на себя обязательства не только верно служить своему господину, являться по его зову на битву, но и давать ему советы. И я не хочу, чтобы эти советы давали мне те, кто спит и видит, как бы меня прикончить и занять мое место.

— Ваше? — Трой скептически хмыкнул. — Хотел бы я на это посмотреть. С короной-то...

Но Марелборо в ответ только осуждающе покачал головой.

— Твоему прежнему императору мощь короны не особенно помогла не только остаться в живых, но и даже не стать жертвой. К тому же... — Марелборо слегка запнулся, но затем все же решительно произнес: — Я еще не полностью восстановил свои силы. Да, с короной я многое могу, но по большому счету, куда меньше, чем ранее, и, скажу тебе по секрету, пока еще даже меньше того, что мог с ней прежний император. Вот поэтому мне очень важно узнать, на кого я действительно могу положиться, а кто просто затаился на время. А ситуация, когда большинство вокруг уверено, что еще ничего не предрешено и что все еще можно переиграть в ту или иную сторону, очень способствует сниманию масок.

Трой задумался надолго. Император не мешал ему, посматривая на своего верного вассала с едва заметной улыбкой.

— Понятно, сир, но... я все-таки не понял, как вам удалось добиться того, чтобы они поняли, что ситуация именно такова? Ведь Ыхлыг реально мертв! Какое лучшее доказательство того, что вы вполне способны использовать мощь короны, еще требуется? А это же первый и главный признак того, что коронация состоялась и вы — законный император.

— Я? — делано удивился император, расплывшись в совсем уж широкой улыбке. — С чего ты взял?

Трой снова задумался.

— М-м-м... все равно не понимаю, — произнес он спустя несколько минут. — Не сходится у меня что-то... Ведь даже если считать, что вы разослали с разными поручениями большинство людей, непосредственно участвовавших в схватке в подземелье башни Гвенди, слухи-то все равно не остановить.

— Слухи — не слишком достоверный источник информации, — усмехнулся Марелборо. К тому же я воспользовался правилом «Я лично знаком с одним парнем, брат которого...».

Трой озадаченно уставился на императора.

— В смысле?

Тот усмехнулся.

— Во-первых, ни один умелый управленец никогда не будет до конца доверять сведениям, которые получены от любых других людей, кроме тех, которым он полностью доверяет. Конечно, это не означает, что он не будет принимать их во внимание. Будет. Но скорее как повод для проверки, а не как достоверный факт. Потому что... слышал такое выражение: «Врет как очевидец»?

Герцог Арвендейл отрицательно мотнул головой. Император наставительно воздел палец.

— Запомни. Полезно... Ну, а во-вторых, если некоторой части информации, рассказанной непосредственными участниками событий, еще можно как-то доверять, хотя бы условно, то вот сведениям, полученным после тройной передачи, доверять не следует в девяти случаях из десяти. И любому Владетелю это прекрасно известно.

Трой снова ненадолго задумался, а затем едва слышно пробормотал:

— Я — раз, знаком с одним парнем — два, брат которого... хм, — он изумленно уставился на императора и восхищенно произнес: — То есть, разослав всех непосредственных участников событий и большинство тех, кто во время этих событий хотя бы находился поблизости, и оставив в пределах досягаемости для ваших недругов исключительно людей, которые могут только пересказывать пересказы, вы...

Марелборо довольно кивнул:

— Да, полностью обесценил их рассказы. Как бы убедительно они ни рассказывали — их рассказы для *знающих* людей будут только увеличивать их собственный скепсис.

— Хорошо, — герцог Арвендейл уважительно склонил голову. — Спасибо за очередной урок, сир. Могу я узнать, какое место в вашем плане отведено мне?

— Ну, так для этого я тебя и пригласил, — хмыкнул император. — Ситуация уже достаточно накалена, и развязка может наступить буквально в ближайшие дни. А то и часы.

— То есть?

— Дело в том, что наши па-артнеры, — тут губы Марелборо скривились в усмешке, — отчего-то посчитали, что живой и здоровый Марелборо во главе Империи людей более опасен для них, чем орки в сердце континента, занимающие один из наиболее мощных городов-крепостей. Вследствие чего благодаря их... ну и не только, — улыбка императора стала слегка хитровой, — усилиям, часть аристократии решила примерно наказать «появившегося ниоткуда выскочку, случайно завладевшего короной», — судя по тому, как старый соратник Троя выделил голосом последние слова, он явно кого-то цитировал. — Но эта часть оказалась не слишком большой. А подавляющее большинство Владетелей оказалось гораздо умнее. И решило подождать и посмотреть, что такого я предъявлю на Большом имперском совете. Что для господ, организовавших комплот, не очень хорошо. Поэтому я предполагаю, что они готовят несколько серьезных провокаций. Которые мне, как ты понимаешь, в преддверии Большого императорского совета совсем не нужны. Как, впрочем, и во время его проведения. Ну, или как минимум нужно, чтобы те, кто их устроил, не добились своих целей. Понятно?

— И при чем тут я? — после некоторого размышления уточнил Трой. — Я как-то не очень умею...

— А тебе и не надо ничего уметь, — довольно фыркнул император. — Потому что ты сам — отличная точка фокуса для подобных провокаций. Тебе достаточно просто быть здесь — и они сами тебя найдут. А ты, насколько я мог убедиться, даже не будучи предупрежденным, то есть сам по себе вполне себе способен разрушить любые самые хитрые планы и заговоры.

— Герцог, пора облачаться, — негромко произнесли за спиной Троя. Он молча кивнул и, развернувшись, двинулся в сторону шатра, на ходу бросив взгляд на море голов, окружившее ристалищное поле. Да уж, народу здесь собралось... не только вся армия и жители Парвуса, но и из соседних городков и деревень тоже явно подъехали. А уж купеческой челяди сколько... Так что, можно не сомневаться, информация о сегодняшней схватке очень широко разойдется по городам и весям.

Он усмехнулся. Да уж, император оказался совершенно прав, когда обозвал его этой самой «точкой фокуса».

Несмотря на ожидания Марелборо, три дня, оставшиеся до начала работы Большого имперского совета, прошли вполне спокойно. Нет, Трой чувствовал направленные на себя косые взгляды, да и разные шепотки за спиной тоже временами раздавались очень... ну рука к мечу сама тянулась. Но в открытую отчего-то никто не лез. А вот вечером первого дня его работы...

Первое заседание Большого имперского совета прошло довольно мирно. Впрочем, это было вполне объяснимо. Потому что первое заседание по существу, было скорее ритуальным, чем содержательным. На нем по традиции обычно ограничивались только избранием маршалов Совета, в чью обязанность входило следить за порядком во время выступлений и прений, вследствие чего они лишались и права выступать, и права голосовать на Совете на все время его работы. Поэтому никто из наиболее влиятельных лиц в их число не баллотировался. Вследствие чего этот вопрос разрешился быстро и достаточно безболезненно... Потом был совместный молебен. Затем жребий, определивший кому, где и с кем рядом сидеть. Жребий оказался необходим вследствие того, что на этот раз Большой имперский совет проходил не в Императорском дворце, где у всех высоких родов империи уже были свои издавна определенные места, а в наскоро приспособленном для этого бальном зале герцогского замка. Да и сам состав представительств вследствие гибели от лап орков в Эл-Северине и его окрестностях множества весьма высокопоставленных лиц, начиная с самого графа Лагар, первого министра старого императора, тоже сильно изменился. Причем настолько, что от полудюжины родов, издревле заседавших в Большом императорском совете на этот Совет не прибыл вообще никто... На этом первый день закончился и всех присутствующих распустили до завтра.

В таверне, в которой он квартировал сотоварищи, Трой появился около семи часов пополудни, будучи изрядно утомленным всеми теми церемониями, в которых ему пришлось сегодня принимать участие. Одна только ругань недовольных выпавшим жребием на место рассадки чего стоила... а ведь после еще пришлось выслушивать официальные представления с зачитыванием всех родовых регалий! Да и перед молебном кое-кто пытался затеять свару, настаивая на том, что его-де поставили на отведенное ему место совершенно не по чину и что он имеет право стоять куда ближе к алтарю...

Все остальные из его десятка уже были там, расположившись за обширным столом, занимающим дальний угол обеденного зала.

— Привет, сотник, — громогласно поприветствовал его Гмалин, — садись, давай! Поросенок стынет...

— Вы что, от Марела, что ли, научились? — пробурчал Трой, падая на лавку рядом с Исааком. — Ну, какой я тебе сотник?

— Ага, — расплылся в улыбке гном. — Я тоже рад тебя видеть. Так тебе кусок окорока или шейку?

Трой вздохнул и махнул рукой. Горбатого могила исправит. Слава богам, его арвендейльцы были расквартированы за пределами городских стен. Как и все остальные отряды армии людей. Потому что, согласно императорскому указу, размещаться в городе было разрешено только прибывшим на Большой совет. Причем с собой они имели право взять только десяток ближников. Уж больно много народу собралось в окрестностях Парвуса... А то такие бы слухи по герцогству пошли — мама не горюй! Впрочем, это он поздно спохватился. Слухи о нем и так вовсю цвели и пахли. Так что даже окажись арвендейльцы сейчас здесь, в таверне, они бы точно не особенно удивились происходящему...

— Да что хочешь. Мне сейчас кусок в горло не лезет. — Он покосился на сидящего на дальнем конце стола эльфа, а потом неожиданно замер и несколько секунд недоуменно пялился на него, после чего перевел свой ставший подозрительным взгляд на гнома.

— Эй, а чего это вас не было на Совете?

— А с чего бы это нам на нем быть? — осклабился гном. — На Большом имперском совете имеют право присутствовать только владельцы доменов. А владелец домена у нас — ты. Вот ты и отдувайся...

Трой нахмурился:

— Гмалин, булыжник ты однорукий, ты мне тут не прикидывайся. Согласно статье двадцать третьей Уложения Истевериана одиннадцатого все владельцы поселений гномов и эльфов на территории империи приравниваются в правах к владельцам доменов вне зависимости от того, являются ли они личными или опосредованными вассалами императора или нет.

— О, как! — гордо произнес гном, ловко орудуя ножом. — Вы слышали, побратимы? Вот это и называется — образование! Как срезал-то, — и он воодушевленно взмахнул ножом, брызнув по сторонам каплями жира.

— Ты поаккуратней руками-то размахивай, — сварливо пробурчал Бен-Цахор, — и давай уж режь скорее. Жрать уже жуть как охота! Да и выпить тоже.

— Так вы что, — удивился Трой, — еще не?

— Да этот коротышка все заладил — подождем да подождем... вот мы и сидим здесь уже полчаса как, — все так же сварливо пояснил идш. — Слюнями давимся...

— А не хрен жрать за спиной у товарищей, — веско заявил гном и бухнул на тарелку Трою изрядный кусок хорошо прожаренной свинины. — А то вам только дай волю — и к приходу сотника от угощения только обглоданные ребра останутся. А он, сами видите, как отощал. Лиддит увидит — будет нам на орехи.

Ответом ему был громкий смех за столом.

Когда все отсмеялись, Трой снова повернулся к Гмалину.

— Ты давай не увиливай от ответа. Почему вас не было?

— Марелборо велел сидеть в этой таверне и не высовываться, пока он не разрешит, — вступил в разговор Алвур. А Гмалин, ловко одарив сочным куском свинины тарелку Арила, добавил:

— Он считает, что мы с ушастью — первые цели для провокаций. — Гном криво усмехнулся. — Наши родственнички своим союзникам из числа имперской аристократии точно заказали нас в первую очередь.

Трой задумался, а затем медленно кивнул. Вот, пожалуй, и объяснение тому, почему эти три дня прошли относительно спокойно. Похоже, первая атака готовилась не на него, а на его побратимов. А они безвылазно сидели в этой таверне под охраной гвардейцев графа Шоггир. Это сегодня их всех стянули для охраны герцогского замка, а до того от них тут было не протолкнуться. А он-то голову ломал... Интересно, а теперь чего следует ожи... но додумать он не успел. Потому что входная дверь таверны распахнулась от сильного пинка, и внутрь, пьяно гомоня, ввалилась дюжина весьма богато одетых дворян. У Троя засосало под ложечкой. Вот оно...

Компания по-хозяйски расположилась за центральным столом, и самый здоровый среди всех заорал:

— Эй, хозяин, вина! И закуски! У нашего друга — виконта Аскавирала сегодня знаменательный день. Он впервые представлял свой род в Большом имперском совете! — и все, сидевшие за его столом, одобрительно загомонили. Трой повернулся и посмотрел на Гмалина с Алвуром. Те явно напряглись. Да и все остальные также поставили на стол кружки и слегка отодвинулись от столешницы, положив руки на рукояти мечей и кинжалов. Бывший десятник на мгновение задумался, а затем коротко бросил:

— По моей команде всем, кто сидит со мной, — привстать с лавки...

Ситуация между тем продолжала развиваться своим чередом. Сидевшая за центральным столом компания демонстративно высосала

принесенный хозяином кувшин вина, после чего громко загомонила, бросая по сторонам пренебрежительные взгляды. Трой слегка отвернулся, продолжая следить за происходящим в полированный бок большого пивоваренного котла, возвышавшегося сбоку от стойки. Зеркало было так себе, но то, что нужно разглядеть, было вполне возможно.

— О-о-о, смотрите, виконт, а тут эльфиечка! — и тот самый дюжий заводила добродушно толкнул изрядно набравшегося юношу, сидящего рядом с ним в бок. — Не желаете ли познакомиться?

— Ав... — юный виконт пьяно икнул, — где н-на?

— Да вот же, смотрите, сидит за столом в какой-то странной компании, одетая в мужскую одежду.

— Аа-а, счас, ик! — снова икнул юноша и, растянув губы в крайне дурацкой гримасе, очень слабо напоминающей улыбку, начал подниматься из-за стола.

— Встали, — тихо прошипел Трой, сузившимися глазами следя за виконтом, с помощью здоровяка уже сумевшим выпростать из-под стола правую ногу. С левой пока была проблема...

— Хресь! — Из тяжелой дубовой лавки, похоже, специально сделанной такой массивной именно для того, чтобы никто не смог использовать ее в кабацкой драке, что, впрочем, никак не спасло ее от подобного использования, получилась весьма эффективная бита, которая напрочь снесла не только юного виконта, но и большинство из его компании. Так что таверна мгновенно оказалась заполнена воплями и стонами валяющихся на полу людей. Трой же хищным движением перемахнул стол и, подскочив вплотную к здоровяку-заводиле, чудом увернувшемуся от лавки, который в настоящий момент с перекошенным лицом тянул из ножен меч, коротко, без размаха, вломил ему кулаком под дых.

— Х-хек... — глубокомысленно вякнул тот и осел на пол. В этот момент в таверну ввалились гвардейцы графа Шоггир вперемешку с какими-то еще воинами, одетыми в сине-желтые котты с незнакомым гербом. Трой дождался, когда новые зрители заняли, так сказать, наиболее понравившиеся им места, после чего навис над все еще судорожно глотающим воздух здоровяком и громко и отчетливо бросил ему в лицо:

— Тупое быдло! — После чего набрал полный рот слюны и смачно харкнул ему в рожу...

Когда бойцы наконец-то появились из своих палаток, толпа, окружившая ристалище, возбужденно загомонила. Ну, еще бы —

подавляющее большинство тех, кто теснился вокруг ристалищного поля, до сего момента ни разу не видели тех доспехов, благодаря которым герцога Арвендейла начали именовать Алым герцогом. Хотя слышали о них многие. Слышали, но не особенно верили... А тут оказалось, что как минимум одна легенда о герцоге Арвендейле оказалась правдой. И у него действительно есть доспехи из чешуи Раш. Соперник же Троя заметно сбледнул с лица. Потому что если одна «сказка» внезапно оказалась правдой, то, вероятность того, что все остальные легенды об Алом герцоге также могли иметь под собой реальную почву, резко возросла. А это было не совсем то, на что подписался барон Ишмуар. И так все пошло не по плану... Драться должен был именно виконт Аскавирал. Это был беспроегрышный вариант! Юный виконт не был известен как сильный боец, так что победа ему особенно не светила. Но на нее никто из тех, кто разрабатывал всю интригу, особенно и не рассчитывал. Наоборот, этот наивный юнец должен был сыграть роль жертвенной овцы, которую отдали на заклятие... В принципе, все было рассчитано тонко. В первую очередь они должны были попытаться раскрутить на схватку именно эльфа. Потому-то и провоцировать он начал именно его. Но если тот решит просто высокомерно (как это делали все эти ушастые сволочи) проигнорировать нанесенное ему оскорбление, второй целью был определен как раз новоиспеченный герцогешка. Судя по рассказам графа Отсевона, уверявшего, что за время совместного путешествия от окрестностей Эл-Северина, он успел его хорошо изучить, выскочка был туповат и жесток, но крайне пристрастно относился к своим людям. И уж точно должен был резко отреагировать на выпады в адрес своих побратимов. Так что в его отношении провокация должна была удасться на сто процентов... Ну а дальше все просто — оскорбление, судебный поединок, задача свести дело к которому как раз и была возложена на барона, поскольку сам виконт к тому моменту, как будут разворачиваться все эти события, уже должен был дойти до состояния, при котором у него исчерпались бы любые возможности к членораздельной речи — и дело в шляпе! Вне зависимости от результатов поединка... Нет, шансы у виконта были. Если бы вызов последовал от бывшего наемника, то есть право определения оружия осталось бы за виконтом, барон должен был настоять на конном поединке на копьях, в которых, судя по тому, что удалось узнать об этом самозваном герцоге, тот был не слишком силен. Если же было бы выбрано любое другое оружие — виконта неминуемо ждала гибель... которая должна была привести в большую ярость его многочисленных родственников и не менее многочисленных друзей семьи Аскавирал, пользующейся на севере весьма

большим влиянием. Да и сам виконт был вполне славным малым и успел обзавестись немалым количеством знакомых, относящихся к нему с искренней симпатией. Так что его смерть должна была эмоционально задеть довольно большое число людей... Ну да жертву подбирали тщательно и весьма компетентные люди. И у барона было несколько заготовок того, как привести ситуацию к необходимой кульминации... Но эта тварь сломала все тщательно рассчитанные планы! Ну кто мог подумать, что этот урод плюнет ему в лицо? Кто?! И это — дворянин? О, боги, ну почему вы столь несправедливы к благородной крови и позволяете претендовать на место в высоком сословии тем, у кого в голове нет никакого понятия о чести рода, о куртуазности, о простых правилах приличия, принятых в среде благородных, наконец?!

— Ну что, барон, готовы предстать перед Создателем? — небрежно поинтересовался герцог Арвендейл, подойдя к барону на расстояние вытянутой руки.

— Я отрежу тебе твой поганый язык, тварь, — прорычал барон, откидывая полу роскошного плаща, укрывавшего дорогой стевейский доспех. Мастера Стевеи составляли реальную конкуренцию гномам, и их доспехи стоили на уровне творений этих признанных мастеров работы с металлом. Так что он очень гордился своими латами... До того момента, когда перед ним не появился его противник. — И яйца. А потом отошлю их твоей жене залитые медом. Пусть сосет, вспоминая о муженьке, зарезанном как свинья... — и барон хрипло рассмеялся. А что еще оставалось делать? Если все остальные слухи об этом уроде окажутся так же достоверны, как и слух о доспехе из чешуи Раш, единственный шанс даже не на победу, а на выживание для него заключался в том, чтобы вывести эту сволочь из себя и заставить его совершить серьезную ошибку... Но даже этого у него не получилось. Его противник лишь улыбнулся и очень спокойно произнес в ответ:

— А я обещаю вам не издеваться над вашим трупом, барон. Успокойтесь с миром...

Трой дождался, пока патруль орков протопает дальше по улице, и осторожно соскользнул с козырька бывшей булочной. Алвур, притаившийся на полуразрушенном балкончике соседнего с булочной дома, столь же бесшумно прыгнул рядом. После чего они соединили руки в замок и поймали заметно более неуклюже слезшего с того же балкончика Беневьера, выступавшего в качестве проводника... На этом состав разведгруппы, проникшей в занятую орками столицу людей, и исчерпывался. Взять кого бы то ни было еще Алый герцог, после своей победы на судебном поединке ставший безоговорочным любимцем всей армии людей, вне зависимости от того из каких мест пришли составляющие ее дружины и наемные отряды, категорически отказался. Да он бы вообще пошел один, но...

— Ну что, обратно к стене? — тихо прошептал Беневьер. — Или еще в Нижнем городе поищем?

Трой стиснул зубы и отрицательно мотнул головой.

— Нет. Здесь искать бесполезно, — он на мгновение задумался и мотнул головой в сторону центра города. — И к внешней стене тоже не пойдем. Идем в Большой. Будем искать там.

Основной задачей их нынешнего разведрейда в город был не столько сбор сведений о силах и возможностях занимающих Эл-Северин орков... Нет, это тоже предусматривалось, но отнюдь не являлось главным. А самым важным было выяснить то, сколько еще людей осталось внутри столицы империи и как они размещаются — в своих собственных домах либо собраны орками где-то в одном или нескольких местах. Ибо от этого зависело, какую стратегию по возвращению своей столицы выберет командование армии людей...

В город они проникли еще вчерашней ночью. Сразу после полуночи. И весь остаток той ночи, а так же первую половину сегодняшней занимались тем, что обходили все известные Беневьеру хазы, малины и лавки, торгующие контрабандным товаром... Везде было пусто. Столь же пустыми оказались и дома простых горожан, в которые они все-таки решились заглянуть. А также таверны, лавки, мастерские, склады и так далее. Конечно, возможность того, что где-то в Нижнем городе люди еще были, полностью исключать нельзя. Ибо заглянуть в каждый дом, дабы убедиться в отсутствие его обитателей, три человека за столь короткий

промежуток времени были просто физически не в состоянии. Тем более что, даже если в Нижнем городе и остались какие-то люди, они явно постарались так хорошо замаскироваться, что найти их не было никакой возможности. И вылезти из своих нор они, скорее всего, планировали только после ухода орков. Вследствие чего их также можно было считать отсутствующими. То есть по итогам первых суток можно было с высокой долей вероятности сделать вывод, что людей в Нижнем городе нет. Так что текущая ситуация разительно отличалась от той, которую они с Алвуром застали в Эл-Северине во время их прошлого посещения захваченной орками столицы людей.

Куда делись люди из этой части столицы — пока было непонятно. А наиболее вероятные предположения не вселяли никакого оптимизма. Ибо, после того как орки «вычистили» от людей, скота и продуктов фермы и поместья, расположенные вокруг Эл-Северина на расстоянии полного дневного перехода, участь людей, оказавшихся в их лапах и не успевших либо не решившихся сбежать, должна была стать незавидной... Нет, в столице Империи имелись довольно большие запасы продовольствия, сохраняемые как на случай казавшейся всем практически невероятной осады врагов, так и несколько более вероятного (но не слишком, учитывая магов-то) серьезного неурожая в центральных провинциях. Однако большая часть этого продовольствия представляла собой продукты растительного происхождения — зерно, сушеные овощи и фрукты, орехи и вяленые ягоды. То есть то, что и само по себе хранилось долго. А уж в зачарованных магами подвалах... Но орки были мясоедами. И очень, даже **ОЧЕНЬ**, любили человеческое мясо...

Беневьер криво усмехнулся. Его лорд, как обычно, лез в самое пекло. Если Нижний город был почти пуст, то за стеной Большого, судя по тому, что им удалось разглядеть с чердака того дома, на котором они пережидали день, жизнь просто кипела... И дернул же его черт дать этому безумцу вассальную присягу! Ведь никогда же не понимал всяких «рыцарей без страха и упрека». Да и не особенно их и встречал, если честно. Несмотря на всю кичливость «благородного» сословия. Впрочем, возможно, все дело было в том, что Беневьер всю свою жизнь вращался в таких кругах, в которых слово «благородство» являлось насмешкой или ругательством и большая часть тех «благородных», с которыми он встречался, так или иначе так же относилась к этим кругам... Но с этим еще довольно молодым парнем все было совершенно по-другому.

— Тогда я предлагаю сейчас двигаться направо, к кварталу ткачей, — тихонько вздохнув, предложил он.

Трой задумался, а затем осторожно спросил:

— Но зачем? Насколько я помню, дома в квартале ткачей отстоят от стены Большого города гораздо дальше, чем в большинстве других районов города. Так что там лезть через стену Большого города будет куда тяжелее и опаснее.

Беневьер усмехнулся:

— Это точно. Но мы не полезем через стену. У меня в квартале ткачей были кое-какие знакомые, чей доход был построен на возможности доставки кое-каких товаров в Большой город мимо городских ворот. Правда... — бывший вор бросил на эльфа испытующий взгляд, — там придется лезть под землю.

Трой в свою очередь повернулся к эльфу. Все знали, что эльфы очень не любят пребывание под землей, но побратим Троя со своими соплеменниками уже имели подобный опыт. В Каменном городе, во время отражения вторжения орков в Арвендейл. И показали себя отлично. Так что Алвур только усмехнулся и пожал плечами. Мол, делов-то...

— Тогда — двинулись, — решительно кивнул головой их командир.

Следующие несколько улиц они преодолели довольно быстро. Большинство домов, мимо которых проходили разведчики, были все так же пусты, а те, в которых обустроились редкие группки орков, были заметны издали. Как по внешнему виду. Потому что порядочный орк никогда не напряжет своих лап излишне, чем это будет насущно необходимо. То есть в очаг обычно шла самая ближайшая деревяшка, до которой эти лапы могли дотянуться. Вследствие чего подобные дома уже давно лишились не только всей мебели, но и дверей, и оконных рам, и даже деревянных столбов, поддерживающих столь популярные в Эл-Северине балкончики над входом. Так и... по запаху. Поскольку гадили орки там же, где и жрали, и грелись, и спали... Впрочем, подобными «минами» столица людей после столь длительного пребывания в ней «вершины развития разумной жизни» и так была усеяна практически сплошь. Так что запахи в ней стояли еще те. Но в местах концентрации орков эта вонь просто вышибала слезу... Поэтому случайных встреч они опасались не особенно. И эта самоуверенность едва не вышла им боком.

Изготовленная из дерева весьма просторная караульная будка, расположенная на входе в квартал ткачей, как бы самым фактом своего наличия уже демонстрировала, что никаких орков поблизости нет и быть не может. Дерево же... Так что то, что они двинулись через небольшую площадь, предвещающую вход в квартал ткачей, не напрямик, по центру, а вдоль стены, было вызвано не столько опасениями нарваться на патруль

или там какого-нибудь случайного орка, а всего лишь тем, что прямое направление, соединяющее выход с улицы Пекарей и ворота, ведущие в квартал, было изрядно «запятнано» оставленными орками лепешками. Ну а что, идешь такой в патруле — и вдруг живот прихватило. Так и что — куда отбегать, что ли? Обойдутся! Все. Кто вякнуть вздумает. А такое с «победителями» случалось сплошь и рядом. Жрачка-то у людишек по орочьим меркам поганенькая, всякую траву и прочие растения норовят употребить. Да и скотина у них... да тьфу, а не скотина. Нет, внешне она куда как лучше орочьей степной выглядит — и дебела, и жирна не в пример. Но она ведь не на настоящей степной траве выращена, а на всякой дряни, типа того же зерна или сена с соломой. Да еще и эта дурацкая привычка людишек доброе мясо всякими там специями умащать. Ну вот что за идиотизм? Мясо — это мясо! Оно вкусно само по себе и ничего более «для вкуса» к нему не требуется... Так что оркские желудки на подобную, с позволения сказать, пищу реагировали плохо. Вот и мучилось большинство завоевателей животом почему зря... Поэтому когда вонючая шкура, которой был занавешен дверной проем деревянной (еще раз повторюсь — деревянной!) караульной будки, отдернулась, и наружу выполз позевывающий орк, расслабившиеся разведчики находились уже на расстоянии полудюжины шагов от него. Все трое мгновенно замерли, стараясь ни движением, ни звуком, ни дыханием не выдать своего присутствия и молясь всем богам, чтобы этот урод не вздумал повернуть голову еще хотя бы на ладонь вправо. Потому что орки видят в темноте куда лучше людей. А на таком коротком расстоянии их разглядел бы даже и человек, страдающий куриной слепотой... Орк зевнул особенно смачно и, задрав свою набедренную повязку, вывалил наружу... предмет лютой зависти большинства мужской половины человеческого рода и, пожалуй, вожделения существенной части женского. После чего по сонной округе разнесся звук, очень похожий на тот, который получается, когда на мощенную камнем мостовую начинает ссать вол, запряженный в повозку, на которой крестьяне обычно доставляли в столицу плоды своего тяжелого труда...

— Фуу-ух... — еле слышно выдохнул Беневьер, когда орк, так и не сподобившийся повернуть голову, закончил дело и, еще раз смачно зевнув, снова скрылся в будке. И тут же замер, обнаружив у себя перед носом здоровенный кулачище своего лорда. Еще несколько минут они неподвижно стояли, прислушиваясь к тому, что происходило внутри будки, и только когда из-за вонючей шкуры начали раздаваться виртуозные рулады громогласного храпа, Трой осторожно мотнул головой. Пошли, мол...

До нужного дома они добрались еще через полчаса, останавливаясь и замирая от любого шевеления. Происшествие с будкой показало, что жизнь, как обычно, не признает никаких стандартов и железных правил, и нарваться можно всегда и везде... У самого дома Беневьер несколько минут присматривался и прислушивался, но как вокруг, так и в доме все было тихо.

— Я сейчас займусь замком, а вы пока поглядывайте тут, — шепотом сообщил бывший мастер деликатных поручений герцога Эгмонтера остальным и склонился над замочной скважиной, доставая набор отмычек. Несмотря на довольно затрапезный вид дома, замок здесь стоял очень хитрый и надежный, с несколькими ригелями. Так просто не взломаешь. А по-другому в дом забраться было проблематично — за закрытыми ставнями окон прятались прочные решетки, а пол чердака, на который теоретически можно было попасть, не вскрывая замок, а просто взобравшись на крыши и разобрав черепицу, был изготовлен из толстых металлических листов. Конечно, против магов городской стражи все эти «надежные» препятствия долго не протянули бы, но их задача была не в том, чтобы сделать дом абсолютно неприступным, а в том, чтобы в случае чего дать его обитателям время, достаточное для побега. И вот для этого подобных препятствий было вполне достаточно. Но среди их троицы не было ни одного мага... хотя насчет эльфа Беневьер все-таки не был бы так уверен. Но, даже если бы и был, все равно применять магию просто было нельзя. Большой город — вот он, в сотне шагов. Так что шаманы точно учуют, и тогда сюда такая толпа этих тварей набежит...

Замок оказался с секретом. Так что дело затянулось. Спустя полчаса, когда Беневьер еще продолжал возиться с замком, эльф внезапно прянул ушами и замер. А затем повернулся к Трою и еле слышно шепнул:

— Патруль...

Трой замер, прислушиваясь. Острота его слуха, конечно, уступала таковой у побратима, но если орки приближаются, то скоро их станет прекрасно слышно и ему... Так оно и произошло. Герцог Арвендейл наклонился к бывшему мошеннику и тихонько спросил:

— Тебе еще долго? Если они двинутся по этой улице, нам придется срочно куда-то прятаться.

— Счас... — придушенно отозвался Беневьер и сдул очередную каплю пота, приготовившуюся прыгнуть с его носа. — Минута.

— Можем не успеть, — тихо прокомментировал эльф.

Трой на мгновение задумался, а потом припечатал:

— Ждем.

Шаги орочьего патруля слышались уже совсем близко, когда замок наконец щелкнул. Беневьер облегченно распрямился и шагнул вперед... замер, остановленный рукой эльфа, опустившейся ему на плечо, с поднятой правой ногой.

— Что? — едва слышно выдохнул Трой.

Алвур мотнул подбородком вниз и так же тихо ответил:

— Нить... — все замерли, напряженно всматриваясь в тоненькую полоску, пересекавшую порог на высоте одной ладони от пола. Ловушка! Причем никто не мог поручиться, что она здесь такая одна.

— Перешагиваем, — быстро принял решение герцог Арвендейл, и они едва ли не одновременно ввалились в темный зев открытой двери. Потому что из-за угла соседнего здания уже слышался орочий гомон, топот и звяканье оружия.

Захлопнуть дверь на замок Беневьер не рискнул, а только прикрыл ее и замер, удерживая тяжелую створку кончиками пальцев. Ибо опасался, что орки услышат щелчок от срабатывания замка. Так что орочий патруль прошествовал мимо людей и эльфа, притаившихся за незакрытой дверью, на расстоянии всего лишь вытянутой руки, обдав всех троих сквозь еле заметную щель облаком собственной вони. Стоило кому-нибудь одному из них бросить чуть более внимательный взгляд в сторону двери и... Но обошлось. Беневьер подождал еще около минуты, на случай если появится какой-нибудь отставший патрульный... ну присевший где, дабы облегчить позывы желудка, а затем аккуратно надавил на дверь. В полной тишине щелчок замка прозвучал как выстрел из крепостного арбалета. И все трое замерли на несколько мгновений, напряженно прислушиваясь. Но вокруг все было тихо. Так что Трой облегченно выдохнул и, выпрямившись, развернулся к бывшему мастеру деликатных поручений герцога Эгмонтера.

— Повезло. Ну, теперь давай, говори, куда идти.

Беневьер кивнул и, развернувшись, двинулся по коридору, бросив через плечо:

— Идите, за мно...

— Стоять! — герцог Арвендейл произнес это шепотом, но так, что бывший вор замер на месте, так и не опустив поднятую ногу. За прошедшее время он уже научился тому, что если лорд говорит — надо сначала сделать и лишь потом спрашивать почему или там выражать свое недоумение.

— Я тебе сказал говорить, куда идти, а не переться куда-то самостоятельно. Забыл про нить?

Беневьер вздрогнул. Точно! Обрадовался, что опасность прошла стороной, и забыл про все.

— Простите, мой господин.

— Ладно, — махнул рукой тот. — Рассказывай давай.

— В конце коридора будет спуск в подвал, заполненный пустыми бочками, а за ними стена, в которой и будут потайные ворота. Как они открываются — я не знаю. Придется искать.

— Ворота?

Беневьер кивнул.

— Местный авторитет, которому принадлежал этот дом, контролировал почти треть контрабандных поставок вина в столице. Бочками возили. Так что подземный ход там широкий. Пароконная повозка свободно пройдет.

Герцог Арвендейла удивленно вскинул брови и окинул озадаченным взглядом узкий коридор, ведущий к лестнице. Бывший вор усмехнулся и пояснил:

— Основной вход, вернее даже въезд, в подвал расположен не здесь, а в сарае, ворота которого выходят на боковую улицу. Но ворота сарая открываются только изнутри. Поэтому я и привел нас сюда...

— То есть те бочки в подвале точно пустые или какие-то с вином? — уточнил Трой. Бывший мастер деликатных поручений герцога Эгмонтера пожал плечами.

— Не знаю. Когда меня им вели — они были пустые и их довольно быстро раскидали, освобождая проход. Так что, может, они стоят просто для антуража и маскировки. А возможно, их там действительно складируют и пустые просто приготовили к вывозу.

— Хорошо, — кивнул Трой и повернулся к эльфу.

— Алвур, идешь первым. Ты видишь в темноте куда лучше нас. Так что смотри вокруг внимательно. Нам только еще на какую ловушку не хватало нарваться.

Тот молча кивнул и скользнул вперед. Ночное зрение у эльфов было как бы даже не лучше, чем у орков, так что если чего-то не заметит Алвур, никому из них этого тем более не разглядеть.

Из «сюрпризов» они встретили еще одну нить, натянутую в самом конце лестницы, где-то на два пальца над последней ступенькой. Не зная и не будучи настороже — задеть ее было делать нечего... Разбираться с тем, какую ловушку она приводит в действие, также не стали, а просто аккуратно переступили через нее и двинулись дальше. Всех немного напрягала мысль, что ловушки могли быть не только механическими, но и магическими, но, по зрелом размышлении, вероятность подобного посчитали не слишком большой. Магическая ловушка, в отличие от

механической, порядочно фонит. А Эл-Северин все-таки был столицей, и маги стражи тут хлеб свой ели не зря...

Бочки в подвале оказались пустыми. Так что по углам их раскидали достаточно быстро, обнажив стену с тайными воротами. А вот с ними уже зависли надолго. Три часа непрерывных поисков механизма открытия ворот ничего не принесли. И Трой дал команду укладываться отдыхать. Уже светало, а ночь у них была еще та. Дел же впереди было еще много. Так что следовало восстановить силы.

Проспали долго, около пяти часов, но поднялись еще до полудня. Причем первым встал Беневьер, которому пришло в голову, что тайные ворота могут открываться и не из подвала. А потому следует обыскать дом, для чего, естественно, лучше использовать именно светлое время.

Механизм открытия ворот искали весь день, попутно обнаружив и кое-что другое. Наиболее результативным поисковиком оказался эльф. Несмотря на вроде как не совсем свою специализацию. Город же, а не лес... Он отыскал еще две ловушки, кроме уже обнаруженных, и один большой тайник, в котором обнаружилось почти двести золотых в двух кожаных кошельках. Беневьер нашел два тайника, в одном из которых были бумаги, похоже, чьи-то векселя и закладные, а в другом — парочка слабых амулетов. Трой же отыскал только один тайник. То есть, вернее, даже, не тайник, а... ну, наверное, это можно было назвать скрытой кладовкой, в которой под заклинанием сохранности обнаружилось около двух килограммов муки и килограмм вяленого мяса, а также фляга с постным маслом и кулек с яичным порошком, сиротливо притулившиеся в углу одной из полок. Остальные полки в кладовки были пусты... Эти находки на фоне добычи остальных в обычной ситуации не смотрелись бы никак, но вот в их — совершенно точно являлось самым нужным и ценным кладом. Алвур даже пошутил, что командир у них «везунчик, который находит именно то, что нужно в данный момент»... Его слова оказались пророческими. Потому что именно Трой в конце концов и обнаружил рукоятку включения механизма, открывающего тайные ворота. Она оказалась совмещена с каминной заслонкой. Причем нашел он ее совершенно случайно. Когда они уже совсем отчаялись найти желаемое, Трой, в этот момент стоящий у камина, с досадой произнес:

— Да как же все это открывается-то? Ищем-ищем — и никаких следов, — после чего зло хрястнул кулаком по камину, попав по торчащей из нижней части трубы каминной заслонке: — Уй! — взвыл он, но в следующее мгновение внутри камина что-то щелкнуло, а из подвала донеслись какие-то странные звуки. Все замерли.

— Сработало, — тихо прошептал эльф, когда звуки из подвала замолкли, после чего еще раз повторил: — Ну, ты и везунчик...

А в следующее мгновение все трое бросились вон из комнаты.

Слетая по лестнице, Беневьер едва не задел нить ловушки, вспомнив о ней только в последний момент и еле-еле успев оттолкнуться от предпоследней ступеньки и перепрыгнуть последнюю. Но уже через мгновение вся досада на собственную неуклюжесть вылетела у него из головы. Потому что освобожденная еще ночью от распаханных по углам подвала бочек стена зияла широким проемом...

Тоннель оказался довольно длинным. Целых двести сорок шагов. Его сразу же прошли до конца. Но ворота на противоположном конце пока открывать не стали. Потому что Трой решил: разумнее будет появиться в Большом городе уже после полуночи. Так как что могло ожидать их за воротами, которыми оканчивался тоннель, было неясно. Особняк в Большом городе, в подвале которого находился выход из тоннеля, был расположен в глубине переулков купеческого квартала, так что шанс на то, что он так же окажется пустым, был неплохой. Но Большой город, в отличие от Нижнего, был забит орками. Поэтому вероятность того, что кто-то из них решил-таки оборудовать себе логово в этом доме, все-таки была довольно высокой. А орки, хотя и видят в темноте куда лучше людей, но все же ночью предпочитают спать. Так что если даже и окажется, что дом, в подвал которого выходил тоннель, занят орками, шанс на то, что к моменту появления разведчиков большинство его обитателей уже завалится на боковую, в этом случае был достаточно большим. И там уже надо не зевать и либо как-то сориентироваться и проскочить незамеченными, либо тихонько отступить обратно.

Пока ждали урочного времени, решили перекусить. Но, поскольку у них тут благодаря десятнику образовался неожиданный запасец продуктов, Беневьер, за время своих путешествий выучившийся неплохо готовить, предложить не трогать взятый сухой паек, который они взяли с собой, а приготовить что-то горячее. После короткого обсуждения это предложение было единогласно поддержано. Вода обнаружилась в большой бочке, стоящей под лестницей, рядом с кухней. Плита и запас дров на кухне также имелись, а выдать себя дымом они не опасались. Над Эл-Северином висела дымка от орочьих костров, а запах... на фоне того, как воняло орочье дерьмо, все остальные запахи просто терялись.

— Ух ты, — удивился Трой, когда бывший мошенник торжественно внес в комнату с камином результат своих усилий. Эльф же просто потянул носом ароматный запах и едва заметно сглотнул.

— Стевейская парчетта, — пояснил Беневьер. — С теми продуктами, которые ты нашел, легче всего было приготовить именно ее. Масло чуть прогоркло, но я сначала испек одну пустую лепешку и пропустил масло через нее, и только потом добавил в тесто парчетты.

— Ты поэтому так долго возился? — уточнил Алвур.

— Если хочешь сделать хорошо — зачем делать плохо? — пожал плечами бывший вор.

— Это — правильный подход, — кивнул Трой, расплываясь в довольной улыбке.

В путь двинулись приблизительно через полчаса после полуночи. Точное время никто сказать не мог, поскольку небо из окон разглядеть было почти невозможно, но подождали с запасом... Дойдя до ворот, они некоторое время прислушивались, но то ли с той стороны ворот никого не было, то ли конструкция и толщина ворот были таковы, что створки заглушали все возможные звуки, так что ничего услышать не удалось. Механизм открытия ворот они обнаружили еще при первом посещении тоннеля. Его рычаги располагались у обоих ворот с правой стороны в небольшой нише. Похоже, это было сделано для того, чтобы никому не удалось заблокировать кого-нибудь внутри тоннеля. Тот, кто оказался внутри, даже если бы ворота внезапно закрылись, все равно имел возможность выбраться из него, хотя бы в один из подвалов.

— Ну что ж, тянуть дальше, похоже, толку нет, — вздохнув, произнес Трой, — Алвур, туши факел и будь наготове. Ты в темноте видишь лучше нас, так что если что — действуй сразу. А ты, Беневьер, давай открывай. Но потихоньку. Не сразу настезь, а для начала щель, только чтобы можно было протиснуться.

Бывший мастер деликатных поручений герцога Эгмонтера молча кивнул и, нащупав в темноте рычаг, аккуратно потянул за него. Несколько мгновений ничего не происходило, а затем ворота дрогнули и... одним движением ушли в стену. Трой досадливо сморщился, но ничего не сказал. А что тут скажешь-то? Конструкция, видать, такова, что узкую щель не откроешь. Так что толку-то воздух сотрясать?

Дом оказался пуст. Они обошли все комнаты, но следов орков не обнаружили. Может, дело было в таком же хитром замке в двери, как и на доме в квартале ткачей, а может, в месте расположения самого дома, но внутрь никто до сих пор не проник. Ни люди, ни орки. Так что вся мебель также оказалась на месте.

Из окон, на которых до сих пор имелись занавески, ничего особенно разглядеть не удалось. Дом располагался глубоко внутри квартала, причем

его фасадная часть выходила в узкий кривой переулок, а на более-менее широкую улицу выходили ворота пристроенного к дому большого сарая, в который, так же как это было и в доме, что в квартале ткачей, из подвала вел широкий пандус.

— Ну, что будем делать? Есть какие предложения? — спросил Трой, когда они, закончив с осмотром дома, устроились в небольшой кухне, которая располагалась ближе всего к лестнице, ведущей в подвал.

— Соваться в город наобум — неразумно, — произнес Беневьер. — Предлагаю, поскольку из окон ничего не разглядеть, подняться на чердак и посмотреть, что вокруг. А если и оттуда ничего не увидим, то аккуратно снять несколько черепиц и оглядеть окрестности с крыши. Насколько я помню, ближайшая башня стены Большого города расположена шагах в трехстах отсюда. Так что даже если там будет стоять наблюдатель, который к тому же еще и не будет спать, вряд ли он сумеет что-то разглядеть на таком расстоянии.

Трой молча кивнул и перевел взгляд на эльфа. Тот несколько мгновений сидел, задумчиво покусывая губу, а затем кивнул:

— Хорошо. Значит, на чердак полезем мы с Алвуром. А ты устройся у окна и посматривай по сторонам.

Доступ на чердак перекрывал массивный люк, сбитый из тяжелых плах и оббитый железом. Но, поскольку массивный засов, запирающий этот люк, располагался с его внутренней стороны, препятствием он не стал. Сам чердак оказался пуст, а сквозь узкое слуховое оконце ничего, кроме крыш, кое-где освещенных отблесками орочьих костров, разглядеть не удалось. Трой некоторое время пытался как-нибудь пристраиваться, так, чтобы хоть что-то увидеть, но, сколько он ни вытягивал шею, заняв позицию то с одной стороны оконца, то с другой, ничего увидеть так и не удалось. Поэтому он плюнул и шепнул эльфу:

— Все, лезем на крышу.

Однако с крышей пришлось повозиться. Ее обрешетка также состояла из довольно толстых плах, а черепица была закреплена на ней мощными бронзовыми гвоздями. Видно, в этом доме жили весьма богатые люди. Ну, или скорее он был специально перестроен так, чтобы, как и тот дом в квартале ткачей, его нельзя было взять мгновенным штурмом... Сильно же шуметь было нельзя. Да и вообще никак шуметь не стоило. Не дай бог, услышат... Так что обрешетку пришлось аккуратненько прорезать кинжалами, буквально проколупывая толстые платы. Вследствие чего провозились почти два часа и дыру закончили только тогда, когда небо на востоке уже начало светлеть. Так что времени на «посмотреть» осталось

совсем мало.

Первым в образовавшуюся дыру скользнул эльф. Несколько мгновений он напряженно осматривался, а потом свесился обратно и махнул рукой, показывая, что можно подниматься. После чего исчез из дыры. Трой провозился дольше. Ну, так дыра для него оказалась немного маловата. А с другой стороны — слава богам, что хоть такую успели проковырять. Если бы замахнулись на более широкую, то точно еще возились бы... Так что ему пришлось корячиться, пропихивая через нее сначала одну руку, затем голову, плечи, а потом уже и все остальное. Эльф же к тому моменту, нагло бросив товарища, гибкой ящерицей скользнул к самому коньку крыши и что-то напряженно рассматривал с него.

— Ну и что ты там увидел? — прошептал Трой, когда наконец выбрался на крышу и, слегка отдышавшись, вскарабкался к коньку. Алвур молча развернулся и его побратим аж отшатнулся. Едва не сверзившись с крыши. Лицо эльфа было дико перекошено, а в глазах стояла ярость.

— Загон, — мертвенным голосом прошептал он, — загон для мяса. Мы нашли людей, десятник. И они пока еще живы... пока еще...

— А я считаю, что это — глупость! — Герцог Тамираен хлопнул ладонью по подлокотнику раскладного кресла и решительно поднялся. — Просто посчитайте. В Эл-Северине жило, насколько мне не изменяет память, около ста двадцати тысяч человек. Десять тысяч из них составлял гарнизон. В том числе три тысячи — императорская гвардия. Ополчение насчитывало еще двадцать тысяч человек. Кроме того, так или иначе к обороне могли привлекаться еще тысяч десять-пятнадцать человек. Не на стенах, нет, но как подносчики вязанок со стрелами и болтами, топлива для котлов со смолой и кипящей водой, переноски раненых или еще каким-то похожим образом. То есть, если посчитать всех как-то причастных, максимальный гарнизон столицы на случай осады составлял пятьдесят тысяч человек. Пятьдесят! Причем треть из них, как я уже упоминал, не были воинами. И при этом считалось, что Эл-Северин способен без проблем выдержать осаду и штурм стапятидесятитысячного войска. А с проблемами, то есть как максимум с потерей Нижнего города, и двухсотпятидесятитысячного. Или я что-то не так помню?

Граф Шоггир бросил взгляд на императора, но тот сидел молча, с интересом слушая герцога и, похоже, не собираясь как-то вмешиваться в развернувшийся спор. Поэтому граф, назначенный командующим объединенной армии людей, решил ответить сам:

— Да, все так, герцог, продолжайте.

— Так вот, сейчас за стенами Эл-Северина находится двухсоттысячная армия орков. Надо ли кому-то напоминать, какие орки воины? — герцог обвел взглядом всех присутствующих в шатре. — Отлично! А теперь напомните мне, какова численность нашей объединенной армии? Пятьдесят пять тысяч? Или меньше?

— Больше, — буркнул граф Шоггир. — Уже около семидесяти. За то время, пока армия двигалась к Эл-Северину, подошли еще отряды. К тому же подобное соотношение обороняющихся и штурмующих достигалось еще и с помощью наложенных на стены и башни заклятий, а также установленных артефактов, доступа к которым орки не имеют.

— Хорошо, — покладисто кивнул герцог. — Пусть так, не имеют. Хотя я бы на вашем месте не был бы так уверен в этом. В конце концов, люди, которые и должны были использовать эти артефакты, почти полностью остались в захваченной орками столице. А всем известно, как эти твари

умеют задавать вопросы и получать на них ответы... К тому же их шаманы и вожди, начиная с младших и походных, отнюдь не так тупы, как это принято считать. Но ладно — пусть не имеют... даже и численность нашей армии округлим до ста тысяч. Ну, вдруг еще кто-то подтянется? Больше — уже вряд ли. Потому что границы и так оголены, и если с них снять еще хотя бы четверть войск, то мы практически сразу же получим еще одну войну. А то и две, три или четыре. Нельзя так провоцировать соседей, никак нельзя... Но сто тысяч теоретически с учетом того, что к армии присоединятся и какие-нибудь взявшие оружие, и сбившиеся в отряд крестьяне или там горожане, можно допустить. С этим все согласны? — герцог опять сделал паузу и снова обвел присутствующих взглядом, ожидая возражений. Но все промолчали. А что тут можно было сказать — так и есть. Подсчет герцога был очень точен. Тамираен между тем продолжил: — Итак, двести тысяч орков — воинов и шаманов, на пустых, голых стенах сильнейшей крепости людей и сто тысяч бойцов у штурмующих. Я ничего не перепутал?

— Нет, — вступил в разговор Элиот Пантиопет, — но вы забываете, что на нашей стороне император! На голове которого не просто корона, а самый могущественный артефакт из тех, что были созданы людьми.

— А на их — круг шаманов. Причем, скорее всего, Великий круг. Потому что Зов Темного бога в первую очередь выдергивает наиболее сильных. При этом камлать они будут не где-то, а в Высоком городе, который построен вокруг одного из наиболее могущественных мест силы Империи. Или я не прав?

И на этот вопрос также не нашлось никого, кто решился бы ему возразить.

— И вот при таком соотношении сил этот... скажу честно, весьма уважаемый мной молодой человек, — тут герцог слегка склонил голову в сторону Троя, — предлагает не просто идти на штурм, а как можно быстрее пробиться внутрь, в пределы Большого города, чтобы орки не успели вырезать все еще живых людей, а потом еще и удерживать атакующих орков, пока мы их всех не выведем. Я вас правильно процитировал?

Тот хмуро кивнул и произнес:

— В загоне остались только женщины и дети. Не знаю, почему только они, но мужчин мы там не увидели, — он тяжело вздохнул. — Если мы не успеем, они всех их пустят на жертвы. А после этого еще и устроят нам такое...

— В этом вы правы, — согласно кивнул герцог. — А почему женщины и дети — я могу объяснить. Мужчин и стариков давно уже сожрали

рядовые воины, которым теперь, скорее всего, приходится давиться растительной пищей, а женщины и дети для орков — деликатес. Так что их оставили на прокорм вождям и шаманам. И... поверьте, я полностью разделяю все ваши эмоции. Я тоже считаю, что, будь у нас хоть малейший шанс, чтобы их спасти, мы должны были бы это сделать. Но разве он у нас есть? — И герцог Тамираен замолчал, уперев в Троя требовательный взгляд. В штабном шатре повисла угрюмая тишина. А что тут можно сказать? Герцог был прав. Во всем. И его план, заключающийся в том, чтобы сосредоточиться на блокаде города, ожидая, пока орки подожрут все продовольствие, а затем отлавливать и уничтожать отряды фуражиров, сокращая тем самым орочий гарнизон Эл-Северина, а к штурму переходить уже только после того, как численность врага станет заметно меньше, а его силы окажутся подорваны голодом и болезнями, был совершенно разумен... Но этот план обрекал всех, кто пока еще находился в устроенных орками в Большом городе мясных загонах на неминуемую смерть в орочьих желудках. И вот с этим Трой не мог согласиться, несмотря ни на какие доводы разума! Но это он, а вот как убедить в этом всех остальных — императора, графа Шоггир, Элиота Пантиопета, остальных Владетелей, а также рядовых бойцов армии людей, которым придется атаковать полнокровную, полную сил орочью армию. Это был вопрос... Трой несколько минут молча сидел, напряженно размышляя над этим, а затем поднял голову и, в свою очередь, упер свой взгляд в герцога Тамираена. Некоторое время они молча мерились взглядами, не отводя их, а затем, так и не выявив победителя, герцог Арвендейл заговорил:

— Больше года назад ко мне пришли графы Илмер, Шоггир и Верховный маг империи Элиот Пантиопет. Они сказали, что в этот мир пришел Темный бог, который уничтожит людей. И что единственный шанс спастись у человечества может появиться только в том случае, если кто-то проберется в захваченный двумястами тысячами орков Эл-Северин, доберется до императорского дворца и украдет не у кого-нибудь, а у того самого Темного бога охраняемую им лично корону императора людей... — Трой замолчал, продолжая твердо смотреть в глаза герцогу Тамираен, тот несколько мгновений еще держал взгляд, а затем все-таки отвел глаза и слегка заерзал. А герцог Арвендейл усмехнулся и продолжил:

— Когда я со своим побратимом Алвуром проник в город и, обойдя все патрули и ловушки, установленные шаманами, пробрался-таки во дворец, выяснилось, что короны во дворце уже нет. И что ее отправили за море, в землю Глыхныг, для того чтобы провести ритуал, который уничтожит последнюю надежду людей. Скажите, герцог, вы можете посчитать

вероятность того, что это могло быть сделано?

Герцог Тамираен несколько мгновений молча сидел, напряженно покусывая ус, а затем шумно выдохнул и произнес:

— Признаю, мой друг, если бы вы в тот момент спросили меня, о ваших шансах, я бы ответил, что их просто нет, но я должен сказать, что вы, несомненно, человек редких талантов и...

— Когда мы добрались до земли Глыхныг, — снова заговорил Трой, не дав ему закончить, — оказалось, что корону уже отправили в Ахлыг-Шиг, столицу этой земли. Город, в котором люди могли находиться только в качестве мяса. Потому что никому, даже самым преданным из их рода, служащим оркам истово и верно, не разрешалось оставаться в Ахлыг-Шиге после захода солнца. Все они должны покинуть его до закрытия ворот, — он сделал длинную паузу, обвел спокойным взглядом всех присутствующих в шатре, а затем продолжил: — Добравшись до Нью-Ашхога, города, который расположен в двенадцати лигах от Ахлыг-Шига, мы узнали, что орки объявили о том, что на какое-то время полностью закрывают доступ людей в свою столицу. Всех. Даже самых преданных. Поэтому в Ахлыг-Шиг не ходили даже рабские караваны. И мы поняли, что ритуал уничтожения либо уже начался, либо вот-вот начнется... — герцог Арвендейл замолчал. В палатке повисла напряженная тишина. И на этот раз даже герцог Тамираен не решился ее прервать. Более того, он не решился хотя бы посмотреть в глаза своему оппоненту. Потому что предложи тот посчитать шансы на успех этого предприятия, герцог точно не взялся бы за подобный подсчет. Потому что отрицательных шансов не бывает. А откуда здесь взяться положительным — герцог совершенно не представлял... Трой же, выдержав паузу, снова продолжил:

— У меня было много учителей — Ругир, Тристан, сотник Даргол, мои побратимы, Игреон Асвартен, Верховный маг, граф Лагар, император Эонтей, крестьянин Марел... Они учили меня разному. Очень разному. Но есть одна вещь, в которой сходились все мои учителя. Все. До одного. И знаете какая? — Герцог Арвендейл снова обвел всех, находящихся в шатре не просто спокойным, но каким-то безмятежным взглядом. Таким, который бывает у людей, которые уже все для себя решили. Ну, совсем все... — Бывают вещи, которые надо сделать. Просто надо, и все. Не прикидывать шансы. Не искать оправдания тому, почему это сделать нельзя, не получится или невозможно. Не искать тех, на чьи плечи можно возложить бремя решения или задачу, найти оправдание его невозможности, а просто пойти и сделать. И свой ум, логику и жизненный опыт надо использовать только для того, чтобы найти решение, как это сделать. И ни для чего

больше. Иначе ты не дворянин, не мужчина и вообще не человек...

На этот раз тишина в шатре стала практически звенящей. А затем где-то за спиной Троя что-то негромко брякнуло, после чего по шатру разнесся звук тяжелых шагов человека, одетого в латный доспех. И почти сразу же звонкий, юношеский голос произнес:

— Род Аскавирал последует за герцогом Арвендейлом, куда бы он его ни повел!

Ну, этого стоило ожидать... К удивлению Троя, несмотря на повреждения, полученные от броска тяжелой лавкой, и сам факт того, что он был повергнут наземь (то есть на пол) столь... гм-м-м... неблагородным оружием, юный виконт, после того как протрезвел, проникся к герцогу Арвендейлу таким глубоким уважением (которое скорее следовало назвать трепетным восхищением), что старался не только повсюду следовать за своим новоиспеченным кумиром, но и истово и яростно поддерживал любые его начинания. Возможно, существенную роль в этом сыграла феерическая победа Троя в судебном поединке, который продлился всего лишь один миг — до первого удара Тайной ветвью... А может быть, дело было в рассказах о героических приключениях также еще совсем не старого герцога, сумевшего взлететь на такую высоту из простых десятников, которые и до столь молниеносно закончившегося поединка были весьма популярны, ну а после него вообще вышли за всякие рамки разумного. Либо дело было в том, что виконт, несмотря на всю свою молодость, отнюдь не был дураком. И после некоторых расспросов сумел-таки сложить одно к другому и вычислить, на какую роль его определили те, кто затеял всю эту интригу. Впрочем, не исключался вариант и того, что ему это кто-то подсказал, а у виконта хватило ума прислушаться к этим подсказкам... Как бы там ни было, в том, что юный Аскавирал поддержит его, Трой практически не сомневался. Но вот то, что тот выказал ему поддержку еще до того, как герцог Арвендейл хоть сколько-нибудь внятно сформулировал свои предложения, реально грело. Теперь хотелось бы узнать, останется ли порыв виконта гласом вопиющего в пустыне или Трой может рассчитывать на поддержку еще кого-то из присутствующих... Несколько мгновений ничего не происходило, а затем за спиной Троя снова послышалось звяканье, и сразу же после этого мощный голос графа Замельгона произнес:

— Дворянство Южных приделов последует за герцогом Арвендейлом, куда бы он его ни повел!

А вот это было уже куда серьезней. Граф пользовался славой сильного рубаки и опытного командира. Так что его поддержка позиции Троя должна

была подвигнуть многих на...

— Ополчение Алмонкура последует за герцогом Арвендейлом, куда бы он его ни повел!

И почти сразу же после этого как прорвало:

— Дворянство герцогства Эгмонтер, последует за...

— Ополчение Фартериско...

— Дворянство Эстогона... — Они подходили и становились рядом, бухая коваными сапогами и скрипя кожаными доспехами, негромко позвякивая кольчугами или громыхая латами, держа шлемы в руках или под мышкой. И Трой почувствовал, как у него на глаза наворачиваются слезы...

Этот праздник всеобщего доверия закончился словами графа Шоггир. Он окинул стоящую перед ним стену людей, усмехнулся, после чего лениво поднялся и, сделав шаг к Трою, посмотрел на него каким-то... необычайно ласковым взглядом и... протянул ему свою булаву главнокомандующего.

— Ну, раз так — командуйте, герцог.

Трой отшатнулся... да он бы вообще отпрыгнул, но при первом же движении назад ударился спиной о стоящий позади него монолитный строй закованных в броню мужчин.

— Но... как? Я-а-а... — он громко сглотнул и покосился по сторонам, — граф Шоггир, я это... я не смогу. Ну, какой из меня командующий-то? Я и своим-то войском не... ну то есть, я, конечно... но-о... ну вы же знаете, что и там, у Крадрекрама я не столько командовал, сколько... ну-у... просто дрался. Как обычный боец. А планировали битву все вместе — и вы, и Гмалин, и Алвур, и Лиддит. А тут вся армия... — и он замолчал, окончательно запутавшись в том, что следует сказать, чтобы исправить ту глупость, которая вот-вот может произойти. Нет, ну серьезно, ну какой из него Главнокомандующий?

— Трой, ну ты же сам сказал — надо сделать, — раздался в тишине голос Марелборо. И все повернулись в его сторону. Император — единственный из всех, кто находился в шатре, остался сидеть на своем месте. Даже герцог Тамираен встал и произнес как-то мгновенно ставший, считай, сакральным набор слов... Но сейчас Марелборо тоже поднялся с кресла и двинулся в сторону герцога Арвендейла с легкой усмешкой на лице.

— Ты же понимаешь, что герцог Тамираен прав. И для того, чтобы сделать то, что ты предлага... то есть, вернее, то, на чем ты настаиваешь, надо совершить чудо. Или я где-то ошибаюсь?

Трой угрюмо набычился. А еще побратим... Ну вот зачем при всех тыкать его носом в собственную глупость. Мог бы немного потерпеть и

потом устроить ему выволочку один на один.

— А у нас, насколько я в курсе, есть только один человек, который уже совершил несколько чудес... Это я не только про корону, но еще и про твой Арвендейл говорю. Или ты не считаешь то, что ты не только сумел туда добраться, но и стать его герцогом чудом? — похоже, император откровенно забавлялся. Но Трою было совсем не до смеха... — Поэтому... — Марелборо сделал еще шаг, подходя вплотную, и, остановившись прямо перед молодым герцогом, несколько мгновений испытующе смотрел на него, а затем...

— Твой побратим Марел последует за герцогом Арвендейла, куда бы он его ни повел! — твердо произнес он в абсолютной тишине. А полыхнувшая ярким светом корона на его голове этой вспышкой будто бы зафиксировала — все сказанное услышано и утверждено... Трой несколько мгновений ошарашенно пялился на стоящего перед ним императора, а затем с неизбывной тоской в голосе произнес:

— Да вы что, все совсем с ума посходили, что ли?! — и, развернувшись, выскочил из шатра...

Следующие два дня Трой тосковал... Ну, то есть официально он вместе с остальными членами штаба как бы был занят «выработкой стратегии, направленной на выполнение стоящей перед армией людей задачи», но на самом деле все это время он просидел в углу штабного шатра, угрюмо нахохлившись и ничего не говоря. Ну, то есть не совсем молча, конечно, но все его общение с остальными сводилось к полудюжине фраз типа «Не знаю», «Наверное», «Как хотите», «Ну-у... может быть» и тому подобное. В конце концов граф Шоггир не выдержал и рявкнул на него:

— Да что же это с вами творится, герцог?! Что за настрой? Вы воин или податливая служанка? Мы тут пытаемся найти способ решить ту проблему, к достижению которой вы призывали всех нас в своей весьма пафосной речи, а от вас толку меньше, чем молока от вола!

Трой угрюмо зыркнул на него и нехотя подвинулся к столу.

Следующие сутки прошли... да так же. Ни одной светлой мысли по поводу того, как справиться с почти двумястами тысячами орков, сидящих за стенами Эл-Северина, в головах собравшихся «стратегов» так и не возникло. Нет, кое с чем они определились... То, что первым делом следует как можно сильнее уменьшить число обороняющихся, было понятно всем. Ибо даже полевое сражение при подобном соотношении сил — являлось огромным риском. А штурм неминуемо обернулся бы катастрофой... Поэтому было принято решение попытаться выманить из города крупный

отряд (а если удастся, то и несколько), который и разгромить, уменьшив тем самым число защитников Эл-Северина. Главное, чтобы он оказался не настолько крупным, чтобы его разгром обернулся для армии людей излишними потерями. А то вместо выигрыша они получили бы только усугубление ситуации... Вследствие чего было решено отойти от ранее принятой тактики, согласно которой оркам не препятствовали рыскать по округе в поисках съестного. Тем более что округа была уже ими полностью вычищена от всяких «культурных» запасов, и для добычи еды твари были вынуждены промышлять охотой, устраиваемой отрядами от нескольких десятков до сотен тварей. Орки очень страдали от отсутствия варгов, которых Зов не затронул, вследствие чего они остались в покинутых тварями стойбищах, и свою резко снизившуюся мобильность были вынуждены компенсировать увеличившейся численностью охотничьих партий... Так что начать воплощение уже принятых планов решили именно с уничтожения охотничьих партий и вырезания орочьих патрулей, которые также не брезговали прихватить чего-нито из съестного, ежели оно попадалось по пути. Голод-то не тетка... Вследствие чего к своей непосредственной задаче — контролю прилегающей к городу местности, они относились с не очень большим рвением. Что еще заметнее повышало шансы на успех.

Расчет был на то, что прекращение этих скудных ручейков продовольствия и резкое осложнение ситуации с контролем над окрестностями города, как раз и подвигнут орков на относительно масштабную экспедицию за продовольствием и... информацией. Но для этого они должны были оставаться в неведении относительно того, что около столицы появились не отдельные отряды, а вся армия людей.

Кроме того, Элиот Пантиопет рассчитывал, что начавшиеся нападения должны будут заставить окопавшихся в Верхнем городе вождей и шаманов резко ограничить свои аппетиты в отношении оставшихся людей, дабы сохранить «мясо» для использования в качестве жертв. Ибо, насколько он был знаком с ритуалами орочьих шаманов, наиболее сильные из них требовали огромного количества жертв, на которые в степях и предгорьях пускали либо тех же людей, захваченных в набегах, либо пленников из состава враждебных племен и кочевий. Но окопавшаяся в Эл-Северине орда по традициям орков считалась неким большим единым «кочевьем», вследствие чего жертвоприношения «своих» категорически не допускались. Так что попытки шаманов воспользоваться для жертвоприношения кем-нибудь из ее состава могли привести к волнениям, а то и к бунту... Нет, ни у кого из людей не было никаких сомнений, что,

если совсем уж припрет, вожди и шаманы пойдут и на это, жестко подавив любой бунт и пустив под нож всех бунтовщиков. Но точно так же это должны понимать и орки каких-нибудь слабых родов. Вследствие чего их вожди и шаманы, едва только начнутся нападения на патрули и охотничьи партии, непременно должны были поднять бучу и принудить остальных побережь еще живых людей для будущих жертвоприношений. И, по прикидкам Верховного мага, те вполне должны были на это согласиться. Ибо вся остальная орда уже давно отказалась от мясной диеты, переключившись на растительную пищу, поэтому отказ от того же самого шаманов и вождей, несмотря на столь веские аргументы, как повысившаяся активность воинов людей в окрестностях города и, следовательно, возможный скорый штурм, мог бы изрядно повысить напряжение в Орде. А любой, кто знал орков, готов был дать руку на отсечение, что его там и так хватало...

Ну, так планировалось, а как оно сложится на самом деле — никто точно сказать не мог. А вот что делать дальше, после того как будут вырезаны орочьи патрули, охотничьи партии и некий отправленный за продовольствием «экспедиционный корпус», то есть как достичь самой победы, никто не знал. И поэтому все пока тормозилось. Так как начинать первый вроде как уже понятный этап операции, не понимая, как твои действия отразятся на успехе всего предприятия, также было глупо...

А вечером пятых суток коллективных мучений к Элиоту Пантиопету ввалился возбужденный Трой.

— Скажите, Верховный, а если мы сможем уби... ну нет, это я хватил, изрядно проредить шаманов — это нам сильно поможет?

— Трой, мальчик мой. — Пантиопет усмехнулся. — Это, конечно, сильно поможет, но ни я, ни кто-нибудь другой не скажут тебе насколько. Потому что нам не от чего отталкиваться. Мы не знаем, сколько в городе шаманов, какие у них силы, умения, какие из городских оборонительных артефактов и встроенных в систему защиты города мощных заклятий они сумели взять под контроль. Да и что значит проредить? Проредить — это сколько? Десяток, сотню, тысячу? И вообще — откуда вопрос? Ты нашел возможность незаметно провести в Верхний город или прямо в императорский дворец сильный отряд?

Трой вздохнул и почесал затылок.

— Ну-у... не совсем так. В Нижний город пробраться довольно легко. Я уже туда ходил и не раз. Орков там почти нет, так что шанс пройти даже небольшим отрядом, составленным из подготовленных людей, есть и неплохой. В Большой — тоже не вижу трудностей. Я же рассказывал про

тоннель... Вот по самому Большому городу пробираться, конечно, та еще проблема. Но, я думаю, пройти все-таки можно. Не отрядом уже, конечно, но небольшой группой человека в три-четыре — вполне реально. А способ попасть в Верхний город у нас с Алвуром есть. Вот я и подумал, много такими силами мы там не навоюем, но если ударить по шаманам, да еще при подготовке или даже во время какого-нибудь ритуала...

— Три-четыре... — насмешливо спросил Верховный маг империи. — И скольких вы успеете убить?

— Больше народу не пройдет — заметят. Если только малыми группами провести. Но все равно, больше чем десяток — опасно. Уж больно в Большом городе орочья много, — с сожалением произнес герцог Арвендейл и, посмотрев на Элиота Пантиопета с затаенной надеждой, спросил: — А может, какие артефакты задействовать? Ну, чтобы шарахнуть так шарахнуть...

Верховный маг вздохнул и покачал головой.

— Не думаю. Артефакты-то есть, но они сильно фонят. Вас еще в Большом засекут и перехватят. Маги бы могли их заглушить, но для глушения сильных артефактов требуется сильный маг. А я очень сомневаюсь, что вы сумеете протащить внутрь Высокого города кого-то, кроме меня или Игреона Асвартена...

Трой окинул Верховного мага оценивающим взглядом, а затем вздохнул, сокрушенно махнул рукой и, пробурчав:

— Простите, и спокойной ночи, — вышел из шатра. Идея оказалась дурацкой. Как и все остальные, которые приходили ему в голову за последнее время. И что ты будешь делать?

Добредя до своего шатра, Трой рухнул на лежак и угрюмо задумался. Ну не идиот ли он?! Такую пафосную речугу задвинул, а как все согласились и сказали — «делай», так ни хрена сделать не может!.. Полежав так с полчаса, Трой повернулся на бок и уже совсем решил попытаться заснуть, как вдруг полог палатки распахнулся и внутрь ворвался Элиот Пантиопет.

— Герцог, вы сказали, что можете проникнуть в Верхний город?

Трой резко сел на лежаке и недоуменно уставился на Верховного мага империи.

— Ну-у... да. Сказал.

— И сможете провести туда еще человек десять, так?

— Смогу... то есть сможем. Мы с Алвуром туда пройдем. Я без него — вряд ли. Он без меня... ну, наверное, сможет, но шариться по захваченному орками городу в одиночку... — Трой скривился, показывая,

что это — дурацкая идея. — А в чем дело-то?

Элиот Пантиопет усмехнулся и покачал головой:

— Мы все как-то позабыли, что на нашей стороне Великий маг и создатель не только империи людей, но и такого могущественного артефакта, как корона императора — Марелборо. Которая, кстати, подчиняется ему куда лучше, чем любому из тех императоров, которых я помню. Вплоть до того, что он способен делать ее невидимой как в магическом, так и в видимом спектре. А так же то, что создал он ее именно здесь — в месте силы, на котором позже был возведен императорский дворец и весь Верхний город. Артефакты же подобного рода являются наиболее могущественными именно в связанных с ними местах силы... — Верховный маг сделал паузу, усмехнулся и пробормотал: — Вот интересно, он все это время ржал над нами, ожидая, когда нам в голову придут вполне очевидные вещи или иногда все-таки был снисходителен...

— Э-э-э... — подал голос Трой, — я, конечно, не маг, но... как бы... хотелось знать, что вы придумали.

— Это вы придумали, Ваше сиятельство, — усмехнулся Элиот Пантиопет, отвешивая ему изысканный поклон. — А я только понял, как воплотить вашу придумку в жизнь с наибольшей эффективностью... Дело в том, что если наш император в своей короне окажется в месте силы, которое расположено на территории столичного храма Сумеречных сестер, то-о... Нет, на весь город его, конечно, не хватит, но вот по тем, кто будет находиться в пределах Верхнего города, он сможет нанести удар такой силы, что то, что произойдет с шаманами и вождями орков, потребует несколько иного слова для своего обозначения, нежели «проредить», — тут Верховный маг слегка запнулся и решил слегка снизить градус воодушевления, вследствие чего осторожно закончил: — Ну, я так думаю... А вообще, надо завтра обсудить все это с императором. И... извините, что разбудил, герцог, — с этими словами Элиот Пантиопет покинул шатер.

Гхныль, тяжело дыша, выбрался на площадку верхнего этажа и остановился у стены, перевести дух. Ну что за идиоты эти людишки! Вот на хрена строить такие высокие дома?.. Но людишки — это еще ладно. Кто в здравом уме будет ждать от «мяса» разумных поступков? А вот на кой хрен на такую верхотуру забрался Мудрейший Сыхгаг? И теперь ему, Гхнылю, личному ученику Мудрейшего, приходится мучиться, бегая по лестницам вверх-вниз, чтобы воплотить в жизнь капризы любимого учителя.

— Эй, сало, ты где там умерло? Долго я еще буду ждать свою любимую трубку?

— Уже бегу, Мудрейший, — взвизгнул Гхныль и ринулся вперед, едва окончательно не снеся покосившуюся створку двери, повисшую на одной петле. Орки славно повеселились в императорском дворце во время захвата...

Мудрейший Сыхгаг, как обычно, торчал в своем любимом кресле, которое Гхныль приволок из какого-то напрочь разгромленного будуара. Не по собственной инициативе, конечно. Он еще не сошел с ума, чтоб искать себе дополнительную работу. Мудрейший и так гонял его в хвост и в гриву, приговаривая, что ничем не занятый ученик — считай преступник и что ни один набег «Чернонобрых», племени, с которым «Однолапые» враждовали с начала времен, не принесет родному племени столько бед и горестей, сколько может принести ученик, у которого внезапно образовалось свободное время. А он своему племени зла не желает... Так вот, на это кресло положил глаз лично Сыхгаг. Когда обходил разрушенный императорский дворец. И, как это обычно случалось, приказал ученику:

— Хватай вот это и тащи за мной.

После чего Гхнылю пришлось таскать за ним это кресло на своем горбу аж три часа, пока Мудрейший не обошел оставшихся два этажа дворца и не вышел на этот балкон...

— Вот, возьмите, Мудрейший, — благодарный ученик сделал осторожный шаг на балкон, затем другой и, согнувшись почти пополам, боязливо протянул своему учителю разожженную трубку. Он очень боялся высоты. Сыхгаг протянул лапу и... вместо того чтобы взять трубку, схватил ученика за загривок и мощным броском отправил ученика в полет в сторону внешнего края балкона.

— Ы-ы-ы-ыы! — истерично завизжал Гхныль. Но ничего совсем уж страшного с ним не произошло, поскольку путь к ошеломительной бездне ему преградили балясины парапета. — Хык... а-а-а-а...

— Вот ведь, баран и сын барана, — скривившись, рявкнул Мудрейший. — Ну чего ты визжишь, как пойманная пустынная крыса? Здесь, — он топнул лапой по полу балкона, — камень. Твердый. Прочный. Зачарованный гномами. Ты его даже секирой не пробьешь! И даже сотня таких как ты жирных туш его не обрушит. А ты все трясешься, как холодец из бараньей требухи, едва только тебе требуется ступить на этот балкон, — он сокрушенно покачал головой. — И эту гору трусливого сала я должен обучать?

— Ты хочешь отказаться от своего ученика, Мудрейший? — прорычал вождь Агхыг, входя на балкон.

— Хотел бы, — вздохнул Сыхгаг и пыхнул трубкой, которую он успел перехватить в тот момент, когда Гхныль уже отправился в полет, — да только другие еще хуже. Этого я за два года хоть трубку правильно разжигать научил. А тот, что был до него, — совсем дубом был. Две трубки сломал, одну потерял, а нормально разжигать так и не научился.

— И что же ты с ним сделал? — усмехнувшись, спросил вождь, подходя к парапету и опираясь на него обеими лапами. От чего Гхныля даже слегка замутило. Несмотря на то что это не он стоял у парапета, сама мысль о том, что кто-то стоит вот так, нависая над бездной, уже приводила его в состояние паники.

— Да дал по башке и выкинул вон, — хмыкнул шаман. — Ладно, с воспоминаниями закончили. Чего приперся-то, вождь?

Ну а Агхыг также решил, что достаточно продемонстрировал свое бесстрашие, и, развернувшись, сделал пару шагов от края балкона, после чего шмякнулся на разбросанные по полу балкона несколько ковров, выполнявших функции походных кошм, и, откинувшись на спину, оперся на уложенные поверх ковров большие и мягкие подушки. А затем повернулся к Гхнылю и, демонстративно сморщившись, приказал:

— Принеси этой... кислятины, — так орки называли вино из императорских погребов, которое им приходилось пить из-за отсутствия привычного варжьего кумыса. И только потом развернулся к Мудрейшему, чтобы ответить на его вопрос:

— «Красношеие» вечером собираются опять созывать Токовище...

Проблемы у Орды начались где-то пару декад назад. То есть первые несколько дней никто из орков даже и не понял, что что-то началось. Ну, подумаешь — две трети патрулей не вернулись в город к закрытию ворот?

Случалось такое уже, и не раз. Орки же не люди. Они — изначально свободны. И покушаться на свободу орка не дано никому! Так что кто может знать, какая моча ударит ему в голову в следующий момент? Может, кто из патруля на кабана в лесу наткнулся и теперь они хрен в городе появятся, пока все не сожрут. Или стадо оленей откуда-то прибрело. Могло же такое случиться? Вполне! Так-то вокруг города живности уже практически не осталось. Но из других мест, расположенных немного подальше, кое-какая живность еще время от времени забредала. И не так уж редко. Иначе отправлять охотничьи партии из города никакого толку бы не было. Но они-то ведь каждый день отправляются. Так что все нормально и нет никаких причин беспокоиться... Однако на следующий день в город, кроме большей части вновь высланных патрулей, не вернулись уже и отправленные на промысел охотничьи партии. И вот это уже заставило кое-кого насторожиться. Но именно кое-кого, а не всех. Подавляющее большинство не только рядовых орков, но даже вождей и шаманов, на это не отреагировало никак. А что такого-то? Орки же по определению свободны! И никто не смеет требовать от них следования каким бы то ни было правилам, если они этого не хотят. Орки — вольный народ, и точка! Так что беспокойство некоторой части вождей и шаманов не привело ни к каким особенным телодвижениям. Только на следующее утро вспыхнуло несколько скандалов по поводу того, кому отправлять бойцов в патрули, а кому в охотничьи партии. Вожди и шаманы тех родов, чьи члены еще не вернулись из патрулей, напрочь отказывались выделять личный состав в новые, зато яростно требовали передвинуть их очередь на охоту. Ибо задержка с патрулями и охотниками, по общему мнению, совершенно точно означала, что в окрестных лесах действительно откуда-то внезапно резко увеличилось число живности. Может, какая сезонная миграция приключилась. Или еще что-то такое... Эвон, патрули задержались же. Вот и охотники так же! Уж этим-то вообще сама Шиг-Хаора велела. Нет, каждой охотничьей партии, конечно, был определен свой урок — сколько мяса они должны были приволочь в свое временное стойбище, которое отпустило их на охоту, но если зверья много — не возбранялось задержаться и нажраться от пуза. Так что точно стали где-то лагерем и отжираются. Из-за этой возможности все так в охотничьи партии и рвались. А то жрать запаренные крупы, найденные в закромах этих людишек, орков уже давно достало...

— И что они собираются решить? — снова пыхнув трубкой флегматично бросил Мудрейший. — Эти разговоры все равно ни к чему не приведут. Я же сразу сказал, что задержки патрулей — это неспроста. И кто

меня тогда послушал?

— Ну, я-то — послушал, — хмыкнул вождь Агхыг.

— Ну, вот сиди и радуйся, что сумел сохранить своих охотников, — криво усмехнулся Сыхгаг. — А другие пусть снова вляпываются во варжье дерьмо...

Общая тревога возникла на следующий день, когда сроки возвращения первых патрулей, даже с поправкой на орочье своеволие, окончательно вышли, а общее число невозвратившихся патрулей уже превысило две дневные смены. Да и из шестнадцати охотничьих партий, отправленных за время, прошедшее с момента первых задержек возвращения патрульных, также никто не объявился. Потому что это уже совсем выбивалось из привычного порядка вещей... Нет, бывало, что охотничьи партии задерживались на денек-другой, а то на третий. Но не все поголовно. И уж тем более не параллельно с пропажей патрулей. Поэтому на следующее утро состав патрулей и охотничьих команд был заметно увеличен. По патрулям так в три раза. А в состав охотничьих команд были даже включены несколько шаманов. И вот это уже принесло свои плоды... Ближе к вечеру этого дня к Золотым воротам Эл-Северина шатаясь от ран и истощения прибежали трое орков, сообщивших, что на их охотничью партию напал отряд людей, численностью до сотни мечей... То есть вооружение у них было, конечно, более разнообразным и основной урон, кстати, они нанесли стрельбой из луков и арбалетов, но мечи имелись у всех. Как и неплохие брони. Так что это точно были не просто охотники или там вооруженные крестьяне, а профессиональные бойцы... Затем, буквально через полчаса к воротам с боем прорвался усиленный патруль, старший которого доложил, что ими на маршруте патрулирования были обнаружены как минимум два места, в которых они обнаружили следы состоявшихся там не так давно жарких схваток. То есть в первом из обнаруженных мест внимание привлекли поломанные и вытоптанные кусты, потом отметины от арбалетных болтов, стрел и орочьих метательных топоров на деревьях, а во втором после коротких поисков в небольшом овраге обнаружили и раздетые орочьи трупы. Сразу после обнаружения которых старший патруля принял решение не идти дальше по привычному маршруту, а прямым ходом двигаться к воротам. Возможно, это их и спасло. Потому что хотя на них все равно напали, но это нападение произошло не из засады, как, судя по обнаруженным следам, случилось с предыдущими патрулями, а открыто и после недолгой погони. Причем, судя по всему, в погоню рванула та самая засада, до которой они просто не дошли как раз вследствие того, что свернули с маршрута и побежали к

городу напрямик... Ну а когда вечером этого же дня к воротам в очередной раз не вышли отправленные утром патрули, а также как старые, так и новые охотничьи партии — все стало окончательно понятно... Люди, которых появление в столице своей империи Темного бога и последующий за этим ее захват привело в состояние шока и растерянности, наконец-то очухались и теперь явно собирались вплотную заняться освобождением Эл-Северина...

— Но ведь с людишками-то, надо что-то делать, — вздохнул Агхыг.

— Надо-то надо, но разве Токовище этому поможет? — очередной раз пыхнув трубкой, скептически произнес Сыхгаг. — Сколько раз его уже собирали — семнадцать? Или больше? И что? Вот не могу понять, зачем «Красношеие» собирают его раз за разом.

Вождь пожал плечами.

— Не знаю... возможно, Мудрейшему Пыхкыху, просто нравится сидеть на возвышении перед шаманами и вождями и делать вид, что он самый главный.

Пыхкых был Старшим шаманом «Красношеих», которые являлись самым многочисленным племенным союзом из всех, представленных в собранной Зовом Орде.

— Ну, Гыхаг с этим точно не согласится, — улыбнулся Сыхгаг. Гыхаг был Верховным вождем все тех же «Красношеих» и изо всех сил интриговал, пытаясь умастить свой обширный зад на кошке Старшего походного вождя Орды. Правда, получалось это у него пока не очень. В основном, кстати, как раз из-за сопротивления Пыхкыха, которому появление у Орды Старшего походного вождя грозило низвержением с его самовольно захваченного пьедестала. Поэтому Орда пока как-то обходилась без Старшего походного вождя. Впрочем, усилия Пыхкыха были не единственной и даже не главной причиной подобного. Главным было то, что Орда, захватившая столицу людей, не была обычной Ордой...

Как правило, Орда появляется либо потому, что в степи и предгорьях вырастает могучий и хитрый вождь, способный подчинить себе достаточно родов и племен и бросить их в буйный набег, либо вследствие того, что в стойбищах орков подрастает много буйной молодежи, каковую требуется чем-то занять. Причем желательно тем, что смогло бы попутно хотя бы слегка проредить ее число. Ну, пока они не разнесли все вдребезги пополам... Но в этом случае получившаяся Орда является результатом отчаянного торга, оканчивающегося множеством взаимных уступок и соглашений, в процессе достижения которых и выстраивается вся иерархия подчинения, предусматривающая кто, кем и в каких рамках командует и

кто наследует вождю в случае его вполне вероятной безвременной кончины. То есть и первый, и второй варианты появления Орды возникают в результате некоторых достаточно длительных по времени усилий, которые приводят к тому, что в ней образуется более-менее устойчивая властная вертикаль. Здесь же все произошло совершенно по-другому. Эта Орда возникла спонтанно, в результате Зова Темного бога, выдернувшего в место своего воплощения массу совершенно не готовых к этому и, более того, зачастую враждебных друг другу племен и родов, между которыми не было никаких договоренностей, никаких соглашений и никаких взаимных клятв. Вследствие чего в этой *неожиданной* Орде каждый род, клан и племя придиричливо оберегали свою свободу, независимость и право в любой момент времени поступать по своему разумению. Ведь свобода — это главное достояние орка! Надо ли удивляться, что после исчезновения Темного бога собравшиеся здесь вожди и шаманы совершенно не горели желанием сажать себе на шею, такого амбициозного типа, как Гыхаг. Несмотря на то что вождь «Красношеих» был если не единственным, то уже точно самым главным претендентом на эту должность. В первую очередь по праву силы, являющемуся для орков самым главным основанием претендовать вообще на что бы то ни было. Поэтому кошма Старшего походного вождя Орды до сих пор оставалась незанятой...

— А что еще ты можешь предложить? — спросил вождь. — Ведь я не думаю, что у нас так уж много времени до того момента, когда «мясо» попробует на зуб стены этого города.

— А то это было непонятно с самого начала? — хмыкнул Мудрейший. — И, как ты видишь, не очень-то и помогло...

Да, особенной неожиданностью появление вооруженных отрядов людей в окрестностях Эл-Северина для орочьей верхушки не стало. Все понимали, что рано или поздно это должно было произойти. Орки резались с людьми уже не одно столетие и прекрасно знали, что от них ожидать. Так что иллюзий насчет того, что людишки спустят захват своей столицы, почти ни у кого из тех, кто имел право отдавать в Орде распоряжения, не было. Более того, почти сразу после того, как Ыхлыг покинул этот мир (а этот момент все, *притянутые* Зовом почувствовали очень остро и явственно), многие из вождей и шаманов (и, кстати, Сыхаг был среди них в первых рядах) начали призывать остальных немедленно сниматься с места и двигаться к родным становищам. Изрядно пограбив по пути, конечно, но не особенно увлекаясь... Однако, несмотря на все их усилия, Орда до сих пор так и не сдвинулась с места. Впрочем, подобный результат для этой Орды не был чем-то из ряда вон выходящим. Скорее он был для

нее вполне логичным. Ибо главный совещательный орган любой Орды — Токовище — еще ни разу не смогло прийти не то что к консенсусу, но даже к более-менее внятному одобрению хотя бы относительным большинством ни одного вопроса. Что бы на нем ни обсуждалось — от организации учета доступного продовольствия до взятия под контроль защитных артефактов на оборонительных башнях города. Все, что до сих пор делалось в этих областях, оставалось исключительной инициативой небольшой части родовых и племенных вождей и шаманов. Да что там говорить — даже то, что внутри Орды до сих пор не началась резня уже можно было считать настоящим чудом.

Нет, пока Ыхлыг был жив — его сила и мощь еще как-то держали орков в узде. Сложно противиться тому, кто не только способен уничтожить тебя одним движением пальца, но и, не задумываясь, сделает это, едва только ты вызовешь у него хоть какое-то неудовольствие. А вот ты, наоборот, не способен ничем ему навредить... Да и перспективы в тот момент перед орками открывались просто блестящие. Пройти под рукой бога в составе самой могучей в истории орков этого континента Орды по земле людишек, подгребая под свою пятую все их богатства и обжираясь от пуза их сладкого мяса, да что может быть лучше? Ради этого можно было и смирить свой характер, а также на время отложить в дальнюю сторону все обиды на соседей. Ненадолго. И исключительно ради такой перспективы... Но со смертью Ыхлыга все эти надежды и ожидания развеялись прахом. А вот отложенные обиды снова вылезли на первый план. Тем более перед кем тут теперь было смиряться-то? Перед богом — ну да, можно, а перед точно такими же, как ты? То-то и оно... Так что все усилия крайне небольшой части более-менее адекватных вождей и шаманов как-то договориться и выработать общую линию до сих пор ни к чему не привели.

Нет, с тем, что из города надо уходить, были согласны все. Но само обсуждение затормозилось уже на первом вопросе — в какую сторону идти. Люди вытеснили орков на глухие окраины, вследствие чего родовые земли орочьих племен не только были отделены друг от друга сотнями и тысячами лиг, но еще и располагались зачастую в совершенно противоположных направлениях. Вследствие этого получалось, что если Орда двинется, скажем, на юго-восток, то треть армии действительно будет приближаться к родным становищам, но оставшиеся две трети — наоборот, отдаляться от оных. С северо-западом ситуация оказывалась еще хуже. Ибо в этом направлении располагались родные становища только четверти из тех, кто собрался за стенами Эл-Северина. Схожая ситуация складывалась

и при движении в любом другом направлении. А ведь это был только один из вопросов, по которому никак не смогли договориться... Так что это очень верное и своевременно внесенное предложение погрязло в спорах и уточнениях, не закончившихся до сих пор. И потому орда до сих пор оставалась в Эл-Северине...

— Вот, уважаемый, как вы просили, — униженно забормотал слегка запыхавшийся Гхныль, вновь возникший в дверном проеме, после чего, осторожно обойдя своего учителя (причем по максимально возможному радиусу), протянул вождю Агхыгу несколько пыльных бутылок. Тот молча сгреб их своей лапицей и бросил на ковер, оставив себе только одну. С этой одной он поступил просто — ухватил за залитое сургучом горлышко, поднатужился и... оторвал его нахрен. После чего опрокинул бутылку над распахнутой пастью и несколькими глотками проглотил все содержимое.

— Ф-фу ты... кислятина! — скривившись, прорычал вождь и ухватил с ковра следующую. — Будешь?

— Нет, — мотнул головой шаман и снова пыхнул трубкой.

— Ну как знаешь, — хмыкнул Агхыг, сворачивая голову следующей. — Ну, так, а что ты-то предлагаешь?

— Ничего, — сварливо отозвался Мудрейший. — Толку-то что-то предлагать, если любые предложения тупо заболтают. Даже разведку как следует провести не сподобились...

Следующие несколько дней после получения достоверной информации о появлении людей в окрестностях своей столицы вожди и шаманы жарко спорили насчет того, что в такой ситуации следует предпринять. Но ничего внятного так и не решили. Нет, с тем, что следует выйти и «как следует наподдать этим жалким людишкам», полностью согласны были все. Но... каким составом? И куда конкретно идти? И нет ли во всем этом некой провокации, направленной на то, чтобы выманить за стены крупный отряд орков, для того чтобы уничтожив его, заметно ослабить Орду? На все эти вопросы ответов пока не было. Поэтому, так и не придя ни к какому согласованному мнению, вожди и шаманы постановили отложить решение и для начала собрать максимум информации о противнике.

Посылка нескольких отправленных на разведку отрядов окончилась... неоднозначно. Три наиболее малочисленных отряда просто исчезли, никак не дав о себе знать, а два самых крупных противника не встретили вообще. У остальных результаты были с середины на половину — в бой вступили, потери понесли, но и противника потрепали. Пленных захвачено не было. Ну так на голубом глазу божились орки из состава этих отрядов... Однако

кое-какую новую информацию эти попытки принесли. Так, после анализа всех докладов, стало ясно, что основные силы армии людей у Эл-Северина пока отсутствуют. А те отряды, что действуют около города, не слишком многочисленны и достаточно разрозненны. Потому что как иначе можно было объяснить, что два самых крупных отряда вообще не подверглись нападению?.. Но ни общее число собранных людьми сил, ни примерные сроки подхода основной части армии, ни даже с какого направления ее следует ждать, пока узнать не удалось. Между тем именно подобные сведения как раз больше всего и интересовали вождей и шаманов...

— Ну почему же? — не согласился Агхыг. — С людьмишками-то все нормально прошло...

После недолгого размышления было решено прибегнуть к хитрости, то есть вместо орков сформировать несколько поисковых команд из числа людей-приспешников, коих и отправить в поиск вокруг города под видом еще одного отряда людей, присоединившихся к охоте за орочьими головами в окрестностях Эл-Северина по собственной инициативе. Они должны были войти в соприкосновение с уже действующими в округе другими отрядами людей, а затем, уловив момент, попытаться захватить пленных, напав на какой-нибудь небольшой патруль или немногочисленную поисковую команду. После чего либо доставить пленников в город для последующего вдумчивого допроса, либо, если это по каким-то причинам окажется невозможным, выбить из них всю необходимую информацию на месте и вернуться в город уже с ней. Предательства орки особенно не боялись. Все приспешники по древнему обычаю были клеймены традиционным клеймом, внешний вид и значение которого всем было давно и хорошо известно. Как и то, что тем, у кого имелось подобное клеймо, в плен к людям лучше не попадать. Несмотря ни на какую ценную информацию, которую они могли бы сообщить. Были уже известны прецеденты. Не помогло... Тем более что у самих отправленных в поиск приспешников никакой особо ценной информации не было и быть не могло. Ибо набраны они были уже здесь, в столице людей, после ее захвата, и использовались практически только для контроля за «мясом». Не допускаясь никуда более. Так что расчет был на то, что, так сказать, в боевой обстановке никто не станет при первой же встрече требовать обнажить тело для поиска этого клейма. Ну, или что первый же встреченный приспешниками отряд как раз и окажется тем самым небольшим патрулем или поисковой группой. Ну а если этот примитивный план не сработает — то и хрен с ним! Не жалко — не орки, чай... Хотя нет, немного жалко все-таки было — потому что в этом случае

какая-то часть «мяса» точно обратно не вернется. А ему бы нашлось уютное местечко в желудке какого-нибудь орка. Ведь всем известно, что на что-то большее людишки совершенно не годны.

Так вот, несмотря на то что особенных надежд на это предприятие никто не возлагал, к удивлению наиболее адекватной части вождей и шаманов, кое-какие результаты оно принесло... То есть в общем и целом эффективность действий людишек оказалась именно такой, как и ожидалось. Из почти сотни отправленных в поиск приспешников, разделенных на полдюжины команд, обратно в Эл-Северин вернулись всего шестеро. Четверо из них во вполне ожидаемом виде. То есть «тушками». Так у имперских егерей именовалось тело, у которого были отрублены обе руки, выколоты глаза, проколоты барабанные перепонки и вырван язык. Таким образом егеря по традиции расправлялись с предателями... Этих без разговоров сразу же направили в котлы... Пятый добрался в более целом виде, но не сообщил ничего нового. Ну, кроме уже и так известной информации, что никакие уловки не помогли и командиры людей при встрече сразу же взяли их команду под прицел и приказали обнажить именно те части тела, на которых обычно ставилось орочье клеймо. Так что ему удалось выжить только чудом, да и то потому, что он бросился бежать сразу же, как только услышал слова командира усиленного дозора императорских егерей, встретившего их команду. Этого также отправили в котел. За трусость, предательство товарищей и... да просто потому, что очень хотелось жрать, а мясо — оно и есть мясо. А вот последний из спасшихся оказался в какой-то степени более удачливым, чем все остальные. Потому что добрался до города относительно целым и принес-таки именно ту информацию, за которой их всех и посылали... Команда, в которую он входил, похоже, попала под раздачу одной из первых. Вследствие чего он почти пять дней скитался по лесам и оврагам, хоронясь от рыскающих по округе, будто у себя дома, людских патрулей. Впрочем, по большому счету, так оно и было, не так ли?.. И вот во время этих скитаний, когда он очередной раз схоронился под кучей прошлогодней листвы, рядом с этой кучей остановилась парочка егерей, которые, судя по тому что он слышал, являлись какими-то командирами. Они простояли над кучей недолго. Ну, столько, сколько надо, чтобы освободить организм от накопившейся в нем излишней жидкости. Да и слышно их было не очень. Ну не до прислушивания ему в тот момент было. Он даже как дышать забыл... Но главное он услышал — армия людей только-только начала выдвижение от Парвуса, около которого был разбит объединенный лагерь и по плану должна была прибыть к Эл-Северину не ранее, чем через

две с половиной декады. Сейчас же в окрестностях столицы людей действовало всего лишь несколько отдельных отрядов, общей численностью около трех тысяч человек, из которых общему командованию подчинялась где-то половина. Остальные же отряды действовали на свой страх и риск. Что, кстати, очень не нравилось тем егерям, которых он слышал. Но, по их мнению, поделаться с этим ничего было нельзя. Ну в самом деле — не драться же людям друг с другом в тот момент, когда их столица захвачена орками? И потому командование, руководившее егерями, решило пока не обращать на подобный раздрай особого внимания, а просто дожидаться прихода армии, сосредоточившись на выполнении поставленной императором задачи. А именно — вести разведку и... постараться исключить любую возможность пополнения орками запасов продовольствия...

— Да тот, кто доверяет людишкам — тупой баран! — слегка взбеленившись, рявкнул Сыхгаг.

— А им никто сильно-то не доверяет, — примирительно произнес вождь, сворачивая горлышко очередной бутылке с кислятиной. — Но, согласись, Мудрейший, сказанное похоже на правду.

После длительных обсуждений сведения, принесенные этим оказавшимся столь удачливым приспешником, действительно были признаны заслуживающими доверия... Что, впрочем, совершенно не спасло его от котла. Ну а что еще с ним делать-то было? Нет, если бы он вернулся совершенно целым и здоровым, то есть способным и далее исполнять свои обязанности, его бы, конечно, ни в какой котел не отправили. И даже, наверное, как-то поощрили. А возможно даже, и наградили. Например, дали бы попользоваться одной или даже парочкой самок из числа тех, что еще оставались в загонах. С них не убудет, а такому верному слуге явно было приятно. Орки, что бы там кто ни говорил, умеют быть благодарными... Но это если бы он остался целым и продолжал быть полезным. А он вернулся раненым и сильно ослабленным. Да еще и, вот ведь мерзавец, изрядно похудел за время своих скитаний по лесам...

— Вот именно, что только похоже! — сердито отозвался шаман. — Мясо — слабаки! Они всегда побеждали только хитростью. И сейчас они тоже готовят какую-нибудь очередную пакость. А наши уроды в нее точно вляпаются.

— И еще раз повторяю — что ты предлагаешь? Просто засесть в городе и ждать — не вариант. Потому что с продуктами в городе, как ты сам знаешь, дело к настоящему моменту обстоит уже не очень...

Это было правдой. Средний орк и так жрет обычно куда больше

среднего человека. А запасы продуктов в столице и без того были рассчитаны всего лишь где-то на сто пятьдесят тысяч человек. Ну, с учетом окрестных крестьян, которые в случае почти невероятной осады также должны были сбежаться под защиту городских стен... Едоков же в городе, после Зова, даже с учетом того, что часть людей была убита, а часть успела разбежаться, оказалось более трехсот тысяч. То есть в два раза больше. Да еще и большая часть из них была как раз не людьми, а орками... И, хотя те сто тысяч человек, которых успели захватить в городе, на самом деле являлись не столько едоками, сколько «мясом», но до того момента, как они отправлялись в котел, их также надо было кормить. Да и обращались с этими «живыми консервами» по первому времени не слишком рачительно, забивая направо и налево и от пуза наедаясь «сладким мясом»... Так что к сегодняшнему дню запасы продуктов, имеющиеся в городе, были уже изрядно подъедены. Даже такие на вкус орков отвратные, как зерно и крупы. Вследствие чего, в случае если армия людей сможет взять город в плотную осаду, перед осажденными довольно скоро замаячит перспектива не просто крайне скудного питания, но и реального голода...

— Немедленно, не дожидаясь подхода армии людей, двинуться в родные места? — продолжил между тем Агхыг. — Вариант. Вот только вожди и шаманы до сих пор, даже после всех полученных сведений, так и не договорились, куда идти. Разделиться и двинуться по отдельности? Ты серьезно? Из самого центра империи людей и через все заселенные ими земли? Есть куда более легкие способы самоубийства. Двинуться навстречу их армии и навязать полевое сражение?

Мудрейший саркастически пыхнул трубкой. Вождь понимающе усмехнулся. Ну да, этот вариант, в принципе, был вполне реален. И согласия по нему удалось бы добиться куда быстрее, чем по любому другому. Вот только... скорее всего, вместе с армией людей двигался некто или нечто, способное убить бога. И идея столкнуться с этим самым кем-то или чем-то, так сказать, в чистом поле, никого, то есть ни вождей, ни шаманов, ни рядовых орков не воодушевляла...

— Вариант один — никуда не идти и дожидаться армии людишек здесь, в городе, — жестко заявил Сыхгаг. — Именно здесь, где Круг шаманов имел возможность воспользоваться энергией очень сильного места силы, располагавшегося в Верхнем городе, а рядовые бойцы — высотой стен и мощью башен. А вот если удастся отбить все штурмы, а то и вообще разгромить армию людей... — И он хищно ощерился.

— А как же вопрос с продовольствием?

— А никак! Урежем порции и потерпим.

Ахгыг скептически сморщился.

— Ты это серьезно, Мудрейший? Ты действительно считаешь, что они на это пойдут?

— Вот потому-то, — вздохнув, произнес шаман, — у меня и нет никакого желания идти на это Токовище...

Когда сопящая и громыхающая колонна орков, растянувшаяся почти на десяток лиг, наконец прорысила-таки мимо небольшого взгорка, на котором высилась древняя, раскидистая сосна, купа веток, расположенная почти в середине ее кроны, осторожно зашевелилась. Впрочем, заметить это шевеление мог бы только очень внимательный наблюдатель. Однако таковых в ближайшей округе не имелось. Так что это шевеление осталось совершенно незамеченным. А вот веревка, которая спустя пару минут была скинута откуда-то из середины этой купы, уже привлекла некое постороннее внимание. Потому что после того, как ее конец коснулся земли, еще парочка очень похожих куч, на этот раз громоздившихся на земле, неподалеку от корней этого лесного великана, также зашевелились и... поднялись, превратившись в пару императорских егерей, одетых в свои знаменитые накидки. Подбежав к веревке, они натянули ее, после чего сверху стремительно соскользнула фигура, одетая в точно такую же накидку.

— Ну что, Ваше сиятельство? — нетерпеливо произнес один из тех, кто держал веревку. — Много тварей на Сажегонт прет? Сколько сумели насчитать?

— Получается, что около пятидесяти тысяч... — с сомнением произнес спустившийся с дерева. — Если и второй отряд такой же большой, то города могут и не устоять.

Информацию о том, что из столицы уже вышел один отряд орков, направившийся к Павилиолу, принес охотник-арвендейлец, прибывший в лагерь сегодня утром...

— Там гарнизоны-то тысяч по десять максимум. И это считая с городским ополчением. А стены куда ниже, чем в Эл-Северине... — Трой (а это был именно он) вздохнул. Да уж, похоже, придется все же действовать по первоначальному плану, то есть разделять армию и идти на помощь городам. А жаль! Идея изменить планы и ударить прямо по Эл-Северину, в котором нынче, судя по всему, осталось меньше половины защитников — была очень привлекательной...

— Так мы, значит, теперь в Сажегонт двинем? — тут же уточнил один из тех, кто держал веревку.

— Вряд ли... — качнул головой герцог Арвендейл. — Если засесть в городе, оставив орков снаружи, то они после первого же неудачного

штурма могут развернуться и двинуть обратно в Эл-Северин. А нам ни в коем случае не следует допускать возвращения в столицу даже части вышедших из них отрядов. Их и так в городе больше, чем всего нашего войска, вместе взятого... Но это стоит обсудить на Военном совете. Так что сейчас быстро двигаем к лошадям — и галопом в лагерь. Если решимся дать им бой на подходе к городу — на его подготовку у нас осталось всего около суток. Иначе к городам не успеем, и орки могут захватить их первым же штурмом.

До лагеря они добрались через полтора часа. Едва не загнав коней. Впрочем, Трой благодаря графу Шоггир уже давно научился чувствовать ту самую тонкую грань, до которой еще можно держать аллюр галопом или идти крупной, размашистой рысью, поэтому успевал вовремя переводить своего скакуна на шаг и давать ему роздых, чтобы спустя десяток-другой минут, вновь перейти на более шустрый аллюр не запаливая коня. Так что в лагерь они влетели пусть и на грани лошадиной выносливости, но все-таки не переступив ее. Во всяком случае, он. Что там было с егерскими лошадьми — боги знают...

Проскакав до самой штабной палатки, Трой спрыгнул с седла и, бросив поводья дежурному, коротко приказал:

— Поводи его. Кругов десять-двенадцать. Пусть остынет, — после чего откинул полог и вошел внутрь.

В шатре было немногочленно. И немудрено. В настоящий момент армия людей была разбита на пять отрядов, каждый из которых стоял своим лагерем. Ибо только при таком разделении было возможно перекрыть патрулями и секретами все семь основных дорог, ведущих от Эл-Северина к ближайшим из более-менее крупных городов. Мелкие-то давно уже опустели. Ибо жившие в них люди частью попали в лапы оркам, но в основном просто разбежались из-за страха перед такими «соседями». Жители столичной провинции уже давно отвыкли от того, что в их жизни могут появиться подобные опасности. Центральные провинции не видели орочьих набегов уже несколько столетий. Да что там набег... тут и обычных бандитов давно уже никто не видел. Маги стражи не зря ели свой хлеб... да и на икорку им тоже хватало. Так что к своим обязанностям они относились куда как ответственно. И тут такое! Сотни тысяч орков — и не где-нибудь на границе, а в самой столице... Так что, несмотря на всю крестьянскую и мещанскую консервативность, а также типичное для любого простолюдина отсутствие тяги к перемене мест, после появления под боком Орды местные довольно быстро сдернули из своих домов, ферм и поместий и рванули куда подальше. Ну, или, в крайнем случае, под

защиту более высоких стен и сильного гарнизона. Вследствие чего ближайшие к Эл-Северину городки, деревни и фермы нынче стояли совершенно пустые. Так что места, в которых вновь можно было встретить кого из людей (ну, за исключением егерей и разведчиков, естественно), начинались где-то в четырех-шести днях пути от столицы. Ну а ближайшие города, которые могли бы являться объектами орочьего набега, располагались на расстоянии не менее недели караванного пути от Эл-Северина. Вот для надежного перекрытия дорог, ведущих к ним, и пришлось разделить силы аж на пять частей. Иначе отследить все возможные направления с приемлемым временем доклада и реакции на него, по которым могли выдвинуться орочи отряды, никак не получалось.

— Орда вышла из города, — коротко бросил Трой, присаживаясь у стола с разложенной на ней картой.

Склонившиеся над ней Марелборо и Шоггир молча переглянулись.

— То есть они двинулись и на Сажегонт? — задумчиво произнес император. — Заманчиво...

— Не устоят, — хмуро отозвался граф и, повернувшись к Трою, уточнил: — У тебя тоже сорок тысяч?

— Я насчитал около пятидесяти, — сообщил герцог Арвендейл.

— Точно не устоят! — категорично подытожил Шоггир. — Большая часть хороших бойцов либо у нас, либо на границах, так что в гарнизонах остались либо старики, либо совсем юнцы. Ну и ополчение. Хотя в ополчении по большей части та же картина. Да и подготовка у него... сам знаешь. А терять население еще пары крупных городов мы себе позволить не можем. И так уже потери людей зашкаливают. Эл-Северин ведь был не только местом пребывания императора, но и очень крупным торговым, финансовым и ремесленным центром. Там производилось от четверти до трети доспехов и вооружения от общего числа производимых в империи. И там же располагались две из пяти крупнейших бирж...

— Это точно, — вздохнул Марелборо. — Вот бездна, а ведь такой хороший вариант вырисовывался, но... да, придется вести войска на помощь Сажегонту и Павилиолу. Оставлять в тылу два таких крупных отряда мы себе позволить не можем.

— Тем более что даже если мы, наплевав на эти отряды, возьмем Эл-Северин, что, кстати, совсем не гарантировано, двумя городами дело точно обойдется, — мрачно произнес граф. — Если весть о том, что мы взяли столицу, дойдет до этих отрядов, то они, скорее всего, тут же рванут в сторону границы, грабя и разоряя все, что попадется по пути. А в большинстве городов, расположенных в глубине империи, ситуация с

гарнизонами как бы даже не хуже, чем в Сажегонте и Павилиоле. Из этих мы хотя бы гарнизоны полностью не выводили, хоть и ободрали их существенно, а вот из тех, что подальше...

Трой молча кивнул и вздохнул. Уж больно заманчивой была идея ударить по Эл-Северину сейчас, когда там осталась всего лишь половина Орды... Впрочем, если удастся разгромить оба выдвинувшихся из столицы орочьих отряда, то число орков, окопавшихся в Эл-Северине, останется как раз таким же, как и сейчас. Что же касается собственных потерь... да, они будут, и немалые. Но часть их удастся возместить за счет гарнизонов Сажегонта и Павилиола, в которых после разгрома этих отрядов уже не нужно будет держать столь многочисленные гарнизоны, да и из гарнизонов остальных городов, расположенных вокруг столицы, также можно будет вывести существенную часть бойцов и влить их в армию. Ибо после такого разгрома орки точно более не рискнут отправить в набег хоть сколько-нибудь значимые силы. Так что держать в них столь крупные гарнизоны уже будет не нужно. Это было разумно, пока армия людей еще находилась у Парвуса, а столица была занята столь огромной Ордой. А теперь... Впрочем, кто знает, что может прийти в голову этим диким тварям?.. Похоже, подобные мысли пришли в голову и императору.

— Граф, как вы думаете, еще подобные отряды будут? — задумчиво поинтересовался Марелборо.

Шоггир на мгновение задумался, а затем решительно качнул головой.

— Нет, мой император, уверен, что нет. Мы и так рассчитывали, что нам даже в самом лучшем случае удастся выманить из города максимум около трети их сил. А они отправили практически половину. Больше точно не рискнут. Если только... — он на мгновение задумался, покосился на Троя, потом вздохнул и закончил: — Если только они не решатся уйти совсем.

Трой удивленно воззрился на графа. Тот досадливо сморщился и пояснил:

— Это очень необычная Орда... случайная. Так что, насколько я знаю орков, после смерти Темного бога у них точно должна была начаться грызня между племенами и родами. Поэтому нельзя полностью исключать, что эти два отряда были высланы только для того, чтобы оттянуть от Эл-Северина наши силы, после чего инициаторы этого попытаются сдернуть из столицы.

— Но... как? — не понял Трой. — Они же тогда просто отправили их на заклятие! Как так со своими?

— Дело в том, что орки всегда грызутся между собой, — пояснил

Марелборо. — Угоняют скот, крадут невест, режутся друг с другом... У них даже для того чтобы считаться взрослым, нужно непременно кого-нибудь убить и принести его уши. Лучше, конечно, человека, но и орк из чужого рода или племени тоже подойдет. Тем более что границы империи да и большинства других государств людей, как правило, неплохо прикрыты. Теми же егерями и пограничными заставами и крепостями. А вот стойбища обычно охраняются куда хуже. Вот и они режут тех самых своих. Которые для них совсем даже и не свои. Потому как иная вражда тянется веками... Да и вообще по жизни орки между собой грызутся за милую душу. Как род против рода — за пастбища, за колодцы, за доли в солончаках, за места силы, в конце концов, так и внутри племен и даже родов — за приплод, долю в охоте, невест и так далее. И подобное у них не то что обыденность, а даже повод для гордости. Мол, вот мы какие мужественные, дикие, доблестные и свободолюбивые. Никто нам не указ! Ради свободы и доблести — и своих не жалеем. Так что бойтесь нас все! Тем более что эта Орда, — он мотнул головой в сторону полога, перекрывающего выход из палатки, — не была создана волей вождей и шаманов, а как бы... просто случилась. Неожиданно для всех. И втянув в себя кого ни попадя. Не удивлюсь даже, если кого-то вообще во время войны с соседями либо набега на них же и-и... вместе с этими соседями. Так что у них после смерти Темного точно начались большие терки. И те, кого отправили в набег, вполне могут быть из числа племен и родов, враждебных тем, которые держат большую часть власти в Орде. Впрочем, возможно даже, и союзных... Потому что у орков все союзы временные и ситуативные. Постоянных друзей и союзников у них практически не бывает. Именно потому, что они — орки. Понятно?

Трой задумчиво кивнул, а затем потер рукой лоб и спросил:

— То есть, чтобы разобраться, стоит взять «языка» и спрашивать?

— Скорее всего, это будет бесполезно, — усмехнулся Шоггир. — Даже если эти отряды действительно отправлены для того, чтобы оттянуть наши силы от Эл-Северина, совершенно не факт, что орки в них об этом знают. Скажу больше, вполне может быть, что отряды изначально были отправлены именно за продовольствием. А решение о том, что они станут «отвлекающим маневром» было принято уже после их ухода, — тут граф сделал небольшую паузу, вновь криво усмехнулся и добавил: — Или еще будет принято...

— Шевели лапами, овечье дерьмо! — проорал десятник Хыхгум и тут же саданул кого-то по спине тяжелым годендагом. Над куцей колонной

десятка послышался гулкий звук, сразу же продолжившийся глухим стоном. Гхныль судорожно всхлипнул и, оглянувшись назад, втянул голову в плечи и прибавил шаг. Мысли о какой-то иной реакции на продемонстрированное десятником раздражение у него даже не возникло. Только не с Хыхгумом!

Их отряд покинул столицу людей три дня назад. Хотя какой там отряд — настоящая Орда! На не такой уж долгой памяти Гхныля Орду в их племенном союзе собирали раз шесть. Три раза для набега на стойбища «Чернобрюхих», издревле являющихся врагами «Однолапых», дважды для набегов на людишек и один раз для помощи союзным «Камнелобым», на которых насели «Желтозубые». А кроме того, четыре раза пришлось отбиваться от вражеских Орд. Хотя какое там отбиваться... Просто бросали все и утекали, так, что пятки сверкали. А куда деваться? Орда — эта сила! Одинокий род против нее — ничто. Да, даже и племенное ополчение далеко не всякое справится. Если только у какого-нибудь крупного племени, такого как «Красношеие» или «Камнееды»... Так в тех Ордах редко когда набиралось более десяти тысяч воинов. А в той, что собрали на помощь «Камнелобым», и вообще было, дай бог, пять. В их же отряде было почти пятьдесят тысяч! Ну и как его еще называть, а?

— Тыхнут, самка ты овцы, я тебе сколько раз говорил сбрую подтянуть! Бежишь тут грохочешь... — взревел десятник, и сразу после этого вновь послышался гулкий удар, раздающийся при ударе голендага по загривку. Ученик Мудрейшего Сыхгага втянул голову в плечи и поспешно прибавил шаг. Хотя Хыхгум сегодня пока не звезданул ему по хребту ни разу, Гхныль прекрасно помнил его тяжелую руку. Уж сколько раз ему доставалось от десятника — и не сосчитать. До начала ученичества у Мудрейшего — молодому орку прилетало, почитай, каждый день. Да не по одному разу. Причем буквально ни за что! Ну не получалось у него орудовать ятаганом и готендагом так же ловко, как большинству его ровесников, — так и что? За это бить?! А лапа у Хыхгума тяж-желая-а-а... Так что больше чем десятника ученик шамана боялся только Учителя. Тот был куда хуже. Потому что Хыхгум был прост и понятен. Не нравишься ты ему — держись от него подальше. Не удалось — получи. А от Мудрейшего никогда не было понятно чего ждать. Потому что его «шутки» все время менялись. И ладно бы просто бил. А то как придумает что-то... ну как давеча... с балконом. Ведь знает же, что Гхныль жутко боится высоты, как, кстати, и большинство орков — так ведь нет, обязательно надо зашвырнуть ученика подальше к парапету...

— Шевелись, баранья немочь! — снова взревел десятник. — Скоро

набьете брюхи сладким мясцом.

Это — да. Этого хотелось... Основной целью их нынешнего похода было продовольствие. Потому что ситуация с ним в захваченной столице уже приближалась к критическому пределу. Все, что можно было найти в округе, уже давно было найдено и съедено. От людишек, которых в городе было захвачено более ста тысяч, так же осталось не более десятой части. Ну а что? Людишки в любом стойбище — это всегда повод для праздника. А праздник в понимании любого орка — это прежде всего обжираловка. До упора, до барабанного брюха, до тошноты и блевотины. Так-то средней тушки «сладкого мясца» могло бы хватить десятку орков аж на полдекады. Ну, то есть самца. Самки, конечно, поменьше, а уж детеныша... зато у самок и особенно детенышей мясцо-то помягче и понежней. Особенно у детенышей... Но сразу после захвата города тушку, как правило, сжирали зараз, за один присест. Особенно в первые три дня. До того как шаманы и вожди сумели-таки собрать рассыпавшихся по всему Эл-Северину орков и навести хоть какой-то порядок... И насчет другого продовольствия в тот момент никто особенно не думал. А чего голову-то забивать? Мы — самая великая Орда, которую только можно было представить, во главе — сам Темный бог, а вокруг простираются совершенно беззащитные земли людей. Кто они против нас? Мясо! Так что сколько «сладкого мясца» понадобится — столько и добудем... Что же касается того продовольствия, которое хранилось у людишек на складах, то эти запасы к настоящему моменту также почти закончились. Причем не только потому, что их съели. Часть из запасов просто сгорела во время пожаров, полыхавших в Эл-Северине в первую неделю после захвата. Часть оказалась испорчена — как крысами, которые набежали в склады после того, как вломившимися в них орками, громящими все, что попадется под руку, была нарушена работа заклятий сохранности, так и самими захватчиками, походя, ну от широты души, так сказать, порезавшими мешки и кули, после чего еще и потоптавшимися на рассыпанном. Ну а оставшееся было серьезно подъедено теми людишками, которых не успели пустить под нож во время захвата города. И, кстати, еще продолжало подъедаться. Потому что в «мясных загонах», устроенных на самых широких площадях Большого города, еще оставалось около двадцати тысяч особей самого вкусного «сладкого мясца». То есть самок и детенышей. Причем то, что у них самое вкусное мясо, сыграло в их судьбе отнюдь не самую главную роль... Нет, сначала-то дело было именно в этом. Вожди и шаманы быстренько наложили лапы на самое вкусное. Но сейчас уже дело было не во вкусовых качествах, а в том, что их приберегали до

момента появления у столицы армии людей, до которого, судя по слухам, ходящим в Орде, оставалось уже не так и много. Так что эти самки и детеныши были предназначены для использования в качестве жертв в шаманских ритуалах. Сила каковых, как всем было известно, в огромной степени зависит от степени испытываемой жертвой во время ритуала боли и как она на нее реагирует. Самки же и детеныши в этом отношении наиболее хлипкие. И боль терпят хуже, чем бойцы, и реагируют на нее самым полезным образом — воплями, плачем, визгом, слезами и так далее. То есть силы для ритуала с них можно получить больше, чем с самцов... А вот мяса, наоборот, меньше. Хотя и более вкусного. Но орочьим шаманам к настоящему моменту уже было не до вкусовых предпочтений. Поэтому людские самки и детеныши все еще влачили свое жалкое существование в центре огромного города, захваченного великой Ордой, а не закончили свои дни, как им и положено, — в желудке достойного орка. Честным же оркам оставалось только ходить мимо и облизываться, давясь крупяной кашей или мучной болтанкой, сваренными из остатков имеющихся запасов. Порции которых к тому же с каждым днем становились все меньше и меньше. Ну и кому такое понравится? А ведь впереди явственно маячили осада и штурм...

Так что предложение о набеге на несколько ближайших к столице людей крупных городов основной массой орков было поддержано немедленно и с большим энтузиазмом. Тем более что за их стенами, несомненно, кроме жителей укрылись еще и сбежавшие из окрестностей Эл-Северина крестьяне и владельцы поместий. И уж они-то, совершенно точно, свезли туда все доступное им продовольствие... Да и свежего «сладкого мясца» перед скорой осадой наесться от пуза тоже было бы неплохо.

Запас по времени на этот набег представлялся вполне достаточным. Ближайшие крупные города располагались на расстоянии недельного караванного перехода от столицы, каковое расстояние обычный орк вполне способен был преодолеть дня за четыре. Они ж не людишки, чтобы еле-еле ползти со скоростью своих упряжных кляч!.. На штурм и грабеж отводилось еще дня три. А чего затягивать-то? Судя по тем сведениям, которые удалось отыскать в императорских архивах и выбить из пока еще живых людишек из числа еще оставшихся приспешников, выбранные для атаки города уступали столице в размерах и населении минимум в три раза. То есть гарнизон в них не должен был даже в самом лучшем для людей случае превышать пятнадцати тысяч человек. А скорее всего, был гораздо меньше. Не из воздуха же взялась та самая армия, которая сейчас должна

была начать выдвигаться к Эл-Северину от Парвуса. Места силы в них тоже были весьма слабенькими. Так что даже тридцатипяти тысячное войско орков при поддержке более-менее приличного малого Круга шаманов должно было взять город первым же штурмом... Но на Токовище решили не рисковать и ограничиться всего парочкой городов, а также для вящей надежности к обоим выбранным городам отправить отряды, насчитывающие не тридцать пять тысяч, а несколько больше... Продовольствие же и добычу из захваченных городов должно было доставить на себе захваченное в них «мясо». Как четвероногое, так и двуногое. Так что на всю экспедицию планировалось затратить не более двух-двух с половиной недель. Так что времени до подхода армии людей должно было хватить с солидным запасом...

— Шустрее, тупые болваны, — снова взревел десятник Хыхгум. — Нам велено держаться за три сотни шагов перед передовой колонной. А она нас уже почти нагнала.

— Так мы же должны вести разведку, а не просто тупо нестись вперед, — попытался подать голос Хырмен, самый сильный и здоровый орк из поколения Гхныля. И, как все здоровяки, немного тормознутый. Отчего ему раньше частенько доставалось от старших. Да и сейчас можно было не сомневаться, что как минимум половина ударов тяжелым годендагом десятника пришлась на хребет именно Хырмена. Но тупым он при этом совсем не был.

— Какую тебе разведку, отродье свиньи? — тут же взбеленился десятник. — Ты же своими ушами слышал, что сказал вождь Агхыг. Армия людишек только начала движение от Парвуса. И, клянусь самой большой бородавкой моей бабки, они стянули в нее всех, кого только смогли! Так что никаких других отрядов людей, кроме их проклятых разведчиков, поблизости нет. Да и этих разведчиков, скорее всего, тоже уже не отыщешь. Людишки трусливы, но не глупы. И точно не станут становиться на пути нашего набега. А вот если мы не успеем вернуться в столицу до подхода их армии — никто не даст за ваши жизни и ломаного ногтя! Так что заткнись и двигай лапами, понял? — И за спиной Гхныля вновь послышался гулкий удар. И почти сразу за этим унылый голос Хырмена:

— Да, уважаемый, — уныло протянул тот.

А Гхныль шумно вздохнул и постарался ускориться. Что, впрочем, ему почти не удалось. До привала, судя по солнцу, было еще почти три часа, а сил у него уже почти не осталось...

На ночлег остановились, когда небо уже начало темнеть. Услышав команду Хыхгума, большинство со стоном попадало на землю, но... почти

сразу же было вновь поднято на ноги бешеным воплем десятника:

— А ну вскочили, тупое отродье! Бегом-бегом — собирать дрова, рубить лапник и готовить лежаки. И кто тут у нас сегодня кашевар? Быстро занялся своим делом! У меня уже брюхо к спине прилипло, а он еще и не шевелится...

Гхныль мысленно застонал. У него уже совершенно не осталось никаких сил, а очередь кашеварить сегодня была именно его. Да и не умел он этого делать... Впрочем, а кто из орков это умел-то? В смысле, каши и похлебки варить... Вот ежели бы мясо нужно было пожарить — то другое дело. Или тушу какую освежевать. Тут любой, даже самый неумелый орк справится. А каши... Бр-р-р-р... как вообще это можно есть-то? Только с голодухи! Впрочем, у них сейчас аккурат она самая и была. Их Ор... ладно, пусть отряд, нес в заплечных узлах самый минимум продуктов. Только чтобы хватило на один прием пищи в день, причем на путь всего в один конец. Мол, добегите до города-цели — там и налопаетесь.

Да и этот один прием был обеспечен довольно скудно. Большинству жрачки хватало только лишь на то, чтобы заглушить вопль голодного брюха. И не более. Впрочем, их десятка это касалось в куда меньшей мере. Они считались как бы в разведке и охране, так что их порции были заметно больше, чем у остальных...

Каша ожидаемо не удалась. К тому же провозился он с готовкой куда дольше, чем те, кто был занят обустройством стоянки. Впрочем, излишняя нагрузка была возмещена размером доставшейся ему порции. Нет, та, что в конце концов оказалась в плошке у Гхныля, никак не отличалась размерами от остальных, но ведь если ты не хочешь испортить блюдо — его же надо регулярно пробовать... Однако, даже после того как голодные соратники были наконец обеспечены ужином, отдохнуть ученику шамана так и не удалось. Потому что едва только он, почесывая пострадавшие бока от совершенно не впечатленного его кулинарными талантами Хыхгума, присел у костра, собираясь наполнить желудок собственно приготовленным варевом, как перед ним вырос неизвестный молодой орк.

— Ты, что ли, Гхныль? — высокомерно проревел он.

Ученик шамана окинул его недоверчивым взглядом и, на всякий случай отодвинув плошку с варевом подальше от жадно заблестевших голодных глаз, угрюмо отозвался:

— Ну, я. А тебе-то что?

— Тебя срочно вызывает Мудрейший Сыхгаг, — выпалил посланец. — Немедленно! — добавил он, после чего снова бросил жадный и голодный взгляд на полную плошку Гхныля. Похоже, у него появилась надежда, что

ученик шамана, вздернутый призывом столь грозного и важного начальника, бросится на его зов, оставив без присмотра свою порцию. Но этим надеждам не суждено было сбыться... То есть не совсем. Гхныль действительно поспешно вскочился на ноги и, тяжело вздохнув, двинулся в сторону видневшихся на опушке леса потемневших строений. Ибо даже не сомневался, что Мудрейший Сыхгаг, как обычно, расположился на ночлег с наибольшим доступным комфортом... Несмотря на то что Учитель еще в Эл-Северине демонстративно отказался от высокой чести принять на себя обязанности Старшего походного шамана их Ор... то есть отряда, так что как бы официально в руководство набегом не входил — никому, кто находился в здравом уме и твердой памяти, не пришло бы в голову хоть как-то оспорить хотя бы небольшое повеление Мудрейшего Сыхгага. Только не его... Так что можно было не сомневаться в том, что Учитель совершенно точно расположится на ночлег в наиболее комфортном месте. Ничего же могущего каким-то образом повысить уровень комфорта, кроме этих старых сараев, в округе не наблюдалось... Но плошку с кашей при этом ученик шамана предусмотрительно прихватил с собой. Более того, он принялся прямо на ходу прихлебывать из нее, обжигаясь и шипя и при этом не обращая никакого внимания на злобное сопение бредущего за ним посланца Учителя. Потому что был почти уверен — не успеет он сожрать свою порцию до момента прихода к Учителю, с ней точно придется попрощаться. Знаем, были уже прецеденты...

Сыхгаг оказался там, где и предполагал Гхныль. И, как обычно, не один. Причем в полном соответствии с ожиданиями ученика Мудрейшего расположился он с максимально возможным комфортом. Нет, никакой мебели в старом овине не нашлось. Да и воняло в нем изрядно. Но вот от ветра потемневшие от времени стены защищали неплохо. А набросанные прямо на земляной пол грязные овечьи шкуры образовывали куда более удобное ложе, чем охапки лапника.

— Явился, наконец? — недовольно пробурчал Мудрейший. — Разожги трубку, — коротко приказал он и повернулся к своему собеседнику: — Значит, считаешь, завтра уже пора?

— Да, — кивнул вождь Агхыг. — Дождаться, пока мы доберемся до города, опасно. Я почти уверен, что людишки готовят нам ловушку. А донести это до тупой башки нашего Вождя похода невозможно. Да и остальным вождям объяснять это бесполезно. Они до сих пор грызутся между собой и так и норовят подставить друг друга. Так что даже если мне кто и поверит, то вместо того чтобы помочь убедить остальных, начнет строить планы, как использовать ситуацию, чтобы подставить кого из

недругов. То есть уходить надо либо сегодня ночью, либо завтра утром. А то будет поздно.

— А как ты думаешь решить вопрос с продовольствием? То, что у нас с собой, закончится через день.

— Пыф! — фыркнул вождь. — Неделю поголодаем, а там пойдут места, где людишки еще не пуганы.

— Но там они и не обескровлены, — с сомнением произнес Сыхгаг и протянул лапу, принимая от Гхныля разожженную им трубку, после чего небрежным жестом отправил ученика в дальний угол. Сиди, мол, пока там и не отсвечивай. Не до тебя сейчас...

— Не думаю, — хмыкнул вождь, — в тех местах, через которые мы будем проходить, людишки действительно ни с кем не дрались. Но именно поэтому все более-менее приличные отряды оттуда давно отправились в их армию. Из кого-то же они должны были ее сформировать? Так что с воинами там точно туго. К тому же мы пойдем всего лишь одним родом, и не будем соваться к городам и даже крупным деревням. А для пропитания пары сотен орков хватит того, что мы сможем захватить на отдельно стоящих фермах и в мелких деревеньках. Там-то нам никто не сможет оказать сопротивление.

— Но о нас довольно быстро узнают. И смогут организовать погоню. В больших городах точно еще имеются какие-то гарнизоны. Да и часть ополчения, несомненно, осталась на месте.

— О чем они узнают? — беспечно махнул лапой Агхыг. — О том, что в окрестностях их города появились орки? Да и пусть. Более того — такие известия, наоборот, заставят их покрепче запереть ворота и не казать носа из-за городских стен, молясь, чтобы эти стра-а-ашные звери прошли мимо. Я же тебе говорю — все их лучшие воины совершенно точно ушли к Парвусу. А те, кто остался, уж точно не рискнут кинуться за нами в погоню. Не думаю, что они способны на что-то серьезное за пределами городских стен. Так что прорвемся!

Шаман же в ответ на эти слова лишь недоверчиво покачал головой.

— А если даже и нет, — криво усмехнулся вождь, — и нам придется схватиться с одним-двумя высланными в погоню отрядами, согласись, все равно вероятность выжить в этом случае куда как выше, чем если мы и дальше будем продолжать выполнять безумные планы Гыхага с Пыхкыхом.

Мудрейший задумчиво пыхнул трубкой, потом еще раз, еще... а затем повернулся к ученику и произнес:

— Сегодня ночуешь здесь. С утра помогаешь собрать мои вещи и остаешься при мне. Хыхгуму я сообщу. Понятно?

— Да, учитель, — почтительно Гхныль, хотя его сердце, казалось, готово было просто выпрыгнуть из груди. Потому что впервые за все эти сумасшедшие месяцы перед ним наконец забрезжила-таки надежда на то, что он все-таки вернется к родному стойбищу...

— А они его не почуют? — осторожно поинтересовался Трой.

Элиот Пантиопет осторожно разжал руки и разогнулся, после чего повернулся к стоящему рядом Коску и кивнул:

— Все, можно засыпать и маскировать, — и только после этого повернулся к Трою.

— Нет, герцог, не почуют. Этот амулет пуст. Так что чуют там нечего. Энергию для своей активации он заберет от самого ритуала, а когда камлание Круга шаманов наберет силу и магический фон резко повысится — просто разрушит ритуал. Так что по оркам ударит не плетение, а откат... — Верховный маг тихонько вздохнул и с надеждой произнес: — Надеюсь, они затеют что-то более-менее сильное и откат будет достаточно силен... — после чего улыбнулся и продолжил: — Так что единственное, что нам грозит, это то, что орочьи шаманы решат выбрать для своих ритуалов какое-нибудь другое место. Но... — он демонстративно огляделся, — это вряд ли. Лучшего места, для того чтобы разместить Круг с этой стороны города, я не вижу. Этот холм довольно высок и с него отлично видны окрестности. Инвенции же у шаманов весьма примитивны, и многие из них требуют для своей инициации визуального нацеливания. Те же, что не требуют, лучше работают, если их цели располагаются как можно ближе к месту проведения ритуала. Так что проводить его где-то с другой стороны городских стен нет никакого смысла. Кроме того, у него достаточно ровная и просторная вершина, так что на ней способно уместиться довольно большое количество народа. Нет, вряд ли они смогут найти в округе что-то лучшее, чем этот холм.

— Поня-ятно... — протянул Трой и повернулся, вскидывая ладонь ко лбу. Дневное светило еще не слишком высоко вошло на небосвод, так что его лучи били прямо в глаза. Поэтому их приходилось накрывать ладонью. Сотня аремарских конных арбалетчиков, выделенная в дальнейшее охранение, все так же продолжала спокойно клубиться у опушки леса. И это означало, что орков еще не видно...

До Сажегонта они добрались сегодня утром. Город, в принципе, к осаде и штурму был уже готов. Естественно, не полностью, а насколько это было возможно в текущей ситуации. Амулеты Единения, имеющиеся почти во всех крупных городах центральной части империи, позволяли отправлять друг другу некий набор кодовых сигналов, благодаря которому

можно было передать некоторый объем информации. Вот только этот объем был довольно ограниченным. Вследствие чего регулярно случались неприятные казусы... Так что когда в городскую канцелярию примчался посыльный и сообщил, что по амулету Единения пришло четыре кода, обозначающие «орки», «столица», «двигаться к вам» и «более десяти тысяч», в городе началась паника. А чего вы хотели? Большая и, кстати, наиболее боеспособная часть городского населения еще пару месяцев назад ушла к столице герцогства Эгмонтер — Парвусу, у которого сосредотачивалась армия людей. Граф, под рукой которого находились окрестные земли, со своей дружиной также отбыл в том же направлении. Вследствие чего защищать город от подобной Орды, по существу, было некому. Нет, формально в местном ополчении числилось еще около четырех тысяч человек. Только что это были за люди? Из этих четырех тысяч действительно серьезными бойцами можно было считать сотен шесть, максимум семь. Остальные — либо совсем зеленые юнцы, еще толком не обученные держать в руках мечи, либо изрядно покоцанные за свою долгую жизнь и давно постаревшие отставники с полным набором хворей и болячек. И как прикажете с таким набором личного состава противостоять вот этим самым «более десяти тысяч»? Да и даже будь все они поголовно мастерами меча и опытными ветеранами в таком числе против подобной Орды они бы все равно не выстояли. Вот народ и взволновался. А кое-кто, даже не дожидаясь никаких иных разъяснений, быстро собрался и, прихватив с собой что было наиболее ценного, рванул в бега... Впрочем, следующая кодограмма, пришедшая спустя всего четыре часа после первой, ну, когда откатилось время восстановления амулета, заметно снизила тревогу. Потому что включала в себя три куда более успокаивающих кода: «люди», «более десяти тысяч» и «двигаться к вам». После получения которых городскому совету удалось вновь сделать ситуацию контролируемой и начать деятельно готовиться к защите. В первую очередь раскрыв уже изрядно опустошенные ушедшим к Парвусу ополчением городские арсеналы и объявив дополнительный набор в городское ополчение. Конечно, набирать по большому счету было особенно некого — все более-менее приличные вояки уже давно ушли к Парвусу, но, с другой стороны, стоять на стенах и лить на головы карабкающимся на них оркам кипяток, смолу и кипящий воск да швыряться в них камнями и дротиками — особенного умения не нужно. Только мужество и стойкость. А их после рассказов о том, что эти твари делают с людьми, должно было быть достаточно... Так что когда сегодня утром четыре с половиной тысячи всадников на взмыленных конях подскакали к городским стенам, их

встретили запертые ворота и усиленная бдящая стража в надвратных башнях. Более того, поскольку основная часть дежурной смены, несшая службу в башнях, состояла из только что набранных юнцов, пара новоявленных вояк с перепугу шарахнула по подскочившим к воротам всадникам из стационарных крепостных арбалетов. Слава богам, умение обращаться с этими тяжелыми и неуклюжими дурами у новоиспеченных горе-стрелков оказалось в точности равным их выдержке. Поэтому они ни в кого не попали. А к тому моменту, когда обоим болванам удалось вновь натянуть тугую тетиву, из башни наконец-то выполз начальник всей этой гоп-команды, по старости лет прикорнувший в уголке каземата на ворохе старых плащей. Так что второго залпа не последовало. А вот несколько увесистых затрецин от мгновенно воспрянувшего старшего караула, разглядевшего-таки в предрассветном сумраке, в кого умудрились выстрелить его бестолковые подчиненные, имели место быть. И хотя Верховному магу империи попадание даже парочки болтов, пусть и выпущенных из тяжелого крепостного арбалета, вряд ли могло так уж сильно повредить, как-никак маг все-таки, но вот сам факт стрельбы в его сторону способен был слегка испортить ему настроение. А испорченное настроение Элиота Пантиопета совершенно точно способно было изрядно повредить очень большому количеству людей. И хотя старший караула был в этом списке далеко не на первой строчке, прилететь ему должно было куда больше других. При большей неудаче — полным комплектом, то есть с каждой предыдущей позиции списка...

Впрочем, Верховный маг особенно раздувать скандал не стал. Вероятно, потому, что сильно торопился. Настолько, что едва только въехав в ворота, тут же торопливо соскочил с коня и полез на надвратную башню. Престарелый отставник, в данный момент исполнявший обязанности старшего караула, даже по первости струхнул, посчитав, что случившийся «косяк» так сильно разозлил столь важную персону, что она решила собственноручно, так сказать, указать ему на всю глубину его неправоты. А представить, чем может окончиться подобное «указание» в том случае, если наказывающей стороной является сильный маг, у него даже воображения не хватало... Впрочем, деваться ему все равно было некуда. Поэтому он обреченно вздохнул и, зло зыркнув на двух испуганно моргающих глазенками сопляков, встал у входа в башню, вытянувшись во фронт и ожидая поднимающееся неминуемое возмездие. А куда было деваться? Он — начальник, поэтому именно он за все и в ответе. Не этих же бестолочей под гнев мага подставлять? Он-то уже отжил свое, так что если и чего — так и не сильно жалко. Немного потеряет. А эти-то — ну

полные сопли, им-то еще жить да жить... Однако, маг даже не стал притормаживать у уже попросившегося с собственной жизнью старшего предвратного караула, только сердито отмахнулся на бойкий доклад, проблеянный дрожащим старческим голосом и полез выше — на самую верхнюю наблюдательную площадку.

Трой отыскал Элиота Пантиопета только через час. Когда взобрался уже на четвертую из надвратных башен. Потому что в той первой он никого не застал... Верховный маг стоял, облокотившись о парапет, и что-то напряженно разглядывал.

— Ваша светлость, — негромко окликнул его Трой, — там комендант и Глава городского совета...

— Что? — переспросил тот, разворачиваясь к нему.

— Жаждают засвидетельствовать свое почтение.

— Не до них сейчас, — сердито отмахнулся Верховный маг, после чего вновь развернулся наружу. Трой постоял еще пару мгновений, а затем тихонько подошел поближе и, встав за плечом мага, всмотрелся в ту же сторону, что и он. За время, прошедшее после получения известий о приближающихся орках, комендант и Глава городского совета успели кое-что сделать для подготовки к будущему штурму. Так, примыкавшие к городским стенам строения, которых за долгие мирные годы было понастроено немало, были частично разобраны и подготовлены к сожжению, а крупные деревья, способные затруднить работу стрелков и обеспечить приближающимся к стенам оркам хоть какие-то укрытия, были вырублены, и теперь их одинокие пни торчали перед глазами, как гнилые зубы. Но маг явно смотрел не на них.

— А что вы ищете? — осторожно уточнил Трой, спустя несколько минут, так и не поняв, чем таким настолько важным занимается Верховный маг, что ради этого отказался от встречи с городской верхушкой.

— Что? — вновь вскинулся Элиот Пантиопет. — А-а-а... ничего особенного просто ищу место, где во время битвы может расположиться Круг шаманов. У меня есть для них небольшой сюрприз, с помощью которого, если нам удастся угадать это место, мы можем изрядно ослабить атакующих.

Трой окинул будущее поле боя, на мгновение задумался, а затем осторожно уточнил:

— Оно должно быть каким-то особенным?

— Да не то, чтобы... — слегка досадливо отозвался маг, — просто отвечать некоторым требованиям.

— А эти требования известны только вам или о них могут знать и

другие?

— Да нет, не только мне. Они вполне известны.

— В таком случае, может, стоит спросить у местных?

Элиот Пантиопет несколько удивленно воззрился на Троя, потом задумался, после чего усмехнулся и, покачав головой, произнес:

— И вы, как всегда, правы, мой друг. А я очередной раз сглупил, потратив время на то, что уже, скорее всего, сделали задолго до меня. Пойдемте, поднимем осадные диспозиции. Хотя я не сомневаюсь, что последний раз они обновлялись не менее ста лет назад... в конце концов, эта местность уже давно считалась самым глубоким тылом империи, до которого никакая Орда просто физически не способна добраться, но вряд ли за это время рельеф изменился настолько, что даже старые диспозиции окажутся бесполезными.

Так оно в конце концов и оказалось...

— Как вы думаете, Элиот, наши основные силы успеют подойти к городу раньше орков? — задумчиво произнес Трой, опуская ладонь и разворачиваясь к собеседнику.

— Не думаю, — отозвался Верховный маг. — По моим расчетам, мы обогнали Орду не более чем на сутки. И это при том, что всю дорогу шли крупной рысью или галопом. Так что уже сегодня к вечеру орки могут быть здесь. Максимум — завтра утром. А наши основные силы к настоящему моменту вряд ли ближе двух суточных переходов. Они же, хотя и движутся ускоренным маршем и практически без обоза, но все равно, в отличие от нашего отряда, передвигаются в основном пешим порядком. То есть скорость их передвижения все равно заметно ниже, чем у орков. Так что я ожидаю ее появления в лучшем случае завтра к вечеру. А скорее всего, послезавтра к полудню. Ну, если, конечно, граф не взвинтил темп передвижения просто до предела. Но это вряд ли. Сил у нас и так меньше, чем у орков, поэтому, разу уж мы не успели с засадой, единственным нашим шансом будет нанести сильный удар в тыл штурмующей армии. Ибо вряд ли орки будут строить циркумвალационную линию. Скорее всего, они после небольшой подготовки ринутся на штурм, — Элиот Пантиопет криво усмехнулся, но сразу же посерьезнел. — Но и в этом случае нам придется очень постараться, чтобы победить и не понести при этом таких потерь, которые сделают последующий штурм столицы совершенно бессмысленным вследствие недостатка наших сил. Так что графу Шоггир нет никакого резона ускорять марш, ибо результатом будет то, что он приведет к месту сражения донельзя измученных людей практически не способных что-то противопоставить оркам... Поэтому первый штурм нам

придется отбивать теми силами, которые у нас есть в настоящий момент.

Трой согласно кивнул. По его прикидкам выходило приблизительно то же самое.

— Ладно, если уж у нас так мало времени, стоит вернуться в город и заняться делом, — вздохнув, произнес Элиот Пантиопет. — Сажегонт так долго не подвергался осадам, что его стены пришли в весьма удручающее состояние. А артефакт осадного щита изрядно повело. Вследствие чего, его накопитель работает едва на десять процентов от мощности. Так что я пока займусь этим. Или у вас есть для меня еще какое-то поручение, герцог?

— Нет, друг мой. — Трой качнул головой и усмехнулся. — Вы гораздо старше и опытнее меня — так что вам и карты в руки. А я пока проеду по окрестностям и осмотрюсь.

— Хм, мне кажется, что вам как нашему главнокомандующему необходимо остаться в городе и руководить его подготовкой к отражению штурма, — задумчиво произнес Верховный маг.

— Как уже было сказано, я больше умею брать крепости, чем защищать их, — пожал плечами Трой. — Так что пусть подготовкой занимаются более компетентные в этом деле люди. Комендант показался мне весьма адекватным руководителем, прекрасно знакомым и с военным делом, и с особенностями городских укреплений, а Глава городского совета, хоть и не военный ни разу и изрядно трусит, но, судя по тому что я успел увидеть, как хозяйственник — выше всяких похвал. Так что мои распоряжения скорее внесут сумятицу, чем как-то помогут подготовке к сражению. Поэтому — пусть все идет своим чередом.

Верховный маг империи усмехнулся в ответ:

— Вы постоянно удивляете меня, герцог. Редко можно увидеть, как человек вашего возраста и положения оказывается способен удержаться и не начинать командовать окружающими, пребывая в полной уверенности, что они не способны обойтись без его повелений и советов.

— У меня были хорошие учителя, друг мой, — усмехнулся герцог Арвендейл, — и, кстати, вы тоже входите в их число...

Орки появились у города, когда уже начало темнеть. В Сажегонте было место силы, хотя и не особенно мощное, так что Верховному магу удалось не только неплохо подлатать уже изрядно обветшавшие за мирные годы стены и восстановить артефакт осадного щита, но и подновить несколько плетений башенных артефактов. Впрочем, к какому-то серьезному усилению оборонительных возможностей это вряд ли привело. У орков не было осадных машин, так что несколько повысившаяся прочность стен не была способна помешать им как-то сильнее, чем сам факт их наличия. Что

же касается осадного щита и башенных артефактов, то для более-менее эффективного их применения накопители подобных устройств обычно собирают запасы энергии годами. Так что то, что они успели накопить всего лишь за полдня работы, Кругу шаманов было на один клык. Впрочем, с другой стороны, если задумка Верховного мага сработает возможно, и они сумеют внести свою лепту. И кто знает, не окажется ли десяток-другой разрядов, выданных свежевостановленными башенными артефактами, той самой соломинкой, которая, как это говорится в древней притче, и переломит спину тяжело нагруженного верблюда...

— Как вы думаете, Ваше сиятельство, — осторожно обратился к Трою комендант, вместе с которым они наблюдали за обустройством огромного орочьего лагеря с площадки надвратной башни, — нам стоит опасаться ночной атаки?

Герцог Арвендейл на мгновение задумался, а затем отрицательно покачал головой.

— Ночной — вряд ли. Орки совершили довольно тяжелый марш, так что перед штурмом им нужно будет хотя бы немного восстановить силы. А вот утренней — вполне. Насколько нам удалось узнать от захваченных «языков», у отправленного к вашему городу отряда практически нет продуктов. Так что, скорее всего, они не будут особенно затягивать и прямо с утра попрут на штурм. Возможно, даже еще до рассвета. В темноте орки видят лучше людей, так что вожди вполне могут бросить Орду на штурм еще в предрассветных сумерках, чтобы обеспечить себе преимущество.

— Но... им же нужно подготовиться, сделать тараны, лестницы. Как же иначе штурмовать стены? — испуганно проблеял стоящий за его левым плечом Глава городского совета. Не то чтобы он был таким уж трусом (хотя и храбрецом его, конечно, тоже назвать было сложно), но Орда орков впечатляла.

— А вы прислушайтесь, уважаемый, — хмыкнул Трой, — слышите звук топоров? Они рубят деревья. Орочья осадная лестница — это толстый ствол дерева с обрубленными ветками, на котором вырублены грубые ступеньки. Люди такой ствол вряд ли бы даже подняли, а эти твари орудуют им куда ловчее, чем подготовленные штурмовики осадными лестницами. Да и вместо тарана у них чаще всего такой же ствол, который они просто несут в лапах. Стены таким, конечно, не расковыряешь, но ворота, да еще с поддержкой шаманов, — вполне. Причем, как я читал, перед воротами они еще и швыряют его вперед со всего размаха... Так что к рассвету у них все уже будет вполне готово к штурму.

— Но-о-о... а как же те, кто рубит? Они-то совсем не успеют

отдохнуть и набраться сил.

— Здесь, — Трой мотнул подбородком в сторону буквально ковра из огней разгорающихся костров, — около пятидесяти тысяч орков. Во всяком случае было, когда они вышли из Эл-Северина... А у нас, — он мотнул головой в сторону погруженного в настороженную тьму города, — всего чуть больше одиннадцати тысяч. Так что у них хватит бойцов для штурма, даже если все лесорубы, закончив с подготовкой, улягутся спать. Но это вряд ли. Орки — твари жутко выносливые. И воинственные. Так что даже лесорубы вряд ли усидят на месте...

Однако, несмотря на все предположения Троя, рассвет осажденный город встретил вполне спокойно. Более того, орки не беспокоили их практически до полудня. По некоторым косвенным признакам Элиот Пантиопет сделал вывод, что виновными в этой затяжке были шаманы. Причем, скорее всего, дело было не в том, что те так сильно устали, что не были способны быстро собрать малый Круг, а в том, что, похоже, во время марша между шаманами и походным вождем произошел какой-то конфликт. Вот они сейчас и ставили на место «зарвавшегося выскочку», оттягивая момент его, как он считал, неминуемого триумфа. По словам Верховного мага, подобные ситуации не были среди орков чем-то таким уж необычным... А в том, что касается орков, Элиот Пантиопет мог считаться настоящим авторитетом. Насколько Трою было известно, тот в молодости почти десять лет провел на границе со степью, где не только воевал, но еще и старался в меру своих сил и возможностей изучать орков, собирая всю доступную информацию, записывая рассказы ветеранов и допрашивая пленных. Так что в империи в настоящий момент можно было по пальцам одной руки пересчитать людей, которые разбирались в жизни орков на том же уровне, что и Элиот Пантиопет... Но эта задержка никого не расстроила. Поскольку была им только на руку. Ведь чем позже орки начнут штурм, тем меньше им надо будет продержаться до подхода помощи. И тем больше энергии наберут накопители.

Орки раскачались только к полудню. Когда под стенами Сажегонта выстроилась вся огромная толпа со свежесрубленными бревнами наперевес, Элиот Пантиопет покачал головой и брезгливо произнес:

— Да уж, убогое зрелище...

— Убогое?! — удивленно развернулся к нему Глава городского совета, меняющий уже третий платок, которыми он вытирал свою обильно потеющую физиономию, потом снова покосился на огромную орочью массу и осторожно спросил: — Не сказал бы... А почему вы так считаете?

— Потому что это — толпа, а не Орда, — хмыкнул Верховный маг,

кивая подбородком в сторону орков. — Они даже сейчас стоят кучками, то есть разрозненно, по родам и стойбищам, а не так, как надо для штурма. Вон, смотрите, левее центра стоят две группы, вооруженные дротиками, а потом почти на две сотни шагов никого с метательным оружием нет — только топоры, ятаганы и готендаги, и только еще левее снова группа с метательными топорами. То есть они стоят вперемешку, а не в выстроенном для штурма боевом порядке. А сие показывает, что либо этой Ордой управляет полный идиот, либо... либо ей вообще никто особенно не управляет. Да еще и это затягивание с началом штурма... И это означает, что они до сих пор грызутся из-за старшинства и иерархия подчиненности у них до сих пор не отстроена, — он на мгновение задумался, а затем усмехнулся: — Похоже, со штурмом Эл-Северина все будет несколько легче, чем я раньше предполагал, — тут он покосился на заметно воспрянувшего духом Главу городского совета и добавил: — Конечно, если сможем сегодня устоять...

Ахныуг, старший шаман племени «Криволапых», окинул придирчивым взглядом линию тотемов и, обернувшись к остальным, величественно кивнул. Тахмыб, его бывший ученик, ныне подвизающийся в шаманах младшего рода Скальной жабы, гулко сглотнул и, с присвистом втянув в себя воздух, завыл:

— Эхмаг-га!! — этот вопль почти сразу же был подхвачен двумя дюжинами луженых глоток остальных шаманов, из которых состоял собранный Малый круг.

— Эхмаг-га!

Ахныуг брезгливо вздернул верхнюю губу, обнажая желтые, кривоватые клыки. Ур-р-роды! Специально ведь вопят вразнобой, сбивая ритм... Все еще считают, что именно, виноват в том, что эта сволочь Сыхгаг со своими сородичами покинул войско. Этим идиотам даже в голову не могло прийти, что хитромудрый шаман «Однолапых» специально спровоцировал конфликт между ними. А ведь Ахныуг об этом почти сразу догадался. Потому и сдерживался сколько мог. Но у любой сдержанности есть пределы... И ведь собирался же перед началом штурма собраться с шаманами, выставить им бочонок вина из людских запасов (противная кислятина, конечно, но пива-то уже не осталось), поговорить, объяснить и даже начал уже... так нет — этот выскочка, походный вождь, с утра прибежал к стоянке, разорался, грозился плюнуть на шаманов и двинуться на штурм самостоятельно. То есть наплевав на поддержку шаманов. А вот этого уже Ахныуг позволить никак не мог. Как, кстати, и никто из шаманов.

И дело не в том, что штурм без поддержки шаманов грозил бы поражением. Нет, потери бы у Орды (а как еще правильно называть столь огромный отряд, пусть и считающийся частью чего-то большего) в этом случае точно бы возросли, и, вполне вероятно, довольно сильно, но при подобном соотношении сил город орки взяли бы и без шаманов. Точно. И вот в этом-то и была самая большая проблема. Потому что любому шаману было ясно, что если он хочет, чтобы шаманы в среде орков и дальше пользовались уважением и авторитетом, допускать прецедента, когда хоть что-то важное и славное в жизни орков может произойти помимо шаманов, категорически нельзя. Так что затеянную старшим шаманом «Криволапых» разъяснительную кампанию пришлось скоренько сворачивать и быстро рысить к расположенному чуть в стороне от накапливающейся для штурма города Орды холму, который еще вчера вечером был наскоро присмотрен как подходящее место для камлания Малого круга. Впрочем, и не такой уж он и малый получился. У иных Орд, случалось, и Большой поменьше был. Но поскольку, как бы там ни было, несмотря на всю свою многочисленность и мощь, подошедшее к этому городу людишек орочье войско являлось лишь частью Орды, сопровождающий его круг шаманов не мог именоваться никак иначе нежели Малый...

— Эхмаг-га! — Ахныуг вскинул бубен и, едва заметно сморщившись от вновь резанувшего уши разнобоя, заколотил в него в рвано-строенном ритме. Лица сидевших вокруг тотемного круга шаманов слегка перекосило. Ну да, а что они хотели-то? Сами же виноваты. При такой кривой аккламации замахиваться на что-либо более сильное, чем Ритуал малой боли, смысла не было. Эх, а ведь поначалу собирался взяться за Два визга, как в обиходе именовался Ритуал двойного заклятия... Но тот был куда требовательнее к уровню согласованности в общем камлании, так что старший шаман пусть и с сожалением, но отказался от этого намерения. Сил для штурма и так достаточно, так что если Малая боль и не сможет сильно ослабить людишек — ничего, все равно справятся. Главное — шаманы внесут свой, очень важный и нужный (а как иначе-то?) вклад в славную битву и тем обеспечат воинам великую победу...

То, что с ритуалом что-то идет не совсем так, Ахныуг почувствовал уже на третьем проходе вокруг тотемного круга, но поначалу не придал этому особого внимания. То есть нет, не совсем так — придал, но посчитал это результатом того разнобоя, который вносила в камлание парочка особенно недовольных им шаманов, коих пока не затянул привычный ритм ритуального камлания. Остальные-то вполне втянулись и уже полностью отдались ритуалу, а вот эти двое, похоже, были уж слишком обижены. Вот

и продолжали гадить... Так что старший шаман «Криволапых» лишь слегка нахмурился и решил немного взвинтить ритм, рассчитывая на то, что эта упрямая парочка вследствие этого также войдет в привычный любому шаману транс, после чего все и наладится. Но на четвертом проходе Ахныуг уже на втором тотеме почувствовал, как его левую ногу прострелило в районе пятки. Да так, что нога едва не подогнулась. Вследствие чего он чуть-чуть не грохнулся. Шаман похолодел. Потому что подобный болевой всплеск мог означать, что ритуал выходит из-под контроля. А вот это было очень плохо. Потому что это был уже четвертый проход, а Малая боль могла состоять от пяти до семи проходов вдоль круга тотемов. Ну, в зависимости от того, какой силы проклятье ты собираешься наслать на врага. Старший шаман «Криволапых» собирался ограничиться пятью. А чего напрягаться-то? И так все ясно... То есть большая часть ритуала уже была позади. Оставалось только закончить нынешний проход и сделать еще один. Но поскольку ритуал начал сбоить — боль неизбежно вернется. Причем чем ближе будет окончание ритуала — тем более сильной она будет. И тем чаще она будет приходить. А воспрепятствовать этому можно только одним способом — повернуть ритуал вспять, то есть плавно развернуться и двинуться вокруг круга тотемов в обратную сторону. И снова пройти вокруг него три раза, вернувшись к самому началу и развеяв ритуал. Так что же делать? Идти назад? Вот только однажды появившись, боль уже не исчезнет окончательно. Да, прекратит расти, да, станет менее острой, да нечастой, но... три прохода! Вернее, уже не три, а три с половиной. Потому что все то время, что Ахныуг напряженно размышлял над тем, что делать, он продолжал двигаться вперед... Ну и плюс ко всему — напрочь загубленный ритуал, который также отнюдь не прибавит ему авторитета среди шаманов. А ведь большинство из них и сейчас смотрит на него волком... Нет, надо продолжать ритуал и попытаться довести его до конца. Он — орк и способен... а-а-аыг! Шаман стиснул зубы и глухо прорычал. Боль пришла снова и на этот раз прострелила ногу до колена. Да что же это такое?! Почему ритуал пошел вкривь и вкось! Он же все делал правильно, уж Малую-то боль любой шаман знает назубок... или дело в том, что Ахныуг еще никогда не вел ритуал столь многочисленного Малого круга? Да нет, не может быть — столь многочисленного не вел, но, в общем, как ведущий Малого круга, он провел уже не один десяток ритуалов. И все было норм... а-а-а-аыхг! Как же больно! Старший шаман «Криволапых» пошатнулся и едва не упал. Сердце похолодело. Он заканчивал четвертый круг вокруг тотемов. Впереди оставался еще один. Но теперь с каждым шагом промежутки

между приступами боли будут все меньше и меньше, а ее сила и продолжительность — наоборот, все больше и больше. Не переоценил ли он свою способность терпеть боль? Сможет ли выдержать до конца? Потому что, если ритуал не закончить как надо, он вывернется наизнанку и ударит в противоположную сторону. Нет, ничего страшного или не поправимого не произойдет — Орда до конца ритуала должна оставаться на месте и лишь после его окончания начать штурм. Так что даже если ритуал и шарахнет по оркам, то ни к чему особенному это не приведет. В городе просто не может быть сильных магов, способных ударить сильно и далеко, а в атаку людишки идти точно побоятся. Даже если почувствуют что-то неладное. При таком-то соотношении сил... Так что единственное, что может грозит Орде, — это перенос начала штурма на пару часов попозже, ну пока орки очухаются. Но какой урон это нанесет авторитету шаманов! Да и откат будет жуть какой... а-а-а-оо-о-оы-ы-ыхг! Ахныуг застонал в голос и пошатнулся. На этот раз боль пронзила всю ногу и отдалась в живот. И это всего на третьем тотеме! Но ведь это последний круг! Нет, он должен, должен дойти...

— Эхмаг-га! — взревел хор луженых глоток шаманов. Мощно. Слитно. Даже два «оппозиционера» уже тоже провалились в шаманский транс и больше никак не диссонировали с остальными. Но Ахныугу уже было не до этого. Он стиснул зубы и, продолжая отчаянно колотить в бубен, пошатываясь, упрямо шел вперед. Шаг, еще шаг, ещ... что это? Старший шаман племени «Криволапых» вывернул голову и полными боли глазами уставился на стронувшуюся с места массу орков. Куда поперли эти идиоты? Как они... как он посмел бросить Орду в бой прежде, чем закончился ритуал Круга? Это было неслыханно!

— Ы-ы-ы-ыхг! — низким, слитным ревом разнесся над полем боя боевой клич Орды, двинувшейся на штурм. А земля задрожала под десятками тысяч ударивших в нее лап. Впереди неслись десятки орков, волокущие на себе штурмовые лестницы, сделанные из стволов деревьев с не до конца обрубленными крупными ветками и затесами в виде ступеней на стволах. Толпа орков мчалась вперед, ревя и размахивая топорами, готендагами, ятаганами. И, казалось, ничто не сможет остановить эту страшную волну.

— Заряжа-а-ай... — гулко разнеслось над стенами Сажегонта, а спустя несколько мгновений: — Залп!

— Банг-с! — гулко хлопнули тетивы арбалетов, выплеснув в небо облако тяжелых болтов, сначала взлетевших над накатывающимся на стены города свирепым прибоем, а затем рухнувших вниз, впиваясь в бошки,

шей, загривки... но и отскакивая от щитов, шлемов, панцирей, наплечников. На таком расстоянии до орочьей волны арбалеты добивали только навесом, поэтому болты были уже на излете... Кто-то рухнул, кто-то покатился кувырком, кто-то завизжал и сбавил ход, шатаясь и уцепившись лапой за торчащий из брюха или ноги хвостовик болта, но все эти потери для накатывающейся на стены Сажегонта свирепой волны были каплей в море. А эти стены между тем становились все ближе, ближе, ближе...

— А-а-а-о-о-о-у-у-уыхг! — взревел Ахныуг, содрогнувшись всем телом, но сумев-таки удержаться на ногах.

— Бамс! — грохнули о камень стен верхние концы лестниц-стволов.

— ЫЫ-Ы-Ы-ЫХГ! — взревели тысячи глоток.

— Эхмаг-га! — взревели шаманы.

— Ры-ы-ыхг! — взвизгнул Ахныуг, сделав следующий шаг, и... повалился на землю, так и не сумев закончить последний проход. Несколько мгновений ничего не происходило, а затем из центра круга тотемов, аккуратно из того места, в котором Верховный маг людей день назад закопал свой амулет, полыхнула яркая вспышка... сразу после которой над всем полем боя раздался дикий многоголосый вой. Почти законченный ритуал Малой боли развернулся в обратную сторону...

— Госпожа, госпожа!

Лиддит придержала коня и развернулась в сторону скачущего к ней воина.

— Госпожа, лорд сенешаль испрашивает дозволения становиться на ночлег.

Лиддит подняла взгляд к небу. Странно, до сумерек еще не менее двух часов. С чего это Дарголу пришло в голову так рано разворачивать бивуак? Неужто что-то произошло?

— Случилось что?

Гонец, совсем молодой парень, за плечами которого, однако, был весенний рейд за Южные ворота, поэтому его уже нельзя было называть так и просящимся на язык кому постороннему полупрезрительным словом «сопляк», недоуменно пожал плечами. Лиддит нахмурилась и, развернув Алэрос, легкой рысью поскакала к хвосту каравана. Вслед за ней тут же пристроился десяток эльфов, ненавязчиво прикрывая свою госпожу от зарослей слева. Десяток гномов, также входящих в ее личную охрану, проводил их ревнивыми взглядами, но остался на месте, то есть рядом с массивной каретой, оббитой листами гномьей «голубой стали», поверхность которой была испещрена множеством рун. А куда было деваться? Гномы и верховая езда — вещи трудно совместимые. Не невозможные, нет, но... Особенно если гномы в том виде, в котором сейчас пребывал этот десяток, то есть в полных гномьих латах и с ростовыми щитами. Причем «ростовыми» отнюдь не по гномьим, а вполне себе по людским меркам. Скажем, Лиддит за таким щитом укрывалась полностью...

Лорд сенешаль отыскался на обочине, причем в не очень-то лордском виде. Старый капитан наемников был облачен в одну нательную рубаху и, зажав между колен ногу здорового битюга, сноровисто прибывал к его копыту подкову.

— Что случилось, Даргол? — встревоженно спросила Лиддит, осаживая коня. Сенешаль замка Арвендейл разогнулся и, выудив изо рта зажатую губами пару гвоздей, улыбнулся своей госпоже.

— Ничего особенно серьезного, Ваше сиятельство. Сейчас поправим подкову и двинемся дальше.

— Но... мне сказали, что вы испрашиваете разрешения встать на

ночевку.

— Ах, вы об этом? — Даргол ловко перехватил гвоздь и легким ударом молотка наживил его. — Через полчаса мы должны подойти к довольно удобному месту — мысу, вокруг которого река делает поворот, — сенешаль несколькими ударами молотка загнал гвоздь на положенное ему место и отпустил копыто, после чего продолжил: — На этом мысу хватит места, чтобы разместился весь караван. Лучшего места для ночлега не будет на пару дней пути в любую сторону. Только... — Он задумчиво пригладил своей лапицей слегка взъерошившуюся шевелюру, — я бы предложил не ограничиваться одной ночью, а устроить бивуак на пару дней. Надо развернуть кузню и заняться перековкой лошадей. У многих подковы на соплях держаться. Да и повозки подремонтировать не мешало бы. За последнее время дорогу через Темный лес, конечно, натоптали, но сильно лучше она от этого не стала. Да и вообще... запасных тележных осей совсем не осталось. Не дай бог, снова какая лопнет — повозку придется бросать. Так что стоит поискать несколько деревьев поровнее и хорошенько подсушить срубленные слегу у костров. Они, конечно, все равно будут довольно сырыми и долго не протянут. Но до первого города с этой стороны леса должно хватить...

Лиддит нахмурилась. Опять задержка! А с другой стороны, Даргол дурного не посоветует. Так что, если он предлагает, значит, действительно наиболее разумным будет встать на долгую дневку.

— Хорошо, дневка так дневка!..

Зиму герцогство пережило вполне сносно. Несмотря на наплыв беженцев. А все благодаря скоту, который удалось захватить в рейде. Хотя перегнать в Арвендейл в целости и сохранности удалось всего лишь греть захваченного. Впрочем, это еще был очень хороший результат. Потому что десятая часть захваченного пала еще в предгорьях, на подходе к Южным воротам. А почти большую часть оставшегося пришлось срочно забивать прямо в Южных воротах — то есть ставить лагерь, обустраивать копильни, вырубая окрестные рощи, вызывать из Каменного города на помощь гномов и забивать всех ослабленных животных, которых к тому моменту было почти две трети от числа тех, что дошли к Южным воротам. А то бы потеряли всех. Потому что, после того как Фодр с охотниками запустили в прибрежных степях огненный пал, стада приходилось гнать достаточно скорым ходом и по кратчайшим маршрутам. Ибо полыхнуло неожиданно знатно. Если бы знали, что степь так загорится, сначала бы отогнали стада и отары подальше. А так — даже на расстоянии трех

дневных переходов от разгоревшегося степного пожара глаза и нос слегка резало от запаха гари, а в горле першило от мелкого пепла, висевшего в воздухе... Да и орков сбрасывать со счетов не стоило. Степной пожар, конечно, распространяется широким фронтом, но в нем всегда могут появиться те или иные разрывы — овраг там на пути огненной волны попадет, или солончак, или болотце... да просто полоса наметенного ветром за увал слежавшегося снега. Хотя его пока в степи скопилось еще очень немного. Ну да иначе ни о каком пале и речи не было бы... А орки — опытные степняки и с пожарами в степи сталкивались уже не раз. Так что при малейшей возможности точно попытаются прорваться за огненный фронт и увести свои стада в обратную от пожара сторону. Ну, или как минимум, бросив стада, проскочить самим... Причем вот такие обездоленные орки были намного опаснее тех, кто прорвется со стадами. Потому что если те, при стадах, будут в первую очередь обихаживать и обулаивать животных, то лишившееся всего кочевье, стоит ему заметить хотя бы небольшой след от стада, тут же пойдет вдогон. И драться будет свирепо и насмерть. А куда деваться? Скот в степи — это жизнь. Особенно зимой. Нет скота — нет пищи... нет кизяка — значит, нет тепла в юртах, нет шкур — значит, нет одежды... да ничего нет, кроме смерти! Вот поэтому стада и гнали, и гнали, стараясь как можно быстрее набрать между собой и вероятными преследователями максимально возможное расстояние. Но именно из-за этого животные быстро теряли силы, не успевая достаточно подкормиться. Да и где там кормиться-то было? По тому маршруту, по которому гнали стада, уже прошла не одна тысяча животных, захваченных при разгроме тех кочевий, которые попались в предгорьях, напрочь выевшая пожухлую осеннюю траву, оставив после себя только голую землю, взбитую десятками тысяч овечьих, лошадиных и бычьих копыт. Так что тем стадам, что шли последними, пищи уже не осталось...

Впрочем, безвозвратных потерь оказалось не так чтобы и много. Большую часть мяса забитых животных удалось закоптить, еще часть — засолить, а значительная часть тех, которые потеряли силы еще во время гона, пошла в котлы на привалах. И вообще во время гона все жрали от пуза. В первую очередь не от того, что так уж хотелось. Просто люди пытались обилием пищи справиться с усталостью и хотя бы частично возместить недостаток сна... Но что копченья, что солонина вышли не очень. Уж из больно отощавших тушек все это делалось. Ну да беженцам с голодухи было не до смакования вкусовых оттенков... Так что за зиму с удовольствием сожрали и это.

Ну а по весне в Арвендейл с гонцом доставили распоряжение нового императора о том, чтобы все провинции, которые не слишком пострадали от орков, собрали сколько возможно продовольствия и отправили в помощь армии и другим провинциям, принявшим наибольшее число беженцев. В принципе, Арвендейла это распоряжение по большому счету не очень-то и касалось. Если уж Арвендейл не считать пострадавшим от орков — то кого тогда считать-то? Да и беженцев в герцогство набежало — мама не горюй! Но народ, поразмыслив, решил не жмотиться, а взять да и помочь. Им же вон имперцы в свое время на помощь пришли, не так ли? Ведь только благодаря им удалось выгнать орочью заразу из пределов Теми. Много жизней за это положено было. Так что искать повод увильнуть, когда можешь помочь или там делать вид, что тебя это не касается, совсем не людски будет. А помочь арвендейльцы были вполне способны. Ибо благодаря зимнему рейду с продуктами в герцогстве, несмотря на набежавших беженцев, даже сейчас, по весне, дела обстояли неплохо. Эвон, осадные запасы городов не были израсходованы даже наполовину. А ведь благодаря тому что орки были изгнаны из Арвендейла, ими уже не пользовались несколько лет. Так что все одно по осени их надо будет менять на новые. Так чего бы не помочь? Да и к тому же в той самой армии, свои же и служат. И сам герцог при ней. Да, судя по письмам, отнюдь не на последних ролях, а как бы и не самым главным. Ну, после императора, конечно... Ну как можно о своих не порадеть-то?

А Лиддит почувствовала, что больше не может просто сидеть в герцогстве и ждать, когда Трой закончит со своими делами и вернется домой. Она же не видела его больше двух лет! Тем более что с основными хозяйственными проблемами герцогиня уже вполне разгреблась — большая часть беженцев первоначально обустроена, замок более-менее приведен в порядок, взаимодействие между людьми, гномами и эльфами тоже вполне налажено. Даже сформированы совет и суд! Ближайшие потенциальные опасности благодаря рейду за Южные ворота также можно считать вполне купированными. Как минимум на ближайшее время. Да и обороноспособность герцогства после зимнего рейда явно резко повысилась. Причем не только потому, что удалось значительно сократить число орков в ближних окрестностях герцогства, но еще и вследствие того, что существенная часть новонабранного ополчения за время рейда успела поднабраться реального боевого опыта и закалиться. А к весне все раненные во время рейда уже успели поправиться... Так что, когда к герцогскому замку, объявленному как место сбора каравана, начали прибывать первые обозы, она заявила Дарголу, что приняла решение лично

отправиться с караваном в империю...

До предложенного Дарголом в качестве места для лагеря мыса они добрались еще засветло. Место и вправду оказалось отличным. Довольно большой мыс, на котором к тому же была вполне себе обустроенная стоянка. Ну как обустроенная... десяток оборудованных кострищ, выложенных по окружности некрупными камнями, с двух сторон от которых на камнях побольше было уложено по паре бревен, да солидная жердь, закрепленная на столбиках над невысоким речным обрывом. Ну, так, чтобы задница того, кто уселся на жердь, свешивалась аккуратно над водой. Полево... то есть скорее речной туалет, так сказать. Зато не воняло... Вот и все оборудование. В качестве же защитных стен и экранов от ветра должны были выступать сами повозки. Сторожевые секреты также надо было оборудовать самим. А хворост и шишки для костров можно было набрать в небольшом сосновом бору, до которого от мыса было минут двадцать пешего хода. Там же можно было присмотреть и слуги на осии... Так что Лиддит, осмотревшись на местности, оказалась полностью удовлетворена предложенным Дарголом вариантом. Тем более он действительно оказался вполне своевременным. Потому что, когда до места бивуака оставалось еще около лиги, у одного из возов очередной раз сломалась передняя ось. А запасные все кончились. Так что его пришлось разгружать и волочь до места стоянки на руках. И это окончательно убедило Лиддит в правоте мудрого сенешаля, в свою бытность капитаном наемников исходившего немало дорог по всей империи.

Поскольку остановиться планировали минимум на пару дней, обустраиваться сразу стали основательно. Так что до темноты не справились. Вследствие чего к своему костру, разложенному около ее кареты, Лиддит вернулась уже после того, как стемнело.

Когда до костра оставалось десяток шагов до герцогини донеслись весьма аппетитные запахи, исходившие из медного котла, подвешенного над костром на большой треноге, отчего у нее в животе предательски заурчало. Ну так и немудрено — ела-то она последний раз часов шесть назад. Да и то полноценным приемом пищи тот перекус — в седле и всухомятку, назвать было нельзя... Впрочем, в таком же положении были и все остальные люди, гномы и эльфы, составляющие этот караван. Так что большинство собравшегося вокруг костра народа несомненно уже вовсю глотало слюну, с нетерпением ожидая пока аппетитное варево дойдет до кондиции. Большинство, но не все...

— Есть такую бурду, — прорезал ночную тишину сварливый голос.

Лиддит поморщилась и тяжело вздохнула. Прислали же Сумрачные сестры подарочек...

Свой несносный характер Фра Арфиер проявил буквально в первые же мгновения после того, как его вытащили из середины овечьей отары, куда он с сыном и дочерью забрался, чтобы попытаться хоть как-то даже не согреться, а, хотя бы, подольше сохранить тепло. Но едва только его выдернули из вонючей теплоты отары, как Фра Арфиер заорал:

— Как ты посмел дотронуться до меня, нечестивый сын песчаного гамуза!

Вытащивший его весьма дюжий ополченец, в мирной жизни являвшийся подмастерьем кузнеца, главным недостатком которого был его только всего лишь пятнадцатилетний возраст, испуганно разжал свою могучую ручищу и отшатнулся. Отчего этот сердитый комок вонючих шкур тут же шмякнулся обратно.

— Ай-я-а, — взвизгнул он. — Да чтоб тебя... да простят меня Большие, — тут этот ругливый тип сделал паузу и изобразил нечто вроде почтительного поклона в сторону орочьих юрт, после чего продолжил: — Ты не только глуп и необучен, но и неуклюж!

А Лиддит широко разинула глаза, потом недоуменно покосилась на Фодра, не то чтобы потому, что ожидала от него какого-то ответа, но... кому-то надо было выказать свое недоумение. Однако тот никак не отреагировал на ее взгляд. Поскольку и сам пялился на это чудо с крайне озадаченным видом. Да уж, совсем не такой реакции они ожидали от людей, освобожденных из плена орков. Герцогиня нахмурилась.

— Кто вы такие? И как оказались в этом стойбище? — властно спросила она.

Маленький, толстенький, кривоногий тип, одетый только в рваные и вонючие овечьи шкуры, запнулся, окинул стоящую перед ним Лиддит, облаченную в свою знаменитую «Броню зари», высокомерным взглядом и презрительно бросил как выплюнул:

— Замолчи, самка, и радуйся, что тебя не слышат Большие люди. А то они быстро научили бы тебя уму-разуму, — после чего сделал паузу и, окинув презрительным взглядом стоящих вокруг людей, все так же высокомерно заявил: — Вот ведь правду говорили, что по эту сторону Большой воды живут настоящие дикари. Так распустить собственных самок...

Похоже, он собирался сказать что-то еще, но узнать, что именно, им было не суждено. Потому что стоящий у левого плеча Лиддит Фодр яростно полыхнул лицом и, шагнув вперед, с размаху засветил толстячку

по левому уху. Да так, что того унесло.

— Папа! — из середины отары выметнулось парочка худых телец, одетых все в те же вонючие шкуры, и бросившаяся к опрокинувшемуся на спину и слегка ослотившему от удара толстячку.

— Фодр, — негромко бросила Лиддит, проводив их досадливым взглядом, — я, конечно, благодарна тебе за то, что ты так заботишься о моей чести, но, если ты еще не заметил, я тут пытаюсь выяснить, откуда взялись эти люди. А для этого как минимум требуется, чтобы тот, у кого можно получить ответ на этот вопрос, находился бы в сознании.

— Но, госпожа... — вскинулся было старейшина Зимней сторожи, но сразу же обмяк и махнул рукой, — а-а-а, ладно... простите.

Лиддит наклонилась и похлопала его по плечу.

— Я же сказала — я тебе благодарна... — после чего повернулась к толстячку в вонючих шкурах, который с трудом вздымал себя на ноги, трясая головой и опираясь на худенькие плечи облепившей его парочки ребятишек, испуганно косящихся в сторону Фодра.

— Итак — повторяю вопрос: кто вы такие и как оказались в этом стойбище?

Толстячок окинул ее недовольным взглядом, но решил более не испытывать судьбу, поэтому рискнул выразить свое неодобрение только слегка поджатыми губами, после чего нехотя ответил:

— Мое имя — Фра Арфиер, и я — старший помощник управляющего второй казармой «мотыг» в поместье уважаемого Хыхгуг Ахгыунга. Под моим началом состояло двести тридцать семь «мотыг», шестнадцать «бадей», а также двенадцать простых надсмотрщиков и четыре старших, — после чего горделиво задрал подбородок. Лиддит окинула его насмешливым взглядом и негромко спросила:

— И что же столь важное лицо делает в овечьем загоне?

Вот так и состоялось ее первое знакомство с этим не слишком приятным человеком...

— ...ну почему, почему ваши повара не способны готовить нормальную, человеческую пищу, а не это отвратительное мерзкое хлебово, — донесся до Лиддит его визгливый голос.

— Опять вы ругаетесь, Фра Арфиер, — устало произнесла герцогиня, подходя к костру и усаживаясь на аккуратно поставленное рядом с ним седло. Тот недобро зыркнул на Лиддит и недовольно пробурчал:

— А что я могу поделать, если у вас все не как у нормальных людей.

— Вот и оставались бы там, где живут ваши нормальные люди, — огрызнулся кто-то из-за спины герцогини, которая в этот момент

принимала из рук Стевриеля, старшины эльфийского десятка, входящего в ее личную охрану, котелок с ароматной, горячей кашей, щедро сдобренной эльфийскими специями...

Фра Арфиер был беглецом из земли Глыхныг. Ну, вернее, не совсем беглецом... Судя по его рассказам, последнее время перед отъездом он действительно трудился старшим помощником управляющего второй казармой «мотыг» в поместье одного из орочьих бонз. И жил себе вообще припеваючи. Или, как он это про себя говорил, «как и положено цивилизованному человеку». В его представлении это означало иметь личную жилую секцию из трех комнат в подведомственной ему казарме, личного слугу, доступ к служебному паланкину, переносимому шестью рабами, подарки от хозяина на День благодарения Шиг-Хаоры и достаточно денег на развлечения, а также на то, чтобы откупиться от очередного «мясного жребия». Нет, в его рассказах присутствовало еще и много всякого иного — тряпки, шлюхи, всякая муть типа «модных ножных браслетов» или «кольца для нижней губы», то есть то, что, по словам Фра Арфиера, непременно требовалось, чтобы «подчеркнуть свою индивидуальность», но Лиддит просто не могла себя заставить принять всю эту мутотень за нечто действительно ценное. Хотя сам Фра рассказывал обо всех этих вещах с придыханием, и восторженно закатывая глаза... Она и, скажем, паланкин на шесть рабов, если честно, совсем не считала достаточно значимым, но могла признать за ним хоть какую-то пользу. Во всяком случае, для столь жирного тельца. А уж это-то... И такая достойная и «цивилизованная» жизнь продолжалась до тех пор, пока, по словам Фра Арфиеры, «глубокоуважаемые Большие люди» не сошли с ума...

То есть сначала никто не понял, что это произошло. Потому что все развивалось постепенно. Сначала Большие люди резко увеличили «мясной налог», причем не остановились на этом, а еще и начали собирать его втрое чаще. Ну, кому бы это понравилось? Вот и Фра Арфиеру это также изрядно напрягло. Впрочем, он до сих пор продолжать считать, что Большие люди были в своем праве. Поэтому не видел ничего необычного в том, что народ встретил это решение только легким глухим ропотом. Потому что, если ты хочешь жить в самой богатой, благословенной и свободной стране мира, ты же должен чем-то за это платить, не так ли? И следовало лишь радоваться, что это всего лишь такая легкая и не особо обременительная вещь, как «мясной налог»... Затем спустя всего лишь несколько месяцев Большие люди взвинтили цены на откуп. Причем так, что Фра Арфиера для очередного откупа впервые вынужден был запустить руку в собственную

кубышку. А ведь до сего момента ему для этого всегда хватало текущих доходов... Но и на этом все не закончилось! Потому что еще через полгода они поступили совсем уж беспардонно! Просто взяв и отменив откуп от «мясного жребия»... То есть нет — не откуп вообще, а откуп именно от жребия. Непонятно? Вот и Лиддит разобралась не сразу. Оказывается, в земле Глыхныг существовало два вида откупа от возможности закончить свою жизнь в желудках орков или, как до сих пор уважительно называл их Фра Арфиера, Больших людей. Во-первых, можно было откупиться от самого участия в жеребьевке. Это стоило не слишком дорого, но зато эти деньги ты платил сразу же, еще до того как бросался жребий. И делать так нужно было каждый раз, когда наступал очередной срок «мясного налога». Ну и во-вторых, можно было ничего заранее не платить, а заплатить отступного только в том случае, если при жеребьевке жребий падет на тебя. Ну, или на члена твоей семьи, которого ты захочешь избавить от такой участи...

Расспрашивающие глыхныгца Лиддит и арвендейльцы несколько озадачились подобным постулатом и уточнили, что означает «захочешь избавить»? То есть, если у тебя есть деньги, разве ты не заплатишь за всех? И получили от Фра Арфиера целую лекцию, как всегда озвученную его обычным менторским тоном, о том, что он называл «правильными инвестициями», основные положения которой заключались в том, что в земле Глыхныг, мол, все устроено естественно и разумно. Потому-то она такая развитая и богатая. Потому-то все в нее стремятся попасть. Как не все? Да ладно вам... И вот одной из таких «правильных инвестиций» как раз и являлась традиция избавляться от старшего поколения, едва только его полезность начнет становиться заметно меньше затрат на его содержание. То есть — пока старики способны работать или там сидеть с детьми и обиходить дом, окупая свое питание и затраты на лекарей — они могли жить спокойно. Но когда расходы на них начинали становиться большими, чем получаемые от них выгоды, любой разумный глыхныгец сразу же делал «правильную инвестицию»... Жаль только, с сожалением констатировал Фра Арфиера, что пожилые особи Большие люди принимали в «мясной налог» с понижающим коэффициентом. Ну не нравилось им старое мясо... Но, в принципе, это не было такой уж особенной проблемой. Потому что подавляющее большинство глыхныгцев «его круга», как правило, отдавали в «мясной налог» обоих престарелых родителей одновременно. Что было, по его мнению, весьма разумно, потому что столь слабые и подверженные эмоциям создания, как люди (куда уж им до Больших!), имели привычку привязываться друг к другу. Так что если

отдавать Большим людям одного престарелого супруга, второй непременно будет страдать. А бессмысленные страдания — это зло! К тому же две пожилые особи надежно перекрывали старый размер «мясного налога» даже с учетом понижающего коэффициента. Поэтому разумные и уважаемые люди, к числу которых Фра Арфиера относил и себя, делали такие «инвестиции» практически поголовно... Как его в тот момент не убили — Лиддит и сама не понимала. Но как-то обошлось...

Впрочем, на этом рассказ о зловключениях представителя «самой богатой, благословенной и свободной страны мира» не закончился. Потому что запрет на откуп от жеребьевки привел к тому, что единственной возможностью избежать попадания Фра Арфиера или того члена его семьи, которого он хотел сохранить, в котел или на жертвенный алтарь, в случае если жребий выпадал на кого-то из них, теперь можно было только заплатив откуп по второй форме. А этот откуп был куда большего первого! Причем он представлял собой не фиксированную сумму, как в случае откупа от жеребьевки, которая хоть и была неподъемной для девяти из десяти людей, проживающих на земле Глыхныг, но самому Арфиере являлась вполне по карману, а ажно десятую часть стоимости от всего имеющегося имущества. Что было, но мнению возмущенного глыхныгца, верхом несправедливости... Нет, какое-то время он продержался. То есть несколько раз откупался, а когда не смог — отдал трех из пяти детей. Те были еще достаточно малы и не то что не способны были приносить доход, но даже ждать, пока они дорастут до такой возможности, было еще очень долго. Так что, по его мнению, это так же была вполне себе «правильная инвестиция». Но его совсем недавно вполне себе тугая кошелек, довольно скоро начала показывать дно. Поэтому он буквально обеими руками и ногами уцепился за шанс на некоторое время выскочить из круговорота «мясного жребия», записавшись в партию «колонистов», отправляемых в эту дикую глушь, дабы нести «глупым и темным дикарям ценности истинной свободы и правильного закона»... То есть, как поняла Лиддит, высадившиеся на их материке западные орки, спустя некоторое время решили выписать из-за моря некоторое количество своих рабов из числа людей, которые были предназначены для выполнения тяжелых работ и обихаживания своих хозяев. И совершенно не их вина, что к тому моменту, когда рабы наконец-то прибыли, необходимость в них полностью отпала. Потому как большая часть их хозяев погибла в битве у Южных врат. Местные же орки, на которых свалилось такое неожиданное «наследство», с прибывшими людьми поступили по-разному. То есть сначала всех прибывших поделили. А что еще с ними можно было сделать-то? Хозяев-то

нету... А вот потом часть племен доставшихся им людей просто тупо забила и сожрала. А часть поостереглась поступать таким образом с собственностью своих куда более сильных и многочисленных западных собратьев и решила сначала посмотреть, как обернется дело. Вследствие чего людей стали использовать как обычных слуг и рабов. Впрочем, даже в этом случае люди все равно вряд ли бы дожили до весны. Орки умеют быть терпеливыми. Но очень недолго...

Судя по гримасе, с которой Фра Арфиер рассказывал о том, чем ему пришлось заниматься, его новые обязанности и статус глыхныгцу не шибко нравились. Но, как бы там ни было, главный выигрыш, ради которого он все это и затеял, он таки получил. И сам Арфиер, и двое его отпрысков до сих пор были живы...

Ночь прошла спокойно. А утро снова началось с визгливого голоса Фра Арфиеры. Лиддит спала в своей карете, обшивку которой не пробивали даже зачарованные эльфийские стрелы. Но защитить от противного визга ее «гостя» эти обшитые гномьей голубой сталью стенки не смогли.

— ...теплой воды! У вас же есть дрова, костер вы тоже, как я вчера убедился, с трудом, но зажечь сможете. Так почему в ваши тупые головы не способна прийти мысль, что умываться приятнее именно теплой водой! Что в этом сложного?

Принцесса несколько минут полежала, надеясь на то, что этот визг если не прекратится, то хотя бы немного убавит в громкости, но затем вздохнула и начала одеваться. Бесполезно. Не заткнется...

Когда она сказала Дарголу, что собирается взять Фра Арфиеру с собой, тот дико удивился. За прошедшее время глыхныгец успел достать в замке всех, заканчивая последнего дровосека. Несмотря на то что дровосеки появлялись в замке очень нечасто... И как она собирается выдержать этого несносного типа долгие недели дороги? Он так и заявил своей госпоже. Лиддит скривилась, но, вздохнув, ответила:

— И все-таки я обязана доставить его к императору. В земле Глыхныг происходит что-то очень странное. Все это увеличение «мясного налога», отмена откупов и все, о чем он нам рассказывал, — это неспроста. Западные орки — умны. Недаром им удалось построить такое сильное государство и заставить работать на себя столько людей. Но, судя по рассказам Арфиеры, они отчего-то принялись массово вырезать людей. Почему? Не потому же, что им захотелось от пуза нажраться человечины? — Она бросила взгляд на сенешаля. Даргол сидел молча, задумчиво покусывая ус.

— Вот и я не знаю, — продолжила Лиддит. — Более того, я даже не знаю, какие вопросы ему задавать, чтобы хотя бы приблизиться к ответу. Но есть надежда, что император может это знать. Либо кто-то, кто находится рядом с ним. Например, Элиот Пантиопет. Или Игреон Асвартен. Но для этого они должны иметь возможность задать ему эти вопросы. Так что его придется тащить за собой.

Даргола аж перекошило, после чего он тяжело вздохнул. Очень тяжело...

— К тому же, — негромко закончила дочь прежнего императора, — если мы заберем его с собой — у детей появится хоть небольшой шанс вырасти нормальными людьми. А то он их совсем подмял под себя этими своими нравоучительными бреднями о том, как должно вести себя и что позволено «цивилизованному человеку», а что — нет.

Похоже, именно этот аргумент оказался той самой последней соломинкой, которая и переломила жуткое нежелание сенешаля долгие недели иметь рядом с собой столь несносное существо. И вот теперь они уже третью неделю несли свой скорбный крест...

— Вставай, соня, а то все на свете проспичь!

Трой открыл глаза и резко сел, окинув Гмалина досадливым взглядом.

— Эх ты — такой сон испортил!

— И чего это тебе такое снилось? — ехидно поинтересовался гном. — Прелести подавальщицы из того трактира в Сажегонте, где ты отлеживался?

Трой криво усмехнулся и, вздохнув, мечтательно произнес:

— Лиддит!

— Лидди-и-ит... — эхом протянул гном, потом хмыкнул и покачал головой. — Ну, тогда извини, — но затем его продувная рожа снова скривилась в ехидной усмешке и, наклонившись к Трою, он заговорщицки произнес: — И даже не буду спрашивать, в каком виде она тебе приснилась.

Трой с хрустом потянулся, после чего широко зевнул и, окинув Гмалина веселым взглядом, сообщил:

— Да в обычном — на Алэрос и в «Броне зари». Потому что в этом сне она ехала ко мне.

— Сдаюсь, — гном вскинул ладони, будто защищаясь, — хороший у тебя был сон, хороший. И вообще — я уже извинился. Так что давай-ка, твое сиятельство, поднимай свой зад и дуй к императору. Он велел тебе нестись к нему, как только ты проснешься.

— То есть меня даже не покормят? — делано обиделся Трой.

— Вот там и поешь, — отрезал Гмалин и, развернувшись, демонстративно двинулся в сторону копны свежескошенной травы, накрытой его собственным плащом. Мол, давай, начальник, иди паши, а пролетариат отдохнет малеха, пока вы там свои важные дела решать будете...

В старый лагерь под Эл-Северином они с Верховным магом вернулись только через две с половиной недели после битвы у Сажегонта. А точнее — бойни.

Ловушка с амулетом, устроенная Верховным магом империи людей сработала ошеломляюще эффективно. То есть настолько, насколько они даже ожидать не могли.

Момент, когда ритуал Малого круга шаманов начал давать сбой, Элиот Пантиопет почувствовал почти сразу. Но отреагировал на него несколько

неожиданно. А конкретно — скривился и тяжело вздохнул, после чего сокрушенно произнес:

— Да уж, не повезло... — и замолчал. Трой несколько мгновений молча стоял рядом, ожидая конкретизации. Но, так и не дождавшись, осторожно уточнил:

— Ничего не получилось?

— Да нет, все как раз получилось, — досадливо морщась, отозвался Верховный маг, — но вот толку от этого не будет, почитай никакого, — и, ткнув рукой в сторону холма, на вершине которого они закопали амулет, пояснил: — Шаманы затеяли Ритуал малой боли. А он один из самых слабых. Так что и откат от разрушения ритуала по Орде ударит не слишком сильно. К тому же нам это вообще никакого преимущества не принесет.

— Почему?

— Потому что Орда до момента окончания ритуала с места не двинется. Это у них так всегда — сначала ритуал и только потом — атака. Шаманы держат вождей жестко — не забалуешь... Так что, когда ударит откатом, орки все еще будут находиться вне пределов нашей досягаемости. А пока мы выведем стрелков, пока доскачем до того места, с которого сможем точно их достать, пока начнем стрелять, они уже и очухаются. Я же говорю — ритуал слабенький, так что и откат от его разрушения будет также не очень сильный и совсем недолгий... — И он сокрушенно покачал головой.

Трой несколько мгновений напряженно размышлял над словами Верховного мага, но затем все равно упрямо набычил голову и заговорил:

— Может быть, но я все равно готов рискнуть. Поэтому вы оставайтесь здесь, а я сейчас дам команду, чтобы все... — но Элиот Пантиопет протянул руку и остановил его.

— Я же говорю — бесполезно, герцог. Даже если бы стрелки и латники уже были бы на конях — все равно не успеем. Вспомните, какая ширина у ворот. За более-менее адекватное время вы успеете вывести в поле две, максимум три сотни алемарцев. Пока они доскачат до Орды, пока успеют развернуться в боевой порядок, у вас останется время в лучшем случае на три, ну, при удаче, на четыре залпа. А потом орки очухаются настолько, что уже атакуют вас. И, учитывая, что к тому моменту вполне могут очухаться и шаманы и успеть набросить на вас и на ваших лошадей что-то вроде «больных коленей» или «разбитых пяток», это вполне может позволить оркам до вас добраться. Да и не факт, что только это. Попадать же под их удар в поле... — и он покачал головой, — а нам сейчас каждый человек на вес золота! Уж больно орков много... Да даже если вы и уйдете

— результат все равно не стоит усилий. Ну, посудите сами — даже если каждый болт не только попадет в цель, но еще и попадание окажется смертельным, что, как вы понимаете, никак не получится, да еще и все стрелки непременно будут стрелять по разным целям, чего в жизни, как вы понимаете, опять же не бывает, то потери Орды составят всего лишь около одной тысячи бойцов. А это — слезы. Так что лучше всего не дерга...

— Ы-ы-ы-ыгх! — дикий рев, донесшийся со стороны Орды, заставил Верховного мага осечься и резко развернуться в сторону Орды, которая как раз в этот момент стронулась с места и пока еще неторопливо двинулась в сторону городских стен.

— Что?! — Элиот Пантиопет изумленно вытаращился на разворачивающееся зрелище. — Как это? Они двинулись на штурм, не дожидаясь окончания камлания Малого круга? Это же... этого просто не может быть! Да что за идиот у них в походных вождях?

— Чем им грозит откат? — быстро перебил его Трой.

— А?.. — похоже, Верховный маг оказался серьезно выбит происходящим из колеи. Ну, судя по тому что далеко не сразу отреагировал на вопрос, заданный ему тем, кто формально являлся главнокомандующим. — Ну-у-у... трудно сказать. В зависимости от того, на каком этапе распадется ритуал и сколько энергии шаманы успеют в него влить до этого момента. Если Малый круг достаточно велик, а разрушение произойдет, когда ритуал перевалит половину, то откат будет довольно чувствительным. Если же срыв ритуала случится раньше... ну, или ведущий камлание шаман почувствует сбой и, развернув ритуал в обратную сторону, успеет сбросить большую часть накопленной энергии, то... — он сделал паузу, и напряженно потер рукой лоб, — ну как минимум какое-то время им будет больно двигаться. Тот есть в худшем случае откат должен на некоторое время заметно снизить их подвижность. И координацию движений тоже. Вплоть до того, что некоторые особи не смогут воспользоваться лестницами. Или упадут с них, если окажутся застигнуты откатом в момент подъема. А если все случится раньше, чем орки доберутся до стен, то они могут и вообще уронить их, не успев их донести...

Трой несколько мгновений стоял, напряженно что-то прикидывая, а затем благодарно кивнул и, резко развернувшись, несколько мгновений вглядывался в накатывающийся на городские стены вал орков. После чего начал кидать короткие приказы:

— Так, комендант — всех на стены. В том числе ополченцев. И пусть сразу же тащат дополнительные связки болтов и стрел... быстро, быстро!

Ополченцам вперед не лезть. Их главная задача — помогать стрелкам взводить арбалеты. Чтобы те поменьше уставали... Орки вот-вот войдут в радиус поражения, и нам надо максимально проредить Орду, пока они будут под действием отката...

— Понял, Ваше сиятельство, — на бегу вскричал комендант, с неожиданной для своего возраста прытью буквально скатываясь вниз по лестнице. — Сейчас все сделаем.

— Полковник, — Трой развернулся к командиру алемарских конных арбалетчиков, которые сейчас занимали позиции не там, где им было более привычно — в седле, то есть в конном строю, а на городских стенах, за зубцами, — план меняется. Мы не будем подпускать их поближе. Начинайте стрелять сразу же, как только орки войдут в зону поражения.

Полковник побагровел и попытался возразить.

— Но, Ваше сиятельство, это — глуп... кхм, то есть неразумно! Орки — чрезвычайно живучие твари, а на таком расстоянии болты будут уже на излете и потому окажутся не способны нанести им достаточ...

— Это ничего, что на излете, — прервал его Трой. — За то время, что они будут валяться под откатом, даже относительно легко раненные потеряют много крови и сильно ослабнут. Поэтому даже легкое ранение окажется гарантией того, что после окончания отката они нам будут уже не опасны. Но зато, начав стрелять раньше, мы сумеем зацепить гораздо больше тварей.

Полковник несколько мгновений помолчал, переваривая то, что сказал ему герцог, а затем молча склонил голову, признавая его правоту и, развернувшись в сторону своих людей, зычно прокричал:

— Заряжа-а-ай!

Над стенами разнеслись разноголосые скрипы натягиваемых арбалетных тетив. Мгновение, другое, третье... и вот пространство между зубцами оцетинилось десятками хищных острий, направленных в сторону накатывающейся лавины орков. Алемарцы были опытными солдатами и, даже будучи верхом и в движении, обращались со своими смертоносными игрушками с немалой сноровкой. А уж крепко стоя на широкой стене-то...

— Залп! — гулкий хлопок сотен спущенных тетив ударил по барабанным перепонкам. Полковник сопровождал напряженным взглядом рой унесшихся к небу арбалетных болтов, потом удовлетворенно кивнул и, горделиво погладив усы, покосился на Алого герцога. Мол, знай наших. После чего прокричал:

— Вразнобой! И шибче, ребяташки.

— Они же все равно... — сдавленно пробормотал Глава городского

совета, от ужаса даже забывший про платок, который он продолжал держать в своей руке. — Мы их не остановим...

Но в этот момент первые орки добрались-таки до подножия стены.

Бамс! — похоронным звоном грохнули о камни концы древесных стволов с грубыми затесами, используемых орками в качестве штурмовых лестниц, и сразу после этого снизу послышалось воодушевленное:

— ЫЫ-Ы-Ы-ЫХГ!

Глава городского совета судорожно всхлипнул и затравленно оглянулся... Но тут со стороны того холма, на верхушке которого Элиот Пантиопет закопал свой амулет, ослепительно полыхнуло. И сразу же снизу, от подножия стен, и дальше, со стороны поля, заполненного десятками тысяч орков, донесся дикий многоголосый вой... Трой перегнулся через парапет и впился взглядом в картину тысяч орков, которые, визжа и подвывая, катались по земле, держась лапами за головы, плечи, пузо, после чего выпрямился и развернулся к Верховному магу.

— Они так долго будут кататься?

Элиот Пантиопет с сомнением покачал головой.

— Не думаю, — после чего хмыкнул. — Да уж, неожиданно... Похоже, все произошло, когда ритуал был уже почти завершен, — он поднял руку и задумчиво потер подбородок. — Странно, почему ведущий ритуал шаман, почувствовав сбой, не развернул его назад и не начал сбрасывать энергию. Ну не может быть, чтобы он не понимал, чем это грозит...

— Не думаю — это сколько? — требовательно перебил его Трой.

— Ну, судя по тому, что я вижу, так вопить и кататься они будут еще минут десять. Может, чуть больше. Потом боль слегка утихнет и на смену ей придет сильная слабость. А кое-как двигаться они станут способны только где-то через полчаса. Но я не понимаю, зачем вам... куда вы, друг мой?

Но герцог Арвендейл уже его не слушал. Он буквально слетел вниз, на ходу проорав:

— Коня мне! Латники — в седло! — и лишь когда уже взлетел в седло, вскинул голову и проорал свесившемуся внутрь через парапет Верховному магу: — Попробую прикончить шаманов. Если не успею вернуться — командуйте тут сами...

В шатре императора было многолюдно. Впрочем, как и всегда. Трой молча кивнул двум стоящим у входа латникам в полной броне и, поднырнув под свисающий полог, вошел внутрь. Император Марелборо изволил...

ругаться. С герцогом Тамираеном. Впрочем, эта картина была уже вполне привычной, поскольку герцог Тамираен занимался тем же самым всю последнюю неделю. То есть нет, с императором он ругался первый раз. Вроде как... Во всяком случае, до сего момента Трой ничего подобного не видел. И никто ему о таком не рассказывала. А ведь нашлись бы, доброжелатели, точно... Но вот со всеми остальным он успел полаяться. То есть совсем со всеми — от самого Троя и до графов Шоггир и Замельгон. Причем не исключая и магов... Да и ругань с императором со стороны выглядела чем угодно, только не руганью. Во всяком случае, в исполнении герцога Тамираена. Скорее это были этикие придворные танцы с изящными поклонами и заявлениями типа:

— Как будет угодно Вашему Величеству, но я бы хотел еще раз напомнить... или: И все-таки, я считаю своим долгом обратить внимание Вашего Величества на... — И все такое прочее. Вот только Трой терся во всей этой тусовке уже давно, чтобы явственно понимать, что герцог и император в настоящий момент совершенно точно сейчас вовсю собачатся. Пусть со стороны это и выглядит так... м-м-м... куртуазно.

Трой еще раз обвел взглядом шатер и, не обнаружив никаких признаков накрытого стола, уныло бросил в пространство:

— А мне обещали, что меня тут накормят.

Гомон голосов, наполнявший шатер, на мгновение умолк, вследствие того что все присутствующие дружно развернулись и уставились на герцога Арвендейла, а затем из дальнего угла раздался басовитый смешок графа Замельгон. Несколько мгновений граф хохотал в одиночестве, а затем к нему присоединился сочный баритон императора и... спустя пару мгновений грохотал уже весь шатер.

— Да уж, господа, — утирая слезы, произнес Марелборо, когда все наконец-то сумели успокоиться. — Что-то мы увлеклись... А перекусить и вправду не помешает. Эй, кто там...

Бойня у Сажегонта закончилась полным разгромом пришедшей к городу Орды. Орки понесли чудовищные потери. Хотя сам Трой в основной части сражения не участвовал... В том четырех с половиной тысячном отряде, который они с Элиотом Пантиопетом привели к городу, латников была всего лишь одна сотня. Так вот, вот именно с этой сотней герцог Арвендейл и вылетел из городских ворот на полном скаку, сразу же разворачиваясь в сторону холма, на котором в данный момент валялись шарахнутые откатом шаманы... Шаманы были как главной ударной силой любой Орды, так и ее же основной защитой. И Трой понимал, что если их

удастся уничтожить, то город совершенно точно выстоит. Причем даже без особенных потерь в гарнизоне. С таким-то магом, как Элиот Пантиопет на городской стене, и против лишенных-то поддержки шаманов орков... Никаких сомнений! Но для этого сначала нужно было покончить с шаманами. Что, как правило, весьма и весьма непросто. Не говоря о том, что шаманов, как правило, защищают лучшие воины, сами шаманы тоже те еще твари. В прямой схватке магу может и уступят, но по сравнению с рядовыми воинами... Но это обычно, а вот сейчас дела обстояли совершенно по-иному... Хотя план был очень рискованный. Да, по шаманам откат должен был ударить сильнее всего, но... шаманы — это ведь шаманы, а не рядовые орки. И уж к чему-к чему, а к откатам они вполне себе привычны. Так что герцог Арвендейл даже не сомневался, что они точно уже начали что-то делать, чтобы побыстрее оклематься. И если к тому моменту, когда сотня латников во главе с затеявшим всю эту авантюру герцогом Арвендейлом, доберется до холма, шаманы успеют оклематься достаточно для того, чтобы оказать отпор...

Они не успели. Когда Трой на взмыленном коне, во главе развернувшейся в рваную лаву сотни латников вылетел на холм, большинство шаманов все еще валялось в полной отключке. А те, кто уже мог хоть как-то шевелиться, ни на что, кроме как на шевеление, еще способны не были. Герцог чуть притормозил, окидывая валяющиеся тела орлиным взором, а затем поудобнее перехватил копьё и, дав коню шенкеля, одним движением наколол на копьё здорового орка в шаманьем головном уборе, валяющегося чуть в стороне от остальных, в самом центре тотемного круга. Тот дернулся и тонко заверещал, суча ногами. А в следующее мгновение в гулкий топот копыт идущих галопом лошадей за спиной Троя вплелись звуки влажных шлепков и хруст разламывающихся костей...

Так что на холме все закончилось довольно быстро. Но вот потом... Короче, следующие три с лишним часа ему с латниками пришлось провести в седле, уходя от преследования нескольких тысяч рассвирепевших орков, бросившихся за ними в погоню. И хотя орки были пешими, а Трой с бойцами на лошадях, выжить им удалось только потому, что герцог Арвендейл точно знал, по какому маршруту будет подходить остальная часть отряда армии людей, который шел на помощь Сажегонту. И потому Алый герцог сумел не только добраться до нее прежде, чем измученные бешеной скачкой лошади начали падать, но еще и навести преследующих его орков на заранее предупрежденные несколькими посланными вперед вестовыми (ну, чтобы уж точно успели предупредить)

и потому успевшие развернуться из походного в боевой порядок войска. Так что из тех нескольких тысяч орков, которые, горя гневом, устремились за убийцами своих шаманов, выжили считанные единицы. Остальные же закончили свои жизни на копьях успевшей выстроить «стену» имперской панцирной пехоты. Или под мечами и топорами ополченцев, которым выпало окончательно добивать раненых тварей. Сам же Трой за время прорыва и погони успел получить несколько ударов булавой по шлему и оплечьям, а кроме того, напоследок еще и метательным топором в грудную пластину. Причем с такой силой, что его вышибло из седла. А куда было деваться — не все латники оказались достаточно искусны в обращении с конями... ну или их лошади оказались менее выносливыми, чем у большинства остальных. Вследствие чего часть бойцов пришлось подсаживать на коней их товарищей вторыми всадниками, а чтобы у перегруженных лошадей был шанс хоть немного оторваться, не сдохнув, — останавливаться и принимать бой, притормаживая наиболее ретивых преследователей. Так что, едва добравшись до боевых порядков, Трой буквально вывалился из седла и в дальнейшем сражении участия уже не принимал. Более того, после того его наконец-то доволокли до Сажегонта — он еще неделю отлеживался в одном из городских трактиров, мучаясь от головных болей и тошноты. Доспехи удары орков не пробили, но все равно приложило его знатно...

— Ну что, герцог, вы удовлетворены? — с легкой усмешкой поинтересовался у него Марелборо, когда Трой, отдуваясь и сытно отрыгивая, отвалился от стола, быстро накрытого в палатке императорскими вестовыми.

— Да, спасибо, Ваше Величество, — подчеркнуто вежливо склонил голову тот, а затем воздел очи горе и, эдак в пространство, поинтересовался: — Узнать бы еще, с какого этого меня растолкали ни свет ни заря...

— Ну, вы и спать, герцог, — добродушно пророкотал граф Замельгон. — Прямо как мой Пажест, когда набегается по оврагам... ну, или за течной сучкой.

На этот раз все отсмеялись куда скорее, чем в первый.

— Смех — это, конечно, хорошо, но я хотел увидеть вас, мой друг, несколько по другому поводу... — мягко произнес Марелборо, когда все замолчали...

Бойня под Сажегонтом, как теперь стали именовать то сражение, окончилась с ошеломляющими результатами. От пятидесятитысячной

Орды, подошедшей к городу, после окончания сражения осталось, дай боги, несколько сотен орков, разбежавшихся по окрестным лесам. А под стенами города потом насчитали более двадцати пяти тысяч орочьих трупов. Чудовищная цифра! И еще более десяти тысяч раненых орков попало в плен. Ну да работы для них после того, что эти твари натворили в самом центре империи людей, было достаточно. Ведь для восстановления порушенного требовалось просто немеряно камня. Так что каменоломни совершенно точно теперь надолго окажутся загружены по максимуму. А орочьи лапы вполне способны держать кайло... Пока же новообетенную рабочую силу задействовали на уборке гор трупов, которые скопились под стенами города. А кому еще-то возиться с этими вонючими тушами?

Впрочем, как чуть позже выяснилось, на самом деле в подошедшей к городу Орде пятидесяти тысяч уже не насчитывалось. Потому что дезертирство из нее началось еще до момента выхода отряда из столицы людей. Ну а на марше развернулось в полную силу...

Информация пленных полностью подтвердила предположения людей. Подспудные свары и разборки между родами и племенными союзами этой столь неожиданно для всех появившейся Орды начались почти сразу же после того, как Зов Ыхлыга притянул орков в Эл-Северин. Ну а с того момента, как Марелборо с помощью Троя убил призвавшего орков в столицу людей Темного бога, количество этих свар резко возросло. И к тому времени, как эта часть Орды вышла за ворота Эл-Северина, они уже достигли такого градуса, при котором некоторые орки были на грани того, чтобы вцепиться в глотки своим собратьям... Так что удивляться тому, что за пару дней до подхода к Сажегонту твари начали разбегаться уже не поодиночке и малыми группами, а целыми родами, совершенно не стоило. Скорее можно было удивиться тому, что до Сажегонга дошла большая часть двинувшегося на город отряда...

Но это ничуть не умаляло одержанную людьми победу. Ибо, как бы там ни было, главное было сделано — вышедшая из Эл-Северина Орда численностью в пятьдесят тысяч орков совершенно точно уже не вернется обратно и не усилит его гарнизон. При этом потери людей составили едва десятую часть от того, что потеряли орки. Впрочем, в первую очередь благодаря Элиоту Пантиопету и остальным магам, которые сумели вытянуть с того света большую часть тяжело раненных... И Верховный маг утверждал, что ни на его памяти, ни вообще в известной ему истории еще не было столь безоговорочной победы, достигнутой при столь незначительных потерях. Обычно люди платили за победу куда большую цену. Как, например, это и случилось под Павилиолом...

— ...мне надо знать, Трой, сколько человек вы с Алвуром сможете провести в Верхний город, — закончил Марелборо. А затем после короткой паузы добавил: — Сам понимаешь, после тех потерь, которые мы понесли под Павилиолом, все прежние наши планы ушли псу под хвост. И теперь единственным шансом сделать то, что мы собирались, теперь стало ударить по верхушке оставшейся в городе части Орды так, чтобы не только выбить максимум шаманов и вождей, но и вообще лишить орков всякого руководства, — император сделал паузу, окинул Алого герцога испытующим взглядом, а затем тихо уточнил: — Или ты готов отказаться от попытки спасти людей?

Трой помрачнел и боднул императора тяжелым взглядом.

— Нет, это обязательно надо сделать!

Марелборо молча кивнул, продолжая все так же испытующе смотреть на своего побратима...

Да уж, под Павилиолом люди знатно умылись кровью... То есть ни о каком разгроме там речи не шло. Скорее... скорее это можно было характеризовать как «все пошло по обычному сценарию». Обычному для битвы людей с орками... Впрочем, Игреон Асвартен вместе с графом Шоггир, возглавлявший ту часть армии людей, что ушла к Павилиолу, тоже попытался провернуть трюк с нарушенным ритуалом. Но, в отличие от Троя с Элиотом Пантиопетом, им не повезло. Потому что Малый круг шаманов той Орды, что подошла к Павилиолу, выбрал для камлания совсем не то место, в котором был закопан амулет. То ли подобных удобных мест было слишком много, то ли... то ли ничего столь же удобного, как у Сажегонта, просто не было. Так что разрушить ритуал не удалось. И потому все пошло как обычно — тяжело, кроваво, с бойней на стенах, с прорывом ко второй линии, с уличной резней, во время которой размен в лучшем случае был один на один, а чаще всего и один на двое... То есть маги сумели отразить ритуал шаманов, но не сумели особенно помочь воинам. Шаманы ударили вновь. Орки прорвались на стену. Маги выпустили огненную волну, очистив стену и отбросив орков. Шаманы ударили снова... Орки захватили первую линию стены, схватка сместилась на улицы, перегороженные наспех возведенными баррикадами. Ну и так далее...

Поэтому от того отряда, который ушел к Павилиолу, остались, так сказать, рожки да ножки... То есть по большому счету свою задачу он все равно выполнил. Потому что, несмотря на тяжелейшие потери, ни один из орков, ушедших к Павилиолу, обратно в Эл-Северин так и не вернулся. Но... но соотношение сил между орками, засевшими за стенами столицы

людей, и армией людей из-за этих потерь практически не поменялось. Ибо от отряда, ушедшего на помощь, практически ничего не осталось. А то, что осталось, сейчас заполняло госпитали, больницы, трактиры, а также дома и сеновалы жителей Павилиола, чьи жены и дочери сейчас самоотверженно ухаживали за своими израненными защитниками. Так что на одного человека армии людей, который должен был пойти на штурм могучих стен Эл-Северина по-прежнему, приходилось по два-три орка, стоящих на этих стенах. А это значило, что главная задача, ради которой и была предпринята попытка выманить часть орков за стены Эл-Северина, выполнена не была...

Трой задумался.

— Ну-у-у... думаю, что человек шесть провести сможем.

— Шесть — мало, — мотнул головой Марелборо.

— То есть? — удивился герцог Арвендейл. — Разговор же шел о тебе одном или я что-то не понял? Ну еще пару воинов прихватим плюс я, Алвур и Беневьер. Он нужен, потому что лучше всех знает всякие скрытые проходы и тайные укрытия. Зачем больше-то? Нам же не столько сражаться там надо будет, сколько суметь тебя увести. Даже если тебя будет шатать после отката.

— В Эл-Северин пойдут три мага, а не один, — серьезно ответил Марелборо. — Я, Элиот Пантиопет и Игреон Асвартен. Для того что нам надо сделать — меня одного мало. Да и то не факт, что трое справятся. Но в этом случае шанс будет. Точно. Если мы выложимся по полной. А мы выложимся. Но после этого нас свалит такой откат, что где-то с полчаса нам даже шевелиться будет сложно. И все это время остальным придется защищать наши тушки от толпы орков, которая будет изо всех сил пытаться до них добраться. Понимаешь?

Трой несколько мгновений напряженно смотрел на императора, после чего медленно кивнул. А потом тихо спросил:

— Я не спрашиваю, что будет с нами — это и так ясно, я хочу тебя спросить — а ты подумал, что, если мы не справимся и они смогут добраться до ваших тушек, будет с империей?..

Трой проснулся за мгновение до того, как Алвур дотронулся до его плеча.

— Что? — тихо прошептал он, открыв глаза. — Пора?

Побратим молча кивнул. Трой осторожно подтянул ноги и сел, а затем... смачно зевнул и покосился на виднеющееся сквозь выбитое окно небо. Хм, судя по всему, поспать ему удалось всего часа четыре. Чего, с учетом того что три предыдущие ночи были практически бессонные, да и днем перехватить удавалось только частично, явно было маловато. Особенно в свете того, что три предыдущие ночи он не только не спал, но еще и, так сказать, активно двигался. Так что усталость никуда не ушла. Только немного притихла. Ну да, а куда деваться? Усталость — главный спутник любой войны. И дело не только в том напряжении, которое испытывают люди в бою. Боевые схватки на самом деле — лишь наиболее яркая, но наименее продолжительная часть войны. Однако и все остальные занятия на войне требуют большого напряжения сил. Если посчитать, сколько времени солдат либо куда-то идет, причем, как правило, по не самым хорошим дорогам и навьюченный донельзя, либо что-то копает, рубит и строит, то окажется, что эти занятия занимают половину всей войны. А все остальное — от тех самих боевых схваток до отдыха, чистки и починки снаряжения, а также выздоровления после ран и увечий умещается во вторую половину.

— Вот, поешь, — прошептал Алвур, протягивая ему пару полосок вяленого мяса, — время пока есть, — и он кивнул в сторону выбитого окна, сбоку от которого был едва различим тонкий силуэт. Трой согласно кивнул в ответ и ухватил мясо, одновременно разворачиваясь и беря другой рукой лежащую в изголовье флягу со славуром. Усталость не усталость, а очень скоро ему потребуются все его навыки и умения. И не столько для того, чтобы выжить, а для того, чтобы хотя бы не погибнуть зря...

— Они собираются, — негромко произнес Игреон Асвартен, осторожно отодвигаясь от разбитого окна, через которое он наблюдал за происходящим перед дворцом. — Там уже около сотни шаманов толпится. Не считая охраны. А я не думаю, что внутрь войдут больше полутора сотен. Храм, конечно, просторный, но им нужно еще установить круг тотемов и нарисовать печать. Да и жертв нужно где-то разложить.

— Думаешь, будет один большой ритуал? — с сомнением произнес

Элиот Пантиопет.

— Большой, несомненно, один, — кивнул Игреон Асвартен. — Но ты прав, они вряд ли ограничатся только им. Скорее всего, шаманы планируют устроить камлания еще и на нескольких больших площадях. Скажем, на Восточной и Южной рыночных, Оружейной и, скорее всего, Площади ткачей. А может, и еще на каких-нибудь. Им же надо чем-то компенсировать отсутствие контроля над башенными артефактами. Но я сильно сомневаюсь, что малые камлания начнутся одновременно с большим. Это место силы — очень мощное, недаром именно в этом храме обычно проводились коронации императоров... и поэтому совершенно точно наводки от творящегося здесь камлания накроют весь город. А это чревато искажением, а то и срывом других ритуалов. Чего им сейчас совсем не нужно... Поэтому я уверен, что ритуалы на площадях начнутся только после окончания большого. К тому же подавляющее большинство шаманов, то есть даже те, кто не будет задействован в большом ритуале, все равно, скорее всего, соберутся здесь. Им будет и интересно, и познавательно, и престижно — то есть будет чем, так сказать, хвастаться перед будущими учениками и молодыми вождями.

— Молодыми вождями? — переспросил Трой, отрываясь от еды. Учитель улыбнулся.

— Шаманы живут долго, гораздо дольше, чем остальные орки. Так что за время жизни одного шамана в роду или племени может смениться двое-трое, а то и четверо вождей.

Трой задумчиво кивнул, да уж, вот, значит, почему тот шаман, как там его звали... а... Хылаг, имел такую власть в столице орков. Он просто жил гораздо дольше любого из Верховных вождей... глядишь, еще и как-то влиял на то, кого избирают в эти самые Верховные вожди...

— То есть вы считаете, уважаемый, что у нас есть шанс прихлопнуть всех шаманов? — вступил в разговор Гмалин, поглаживая огромный топор, который, по традициям гномов, выковал и зачаровал себе сам. Топор носил имя «Защитник Каменного города» и являлся военным атрибутом его Главы.

— Всех — вряд ли, — отрицательно качнул головой Игреон Асвартен. — Сил не хватит. Но большую часть, причем самую сильную — вполне. Как и верхушку вождей. Не думаю, что они упустят шанс поприсутствовать в месте проведения Великого камлания. Это же для них что-то вроде Большого императорского бала на День Сумеречных сестер. А разве кто-то из нашей знати способен его проигнорировать? Только здесь еще круче. Потому что Великое камлание обычно случается не чаще раза в

поколение. А то и еще реже.

— Ха, — ухмыльнулся гном. — Ну, так я-то точно не пропущу подобной вечеринки. И когда начнем?

Игреон Асвартен пожал плечами и повернулся к сидевшему у дальней стены Марелборо. Тот почувствовал, что на него смотрят, и мягко кивнул, вроде как соглашаясь со сказанным, но при этом ничего не произнес. После чего снова прикрыл глаза. Игреон Асвартен повернулся к Элиоту Пантиоиету. Два самых могучих мага империи людей переглянулись и практически одновременно пожали плечами. Мол, ну что тут можно сказать... После чего, не сговариваясь, развернулись в сторону Троя. Тот слегка нахмурился. Ну вот, опять! Верховный маг и Учитель отчего-то вбили себе в голову, что... как это сказал Игреон Асвартен, он способен интуитивно принимать правильные решения, даже при сильном недостатке информации. Мол, и бойня при Сажегонте это показала. Типа, именно из-за его решений потери были такими низкими, хотя всем же понятно, что низкими они стали только из-за того, что Элиот Пантиопет и остальные маги сумели вытянуть с того света большую часть даже тяжело раненных. А таковых было много. Удары орочьих ятаганов легких ран практически не наносят... А вот не будет он сейчас ничего говорить. Герцог Арвендейл сейчас — рядовой боец первой линии и в этом качестве чувствует себя вполне комфортно. Так что пусть другие командуют. У нас для этого звон целый император есть. Да и сами тоже имеют боевой опыт — куда там ему...

В храм Сумеречных сестер, расположенный в самом центре Высокого города и, по существу, являющийся частью комплекса Императорского дворца, они пробирались трое суток. То есть в Эл-Северин они проникли еще четыре дня назад. В окраинные кварталы Нижнего города отряд в составе десятка Троя, к которому присоединились оба мага, семеро лучших рубак из числа людей, в числе которых оказались и граф Замельгон, и юный виконт Аскавирал, каковому для этого пришлось выдержать тяжелейший экзамен в виде аж трех схваток с императорскими гвардейцами, графом Шоггир, а затем и самим Троем, шестерых гномов, отобранных Гмалиным из числа дружины Каменного, и девяти эльфов, которым оказал честь присоединиться к нему в этой битве Владелец Эллосила Алвур, пробрался довольно просто. Внешняя стена Эл-Северина, ограждающая Нижний город, по-прежнему охранялась весьма слабо, а маршрут был уже, так сказать, «пробит»... А вот потом начались трудности. Первая же разведка показала, Нижний город больше не пуст.

Похоже, до орков дошли какие-то слухи о произошедшем у Сажегонта и Павилиола, подвигнувшие их на принятие меры для повышения обороноспособности первой линии стен Эл-Северина, опоясывающей Нижний город. Вследствие чего часть Орды оказалась переселена из Большого города в Нижний... А может быть, дело было не в подготовке к сражению, а в том, что конфликты между родами и племенами внутри Орды достигли такого уровня, что некоторые роды просто удрали из Большого города, опасаясь резни со стороны давних недругов, над которыми теперь не довлела железная длань Темного бога Ыхлыга... Короче, как бы там ни обстояли дела на самом деле, количество орков, на которых можно было наткнуться в Нижнем городе, по сравнению с тем, что Трой, Алвур и Беневьер видели во время их первого проникновения в Эл-Северин, резко возросла. А с учетом того, что и численность отряда так же увеличилась, причем не в разы, а более чем на порядок, вероятность остаться незамеченными и выполнить свою задачу вследствие этого, наоборот, резко снизилась. Так что первоначальный план прохода через Нижний город — двинуться компактной группой, просто выслав вперед и по флангам патрули из двух-трех человек или эльфов, стал совершенно нереальным. Но справились. Всю команду разбили на группы по пять-шесть чело... то есть разумных, после чего Трой, Алвур и Беневьер, возглавив по одной такой группе, сумели провести их к обнаруженному ими еще в первое проникновение дому с подземным ходом. Остальные в это время ждали вернувшихся проводников в полусгоревшем доме у наружной стены Нижнего города... Да, это резко увеличило нагрузку на проводников, которым пришлось проделать весь маршрут от внешних стен до дома в квартале ткачей не по одному разу, но практика показала, что подобная предосторожность оказалась отнюдь не лишней. Алвур во время, когда он вел уже вторую группу, в одном из узких переулков квартала кожевников, едва не зажал орочий патруль. И остаться незамеченными им удалось только лишь благодаря удаче и общей орочьей безалаберности. Окажись кто из тварей хотя бы немного повнимательней... А группе Беневьера вообще пришлось полчаса прятаться на полуразвалившейся крыше сарая, пока десяток орков шумно обыскивал оный сарай на предмет чего-нибудь съестного. И все это время бывший мастер по тайным поручениям герцога Эгмонтера страстно молил богов о том, чтобы подгнившие следи крыши ветхого строения выдержали вес трех человек, одного эльфа и трех гномов. А то они так опасно поскрипывали. Ну еще бы — никто же не рассчитывал на то, что им придется держать вес не только черепицы, а еще и восьми воинов в полном доспехе и с тремя гномьими

башенными щитами в придачу... Но это были еще цветочки. Поскольку со второй частью маршрута — из Большого города в Высокий, — дело обстояло куда более серьезно. Во-первых, потому, что сам Большой город по площади был куда меньше Нижнего, а орков там толкалось, наоборот, куда больше. А во-вторых, расположение дома, в подвал которого выходил подземный ход, оказалось для их целей не слишком удачным. Потому что совсем рядом с ним, буквально в тридцати шагах от его стен, располагался один из «мясных загонов», вокруг которого постоянно толпились весьма оголодавшие орки...

— Они входят в храм, — негромко сообщил Алвур, занявший место у окна после того, как от него отошел Игреон Асвартен.

— Жертв тоже заводят? — тут же спросил Элиот Пантиопет.

— Пока нет, — качнул головой эльф. — Жертв пока вообще не видно.

— Тогда — еще рано, — качнул головой Верховный маг...

Однако, несмотря на все опасения, пробраться через Большой город получилось даже в чем-то легче, чем через Нижний. Ни с какими особенными проблемами вроде тех, что приключились с Алвуром и Беневьером в Нижнем городе, ни одна из групп не столкнулась... Впрочем, возможно, дело было в том, что на этот раз численный состав групп, которые повели проводники, был уменьшен в два раза, ну и в том, что архитектура домов в Большом городе оказалась заметно более пышной, чем в Нижнем. Вследствие чего даже в случае приближения орочьих патрулей, которые действительно встречались тут раза в три чаще, чем в Нижнем городе, трое-четверо разумных всегда могли быстро отыскать какое-нибудь укромное местечко, в котором можно было достаточно надежно укрыться... Да, вследствие такого решения переход группы в Высокий город занял не одну, а целых две ночи, однако то, что его удалось осуществить без особенных проблем, доказывало, что это решение оказалось верным. То же, что Трой, Алвур и Беневьер, не спавшие уже третью ночь подряд, к началу четвертого дня стали похожи на свежеподнятых зомби... что ж, как говорится, на войне как на войне. Никто из тех, кто согласился на участие в этом безумном предприятии, и не рассчитывал, что это будет легко. И уж тем более не тешили себя подобными иллюзиями эти трое, уже однажды побывавшие в захваченном орками Эл-Северине...

— Ведут! — выдохнул Алвур. И все собравшиеся на мгновение

замерли, а затем зашевелились и начали подниматься. Похоже, время, которого они ждали, настало...

В Высоком же городе все-таки прошло легче, чем опасались. Как выяснилось, орков здесь практически не было. Ну, на постоянной основе. Так-то здесь их шлялось довольно много. Особенно днем. Те же шаманы постоянно шастали. Место силы же... А вот к ночи — большинство их покидало Высокий город. Почему — кто его знает? Может, дело было в том, что орки не любят особенно высокие места, а Высокий город был спланирован так, что, несмотря на высоту его стен, из него открывался впечатляющий вид на окрестности. Особенно с его площадей... А может, причиной являлось то, что в этом месте до сих пор не рассеялись эманации остатков срубленного и сожженного мэллорна, которые оказывали на детей Темного бога свое негативное и угнетающее влияние. Нет, бодрствующий орк, по идее, столь слабых эманаций никак особенно ощущать был не должен, но вот стоило ему как-то расслабиться или задремать... Шаманы, по идее, были способны этому сопротивляться. Но они обычно предпочитали квартировать со своими родами и племенами, присматривая за вождями и рядовыми орками. Для рядовых же орков это было проблемой... Да и по большому счету, делать оркам здесь в настоящий момент было особенно нечего — все дворцы и богатые дома были уже давно разграблены, часть сожжена, а те, что остались более-менее целыми, оказались изрядно загаженными. Гмалин, очередной раз вляпавшись, слава Сумрачным сестрам, в уже изрядно подсохший котях, даже высказал мысль, что орки специально здесь все изгадили. В пику людям. Но Элиот Пантиопет не поддержал это мнение, заявив, что гном переоценивает умственные и эмоциональные способности большинства орков. На столь... извращенные поступки способны только вожди и шаманы. Которые как раз вряд ли будут этим заниматься. Остальные же орки куда более прямолинейны... Так что, скорее всего, дело было в том, что Высокий город был наиболее привлекателен в отношении добычи, и потому сюда набежало очень много орков, каковые по своей привычке в процессе грабежей гадили там же где и грабили. Так сказать, не отходя от кассы. Ну, чтобы надолго не отвлекаться от столь увлекательного занятия... Орки же всегда так — гадят там, где собираются, в доме ли, на улице ли, на площади ли, потому как они все такие сильные и свободные, и никто им не указ, кроме собственного брюха. И, по их мнению, именно это и составляет их главное «достоинство»... А когда добыча закончилась — большинство разбежалось обратно по своим стойбищам, большая часть из которых, как

все уже знали, оказалась обустроена в Большом городе...

— Твари, — глухо прорычал виконт Аскавирал, рассматривающий будущих жертв, которых орки гнали в сторону храма, через разбитое витражное окно.

— Осторожнее, граф, — негромко произнес Марелборо, поднимаясь на ноги, — шаманы способны чувствовать ненависть. А нам сейчас меньше всего надо, чтобы они насторожились и послали воинов обыскать храм.

— Простите, сир, — виконт сглотнул и сделал шаг назад. — Просто... мы же — дворяне, на нас лежит обязанность защищать этих людей, а они...

— Я понимаю ваши чувства, — император согласно наклонил голову, — но, вспомните, именно для этого мы и пришли сюда. Защищать. Спасать. Освободить. Но для того, чтобы мы сделали это с наибольшей эффективностью, требуется, чтобы наш план воплотился в жизнь без особенных сбоев.

— Я понимаю, Ваше Величество, — кивнул виконт и, отойдя в сторону, опустился на колени и прикрыл глаза, положив перед собой родовой меч. Трой хмыкнул. Вряд ли этот порывистый юноша сможет действительно войти в медитацию... но вот более-менее успокоиться — вполне. А этого будет достаточно. Да и все остальные также отошли от окон и других проемов, через которые можно было смотреть наружу. Ну, кроме Алвур и еще одного эльфа, за которыми остались функции наблюдателей. Ибо смотреть на то, как орки обращаются с женщинами и детьми, составлявшими большую часть будущих жертв, людям было довольно тяжело. Даже если они и не реагировали на это так остро, как юный виконт. Хм, юный...

Трой усмехнулся. Если посчитать — он старше виконта всего на два или три года. Или считать следует не по годам, а по чему-то другому — набегу орков на Южные провинции, когда оказалась вырезанной его деревня, войне с Каменными лбами, походу сквозь Проклятый лес, войне за освобождение Арвендейла, безумному рейду в землю Глыхныг...

Впрочем, кое-кто квартировал и в Верхнем городе. Эльфы, переправившиеся в первой группе, во вторую ночь пробежались по окрестностям и обнаружили несколько «стойбищ» обустроенных на нижних этажах и в бальных залах некоторых дворцов. Но таковых было мало, и они в настоящий момент были уже покинуты. То ли обитавшие тут орки оказались теми, кто удрал... ну, или был перемещен по воле вождей в Нижний город, то ли они оказались в составе Орд, ушедших к Сажегонт и

Павилиолу, где и благополучно сгинули... Как бы там ни было — эти недавние изменения в дислокации орков оказались их отряду только на руку. Потому что благодаря им добраться до полностью разоренного и загаженного столичного храма Сумрачных сестер им удалось без особых проблем. Добраться и укрыться в комнатах, примыкавших к хорам верхнего нефа. Судя по тому что здесь не было даже орочьих экскрементов, сюда орки заглядывали очень редко и последний раз это произошло довольно давно. Так что преследовавшая их вонь успела выветриться. Так что можно было надеяться, что до начала Великого камлания, которое, как рассчитывали люди, орки должны точно устроить в преддверии битвы с подошедшей армией людей, их отряд в этих комнатах никто не обнаружит. А до того момента, когда армия людей должна была показаться оркам в Эл-Северине, оставалась всего одна ночь...

— Пора, — негромко произнес Марелборо, одним движением поднимаясь на ноги. — Выходим, но к парапетам пока не приближаемся. Не хватало еще, чтобы все сорвалось в последний момент, — и все зашевелились, вставая и осторожно перехватывая оружие, чтобы, не дай Сумеречные сестры, как-то звякнуть или загреметь. План был разработан и десятки раз обсужден еще в лагере, поэтому никаких дополнительных указаний не требовалось. Каждый знал и свою исходную позицию, и как ему действовать дальше. Марелборо, Элиот Пантиопет и Игреон Асваретен должны были занять позиции в трех точках верхнего балкона хор, выстроив так называемый «силовой треугольник», центр которого накрывал бы орочий тотемный круг, являющийся центром шаманского ритуала. Они трое являлись главной ударной силой их отряда, но для нанесения запланированного удара им нужно было некоторое время. Лучники и Глав также располагались на балконе. Их основной задачей являлось бить стрелами любого, кто попытался бы атаковать магов, отвлекая их от плетения заклятия. Воины же ближнего боя должны были занять позиции на лестницах и в проходах, ведущих на хоры, с задачей удерживать ринувшихся вверх орков, после того как до них дойдет, чем им все это грозит.

Спустя где-то десять минут, когда все уже расползлись по кольцевому балкону хоров, заняв заранее распределенные позиции, снизу, из огромной базилики храма, слышались испуганные голоса женщин, детский плач и перекрывающий все раздраженный рев орков. Похоже, подготовка ритуала вступила в свою завершающую фазу. Трой осторожно вдоль стены проскользнул к Марелборо и, наклонившись к его уху, негромко спросил:

— Мы же не будем ждать, пока они начнут резать жертвы?

Император поднял на него спокойный взгляд и так же негромко произнес:

— Будем.

Взгляд Троя полыхнул.

— Нет! Мы обязаны...

— Чш-м-ш-ш... — остановил и слегка приглушил его порыв Марелборо, — тихо — услышат, — а затем негромко продолжил: — Мы обязаны исполнить то, что собирались, с наибольшей эффективностью. И если для этого надо будет допустить, чтобы несколько из тех, кого сейчас завели в центральный неф храма, расстались со своей жизнью под ножами шаманов, — я сделаю это.

— Но там же женщины и дети... — с тоской прошептал герцог Арвендейл.

— Да — это больно, — глухо произнес в ответ император. — Но я сделаю это. Потому что, позволив умереть десятку, я спасу тысячи. В том числе из числа тех, кто сейчас ожидает снаружи храма своей очереди лечь под ножи шаманов...

Трой несколько мгновений напряженно смотрел на своего господина, а затем опустил взгляд и глухо произнес:

— Я понял, Ваше Величество... — после чего развернулся, чтобы отползти на свое место. Но Марелборо протянул руку и удержал его за плечо.

— Спасибо тебе, побратим, — негромко произнес он.

— За что? — удивился тот, кого называли Алым герцогом.

— За то что, как это и подобает дворянину, пытаешься спасти всех, кого можешь, — потом грустно улыбнулся и добавил: — И за то, что понял, что всех без исключения спасти никогда не получится.

Трой несколько мгновений настороженно всматривался в глаза императора, похоже, подсознательно ища в них отголоски насмешки, а затем расслабился и тихо произнес в ответ:

— Спасибо, Ваше Величество.

— За что? — улыбнулся Марелборо.

— За урок...

Ритуал начался слитным воплем не менее чем двух сотен глоток. Похоже, Игреон Асвартен немного ошибся с потенциальной вместимостью храма. А ведь кроме непосредственных участников и ритуальных жертв внутрь храма еще и непременно набилось некоторое количество высокопоставленных гостей типа вождей наиболее сильных родов и

племен и части шаманов, не принимающих участие в самом ритуале.

— Эхмаг-га! — гулко разнеслось под куполом, и почти сразу вслед за этим воплем до осторожно выползших на хоры людей донеслись приглушенные всхлипы, сразу после которых внизу тонко закричали женщины. Трой вздрогнул, а пристроившийся рядом Глав придушенно прошипел:

— С детей начали, ур-роды... на глазах у матерей.

И Трой почувствовал, как его взор застилает алая пелена бешенства, но с огромным трудом сумел-таки удержать себя на месте. Марелборо сказал: «С наибольшей эффективностью», — и если он не начинает, значит, еще не время, не время...

— Эхмаг-га! — снова взревели внизу, и сразу после этого вопля снизу послышался гулкий звук ударов в туго натянутую кожу шаманского бубна. Тонг, тонг, тонг... А в следующее мгновение над перилами хоров взметнулась высокая фигура императора, увенчанная короной — могущественным артефактом лучше чего бы то ни было вплетенным в те потоки силы, которые текли в этом месте. Ибо именно здесь она когда-то и была создана... Марелборо несколько мгновений стоял молча, глядя вниз сузившимися глазами, а затем повернулся к возникшему рядом с ним Трою и тихо произнес:

— Мне нужно, чтобы ведущий камлание шаман был убит одним ударом. Сразу. Стрелами так не получится. Сможешь?

Этого не было в обсужденном плане, но, похоже, император сумел разглядеть в начавшемся ритуале нечто, что заставило его изменить этот план... Трой хищно оскалился и... в следующее мгновение одним движением перебросил свое тело через перила хоров. До пола нефа от этой точки было около семи человеческих ростов, поэтому у всех, кто наблюдал за этим безумным поступком, перехватило дыхание. Потому что от смерти при падении с такой высоты не спасет никакой доспех. Даже если доспехи не сомнутся, от удара о внутреннюю поверхность доспеха тело человека просто взболтает как яйцо в яичнице, перемешав мясо. Кости, внутренние органы... Но Алый герцог всем показал, что знает, что делает! Резкое движение — и нога в кожаном сапоге плотно легла на шершавый мрамор колонны, легкий рывок — и вторая заняла свое место чуть сзади первой, после чего мощная фигура в алых доспехах из чешуи Матери Раш, сильно откинувшись назад, воткнула кинжал в свисавший вдоль колонны потрепанный и изрядно порванный гобелен, повернув его боковой стороной, чтобы лучше тормозить, а затем с негромким треском разрываемой тяжелой ткани и легким шелестом скребущих по колонне

подошв заскользила вниз прямо по стене. Пару мгновений внизу никто ничего не замечал, потому что негромкие звуки, издаваемые мчащейся вниз по колонне фигурой, практически полностью заглушались самозабвенно тянущими ритуальную аккламацию шаманами. Но затем один из орков, судя по его надменному виду и тому, что он не принимал никакого участия в камлании, скорее всего, являвшийся каким-то важным вождем, похоже, уловив-таки странные звуки, доносящиеся откуда-то сверху, задрал голову и... ошарашенно замер, разинув пасть. А в следующее мгновение делать что-то стало уже поздно. Потому что Трой одним движением Тайной ветви развалил надвое коренастую фигуру шамана, ведущего ритуал. На мгновение все замерли. Люди — зачарованные увиденным, а орки — ошеломленные этим же... а в следующую секунду сверху грянул громкий голос императора. И в изгаженном центральном нефе столичного храма Сумеречных сестер, пол которого был залит свежей кровью только что принесенных жертв, воцарился ад...

— Нет, я точно убью этого идиота!!!

Трой приоткрыл глаза и сонно моргнул, недоуменно оглядываясь. Что его разбудило? Вроде кто-то кричал... А потом его взгляд опустился вниз, на макушку головы, удобно устроившейся у него на груди, и на его лице сама собой полыхнула счастливая улыбка. Лиддит. Любимая! Здесь!!!

Караван из Арвендейла добрался до Эл-Северина, через два дня после того, когда столица империи людей была освобождена от орков. Ну, то есть не совсем полностью пока... Небольшие группы и отдельные орки все еще скрывались кое-где в городе, ночами пытаясь выбраться наружу. Их искали, ловили, но не особенно прилежно. Потому что теми, кому «повезло» выбраться за стены, занимались уже эльфы Алвур и императорские егеря, рассыпавшиеся по окрестным лесам. За прошедшее время они успели изучить их довольно хорошо. Да и вообще, эльф в лесу — это эльф в лесу! Егеря же в знакомых лесах, случалось, прищучивали даже эльфов. Так что никаких шансов добраться до своих кочевий у «везунчиков» не было. Ну и чего тогда напрягаться? Вот потому воины и не напрягались... Трой же все это время отсыпался и приходил в себя. Четверо почти бессонных суток и увенчавшая их тяжелейшая схватка в храме вымотали его донельзя. Так что прибытие каравана он банально проспал. Поэтому, когда где-то уже ближе к полудню герцог Арвендейл босой, в нижней рубаше и подштанниках, зевая и почесываясь, выбрался-таки из своей палатки (город был слишком загажен для того, чтобы армия могла сразу же передислоцироваться внутрь его стен) и двинулся в сторону колодца, чтобы умыться, он был буквально ввергнут в ступор насмешливым голосом, прозвучавшим за его спиной.

— Вот, значит, как, Трой-побратим... К нему тут жена приехала — а он дрыхнет!

Услышав этот голос, Алый герцог и буквально живая легенда всей армии людей (ну а что — слышали бы вы, что говорили, ну, хотя бы про его последнюю битву), замер и несколько мгновений так и стоял, буквально не веря своим ушам и страшно боясь повернуться и не обнаружить того, что обещал ему этот голос, но затем взял-таки себя в руки и, преодолев свой страх, медленно развернулся.

— Ли... Лиддит? Ты?!

— Ну вот, ожил, — удовлетворенно произнесла его супруга и, сделав

шаг вперед, прижалась лицом к его груди, зарывшись носом в курчавые волосы, нагло вылезшие наружу сквозь разрез на нательной рубаше, а затем с еле слышным звуком втянула его запах через свои тонкие, изящные ноздри.

— Трой... Живой... Рядом... — после чего подняла голову и, обдав его жарким взглядом, чуть хрипло произнесла: — Ну, обними же меня, наконец, чурбан ты бесчувственный!

— Лиддит! — раненым медведем взревел Трой и, стиснув любимую в руках, оторвал ее от земли и с диким хохотом закружил вокруг колодца.

— Да тише ты, медведь, — счастливо засмеялась Лиддит, — ребра переломаешь!

— Лиддит! — взревел Трой еще раз... а затем внезапно остановился и, осторожно опустив супругу на землю, недоуменно спросил: — Если ты здесь, то кто же в герцогстве?

— Ну вот на тебе, это вся реакция на приехавшую жену, — усмехнулась Лиддит, аккуратно распрямляя полы задравшегося. — Ой, каким ты стал хозяйственным, а точнее даже — меркантильным, Трой-побратим...

Трой слегка покраснел и опустил взгляд, но затем довольно быстро справился со смущением и, вновь подняв голову, боднул жену сердитым взглядом. Мол, что несешь... Лиддит рассмеялась и, протянув руку, взъерошила ему волосы.

— Не волнуйся — все нормально в герцогстве. Люди обустроены, пища, скот, инструменты есть. А что касается орков за Южными воротами, так мы их еще в начале зимы изрядно проредили.

— Вы ходили за Южные ворота? — удивился Трой. — Как? С кем? У вас же в городах, почитай, одни калеки и молодняк остался...

— Вот так, муженек, — усмехнулась Лиддит, — и сходили, и кочевья на две недели пути от Южных ворот вырезали, и скота захватили много. Именно благодаря ему и зиму удалось пережить без особого напряжения. Несмотря на то что после твоего отъезда на роду в герцогстве изрядно прибавилось. Как бы не в три раза население увеличилось...

— Э-э-э... — это было единственным, что сумел ответить Трой на подобную тираду. Но только ей Лиддит не ограничилась. Она окинула стоящего перед ней мужа оценивающим взглядом, усмехнулась и, топнув ножкой, картинно уперла руки в боки и деланно рассерженно закричала:

— И вообще, к нему жена приехала, а он тут о хозяйстве речи ведет. Да еще в таком виде! И не стыдно тебе, Трой-побратим, жену своими подштанниками смущать и перед людьми позорить? — после чего она

сделала шаг вперед и, толкнув мужа в грудь крепким кулачком, прикрикнула: — А ну пошел в шатер! Быстро!

Наблюдавшие за всем этим представлением Гмалин, Алвур, идш, Арил и остальные из десятки Троя весело захохотали. Сам же Трой, смущенно бормоча что-то типа:

— Ну ты это, Лиддит... Ну ты зачем... Ну люди ж смотрят... — потрусил в сторону своего шатра, преследуемый явно получающей удовольствие от устроенного ей спектакля Лиддит.

— Так, парни, — отсмеявшись, произнес Гмалин, — Троя мы с вами, похоже, потеряли до завтрашнего утра. Потому что я никому не советую становиться между встретившимися после такой долгой разлуки супругами.

— Ага, — согласно кивнул все еще похотывающий Глав. — Особенно если одна из этих супругов — Лиддит. И так-то становиться поперек бабе, если она чего в голову вбила, опасно для жизни, а уж если она такая, как Лиддит...

Владелец Каменного города оказался почти прав. Почти — потому что утром дело не ограничилось. Из палатки Трой и Лиддит выбрались только через сутки. Страшно голодными, несмотря на то что герцог Арвендейл пару раз заказывал «пожрать» в палатку, причем не выходя наружу, а просто проорав приказание прямо изнутри зычным голосом. Впрочем, в палатке орал не только он. Дочь бывшего императора тоже немало покричала. Но как-то, м-м-м... невразумительно. Хотя о-о-очень эротично... Впрочем, надолго они «в обществе» не задержались. Обильно перекусив, оба супруга снова исчезли в палатке...

Трой осторожно сдвинул голову Лиддит со своей груди, стараясь, чтобы жена не проснулась. Этой ночью они снова заснули очень поздно, хотя в палатку удалились, когда еще не начало темнеть. Ну никак не получалось насытиться друг другом... Так что пусть поспит. На нее и так навалилось очень много. Лиддит оказалась практически единственной, кто достаточно хорошо знал Эл-Северин. Ну не совсем, конечно... По Нижнему городу знания Беневьера, пожалуй, были даже побольше, чем у нее. Да и среди остальной армии также нашлось те, кто либо жил, либо часто бывал в этой части столицы. А вот по Большому и особенно по Высокому городам у дочери бывшего императора конкурентов не было. Несмотря на то что многие высокопоставленные офицеры армии также часто бывали в столице, а кое-кто даже имел или долгое время снимал здесь дома или квартиры. Например, тот же Шоггир. Но Лиддит все равно знала столицу

куда лучшего любого из них. Потому что последние годы перед смертью прежнего императора она являлась его самой близкой помощницей. В том числе и в делах м-м-м-м... скажем так, деликатных. Для выполнения которых ей частенько приходилось, например, переодеваться служанкой и бегать по Эл-Северину без охраны. Ну, как в тот раз, когда они и познакомились с Троем... Поэтому Лиддит очень быстро стала практически правой рукой Марелборо во всем, что касалось восстановления этой части Эл-Северина. А чуть позже проявились и ее хозяйственные таланты, вследствие чего она вообще оказалась главной по снабжению и обеспечению всех работ в столице. Работы же развернулись нешуточные. Эл-Северин требовалось как можно быстрее вычистить от последствий пребывания в нем двухсот тысяч орков и хотя бы в первом приближении приспособить к жизни людей. Так что едва только утихли последние схватки, воины победившей армии практически поголовно переквалифицировались в дворников, носильщиков, каменотесов, плотников и так далее, а офицеры — в управляющих и распорядителей работ. И, кстати, не избежали этого и побратимы Троя. Идш пропадал в казначействе. А Алвур с эльфами почти неделю что-то колдовал в парке Верхнего города, практически не появляясь в лагере, а когда появился, то был печален. Как выяснилось, они пытались возродить срубленный орками мэллорн, на который, кстати, и была завязана вся магия, позволявшая столько веков сохранять в неизменности дворцовый парк. Ибо если высадить новый — так всю вязь заклинаний пришлось бы плести заново. А это были столь сложные и искусные чары, что эльф даже не мог себе представить, кому из ныне живущих можно поручить попробовать сотворить подобное с более-менее внятными шансами на успех. Да и совершенно не факт, что Светлый лес будет готов, как это произошло несколько сотен лет назад, при основании Эл-Северина, снова пожертвовать людям семя мэллорна. Даже если его об этом попросит сам Марелборо. Взаимоотношения со Светлым лесом (как и с Подгорным троном) до сих пор представляли собой величину весьма мутную... Возродить мэллорн так и не удалось. Отчего Алвур и выглядел так печально. Но, вроде как удалось сделать нечто, что позволит попытаться проделать подобное кому-то более искусному, чем сам Алвур или друиды, которые избрали для поселения его Эллосил. Впрочем, пойдет ли Светлый лес, в котором единственном и имелись такие искусники, навстречу людям хотя бы в этом случае, никто твердо утверждать не мог. Вроде как эльфы свято блюдут закон, гласящий, что любой мэллорн священен и что любой эльф должен сделать все, чтобы защитить его от гибели, либо использовать

малейший шанс на то, чтобы возродить священное дерево всех эльфов, на чьей бы земле он ни рос и кому бы формально ни принадлежал. Ибо, согласно представлениям эльфов, мэллорны просто не могут никому принадлежать. Даже те, что росли в Светлом лесу, не считались собственностью эльфов, потому что мэллорны — часть самой Альвийин, Матери сущего и одновременно ее Храмы. Эльфам же Великая оказала честь быть служителями при них. Так что, по идее, если люди обратятся к Светлому лесу с подобной просьбой — никаких формальных поводов для отказа у властителей леса быть не могло. Но когда даже в самые священные законы вмешивается политика... На Гмалина же Марелборо возложил координацию всех работ по камню и обеспечение снабжения восстановления города метизными изделиями, отдав под его начало всех бойцов, кто хоть что-то смыслил в кузнечном деле. То есть не только гномов, но и людей. На что тот, впрочем, согласился с большой неохотой. То есть помогать он был не прочь, но вешать на его шею еще и «этих неумех» из числа людей, по его словам, было уже слишком... Но согласился. Правда, на чем свет стоит ругаясь при этом насчет того, где была его голова, когда он ввязывался во всю эту бодягу с побратимством с человеком... Так что его злобный ор теперь можно было услышать в любое время дня и ночи и в любой точке Эл-Северина. Правда... если поблизости не было Лиддит. Та построила его очень быстро... Так что рядом с Троем в настоящий момент остались только Арил и Глав. Все остальные были припаханы императором. Ну и арвендейльцы, конечно. То есть они также были задействованы на восстановлении города, который, кстати, первоначально привел их в слегка ошеломленное состоянии. Ну еще бы, город, в котором жило в разы больше народу, чем во всей Теми, и который одновременно был укреплен сильнее, чем Зимняя сторожа... Но при этом караул рядом со своим герцогом они несли аккуратно, каждый день выделяя для этого необходимое число бойцов. Впрочем, Трою с Лиддит они не докучали, взяв на себя охрану, так сказать, внешнего периметра и оставив непосредственную охрану на Глава с Арилом...

— Вот и наше солнышко встало, — добро, но несколько ехидно улыбнулся Глав, когда Трой выбрался из своего шатра. Но тот молча протопал к колодцу и, ловко закинув ведро в его зев, споро вытянул его обратно.

Окатившись парой ведер, Трой подхватил валявшуюся рядом с колодцем палку, которую подобрал еще в лесном лагере и с того момента использовал как заменитель меча на разминке, и закрутил привычный разминочный комплекс. Глав несколько мгновений наблюдал за ним, а

затем подхватил котелок, стоявший на земле рядом с костром, и водрузил его на крюке, установленной над костром треноги. После чего подкинул в костер сучьев.

Разминка долго не затянулась. Трой аккуратно положил дрын на землю и двинулся в сторону костра.

— Отвар будешь или чего посущественней сварганить? — поинтересовался Глав, когда он подошел.

— Сам водой питайся, — пробурчал герцог Арвендейл, присаживаясь на чурбак.

— Понял, — ухмыльнулся Глав, — не дурак. И правда — чего это я? С таким ночным расходом энергии, как у тебя, никакой отвар не поможет... — ехидно прокомментировал он, но едва только Трой бросил на него сердитый взгляд, тут же вскинул руку, все-все-все, молчу-молчу, грозный герцог. Молю вас простить глупую бестолочь за грешную непочтительность.

— Ну, он-то, может, и простит, Глав, — послышался насмешливый голос со стороны палатки, — а вот я-а-а-ау... — Лиддит не удержалась и зевнула. От чего впечатление от ее грозной речи оказалось несколько смазанным. Но это на взгляд Троя. Потому что Глав, похоже, так не считал. Он нервно вскочил и, побагровев, залепетал:

— Лиддит, прости... это шутка была. Да я б никогда... Ну ты же знаешь!

— Правда? — не слишком натурально удивилась Лиддит. — Нет, не знаю. А должна?

— Госпожа! — взвыл Глав. Причем Трой мог бы поклясться, что его побратим точно испуган... Надо же! Под атакой орков стоял не дрогнув. Когда они ворвались в Священное место Каменных лбов, именно Глав положил единственного среагировавшего на них шамана. Через Проклятый лес вместе с ним прошел. А вот Лиддит реально боится. И ладно бы только он! У Троя сложилось впечатление, что даже идш и гном — самые упрямые и сварливые члены их братства, не рискуют особенно связываться с дочерью бывшего императора... Ну вот как у нее это получается, а?

— Ладно, Глав, — милостиво повела бровью Лиддит, подходя к Трою и по-хозяйски устраиваясь на его коленях, — будем считать, что я тоже пошутила. Чем ты там собираешься нас кормить?

— Э-э-э... вот — есть холодное мясо, лепешки. Еще теплые. Алмонкурцы привели в порядок пекарню у Бронзовых ворот и наладили выпечку лепешек.

— Только лепешек?

— Да, Ваше сиятельство, — кивнул Глав, решив не рисковать и воздержаться от панибратства. — Для нормального хлеба у них нет дрожжей, а закваску для алмонкурской ваччинеты они израсходовали еще в лесном лагере... — Алмонкурская ваччинета являлась национальным блюдом этой провинции и представляла собой лепешку с начинкой, в качестве которой обычно использовался сыр или масло, смешанное с травами. Но иногда использовались и другие начинки. Жители Алмонкура считали ее самой вкусной выпечкой на свете. И среди подданных императора было немало таких, кто был с ними согласен.

— Они ждут подхода каравана из Алмонкура, после чего обещают начать радовать нас вкусом настоящей ваччинеты.

— Нас вкусом, а свой карман — серебром, — усмехнулась Лиддит, — и кончай уже тут «сиятельствовать». Я же сказала, что пошутила...

— Да кто тебя знает, Лиддит, — пробурчал в ответ Глав, слегка, однако, расслабившись. — С такими, как ты, лучше перебдеть. От того, что я лишний раз тебя так поименую, — у меня язык не отвалится, а голова точно целее будет. — И он протянул уютно устроившейся на коленях у Троя герцогине Арвендейла внушительную конструкцию из лепешки и водруженного поверх нее солидного куска мяса, присыпанного сверху горкой мелко нарубленной зелени.

— Тоже разумно, — покладисто согласилась Лиддит, принимая от него этот импровизированный бутерброд. — Мало ли как оно может случиться...

— Э-э-э... Лиддит, я пойду, помоюсь, а то от меня после разминки потом шибает, — подал голос Трой.

— Если ты это из-за меня, то не надо. — Лиддит повернулась к нему и потерлась щекой о его голую грудь. — Я люблю, когда от моего мужчины пахнет потом. Значит, он хорошо поработал...

— Это — да, — тут же встрял уже, как видно, совсем успокоившийся Глав, — хорошо. Мы-то что — мы-то привычные. А вот остальные поначалу все дюже удивлялись, как он по утрам с этим дрыном вокруг колодца скачет. Даже спрашивали, как наш герцог, нормальный?

— Да не очень-то и долго спрашивали, — раздался голос Арила, появившегося из-за соседних палаток, ведя в поводу своего коня. — Тем более что господин герцог и среди своих арвендейльцев точно такие же порядки установил. Сказал, что мои люди должны лить пот до боя, нежели кровь во время. Привет, Трой? Ну как, не устал бездельничать?

— Это он ж не бездельничае... кхе, кхе... — послышался с той же стороны, с которой подошел и Арил, ехидный голос Гмалина, а затем

появился и он сам, что-то жующий на ходу. Но стоило ему заметить Лиддит, уютно устроившуюся на коленях мужа, как он тут же осекся и закашлялся. — Вот ведь, незадача какая... кхм... ну ты, Лиддит, и спряталась! Нипочем не заметишь...

— Вот как? — Дочь прежнего императора слегка приподняла левую бровь, и гном тут же развернулся и с независимым видом двинулся в ту же сторону, откуда появился. Типа, дела у меня...

— Гмалин, — негромко позвала Лиддит, когда тот отошел уже шагов на пять. Тот остановился и повернулся, сохраняя крайне озабоченный и слегка недовольный вид. Лиддит очаровательно улыбнулась.

— Посиди с нами, выпей отвара. А то как-то давно мы так вместе не собирались.

Гном несколько мгновений постоял, бросая на сидящую на коленях у Троя девушку настороженные взгляды, а потом... расхохотался и двинулся к костру.

— Вот не понимаю я, и чего эта тигрица в тебе нашла, парень? — весело заявил он, присаживаясь на лежащий у костра толстый древесный ствол, накрытый старыми попонами, и принимая из рук Глава кружку с отваром и кусок лепешки. — Вот всех строит на раз, а к тебе что твоя кошка ластится...

— Это — муж, — усмехнувшись, пояснила Лиддит, — с ним как с вами нельзя. А то мигом выгонит! И куда я тогда пойду такая брошенная, никому не нужная...

У костра на мгновение воцарилась несколько ошеломленная тишина, которая почти сразу же взорвалась слитным многоголосым ржанием...

— Трой, император велел передать, что ждет тебя к полудню, — сообщил ему Арил, когда все отсмеялись. — Так что, думаю, закончился твой отпуск.

Лиддит гибко извернулась и встревоженно посмотрела Трою в лицо. Герцог Арвендейл мягко улыбнулся жене и успокаивающе прикрыл веки. Мол, не волнуйся, родная, — все будет хорошо. В первый раз, что ли?

Император Марелборо уже перебрался в Высокий город, но продолжал квартировать в раскинутом в остатках дворцового парка шатре. Дворец подвергнулся жуткому разграблению и разорению, во время которых орки вынесли из него не только все более-менее ценное, но и вообще все, что можно было отодрать, отломать, открутить или хотя бы выдрать с корнем. А с их физической силой в последнюю категорию вошло даже то, что в представлении людей к этой категории не относилось. Так, например, они повыдирали из стен даже гвозди с золочеными шляпками, на которых

держались тканевые обои, а также перебили все зеркала и оконные стекла, чтобы завладеть золочеными переплетами. Так что он пока не был обустроен даже как временное жилье. Но к окрестным городам уже были высланы гонцы с приказом собрать и отправить к столице караваны с мастеровыми людьми и стройматериалами. Так что где-то через несколько дней, максимум через неделю, к уже задействованным на работах в городе пятидесяти пяти тысячам бойцов должны были присоединиться еще приблизительно столько же мастеров со всем инструментом и остальным, необходимым для восстановления нормальной жизни в городе. Вследствие чего можно было надеяться, что к началу осени Эл-Северин, скорее всего, уже окажется способен обеспечить сносное проживание своего изрядно уменьшившегося населения. Которое, кстати, еще предстояло заново сформировать...

— Привет, побратим, садись, угощайся, — радушно поприветствовал его Марелборо.

— Да я покушал уже, — отказался Трой, усаживаясь напротив императора.

— Ну как знаешь. Ты как — отоспался, отъелся? — с легкой усмешкой поинтересовался у него император. — Или со сном по-прежнему большие проблемы? — не удержался он от ехидной подколки.

— Мои проблемы — мое решение, сир, — ухмыльнулся в ответ Трой. — Что требуется от меня Вашему Величеству? Готов незамедлительно приступить к выполнению любого вашего поручения.

— Ну, в первую очередь мне требуется отремонтировать дворец, — усмехнулся Марелборо. — Займешься?

— Прикажете — займусь, — вернул ему усмешку Трой. Он уже давно не был простодушным парнем с весьма простыми и просчитываемыми реакциями, которого легко можно было ввергнуть в смущение, разозлить или заставить потеряться. Нет, иногда это еще случалось, тот случай, когда ему вручили булаву главнокомандующего тому пример, но уже далеко не каждый раз... — Но все-таки подобную задачу лучше решать кому-то более умелому в этой области. Тому же Гмалину, скажем. А мне вы лучше поручите кого-нибудь убить. Больше толку будет.

Император весело расхохотался.

— Да уж, Трой, ты действительно серьезно повзрослел и заматерел. И я явно вижу в этом немалое влияние Лиддит. Передай ей мою искреннюю благодарность, — но почти сразу же после этой фразы Марелборо посерьезнел и обратился к нему уже совершенно другим тоном: — Ладно, пошутили — и хватит. Я пригласил тебя в связи вот с чем. Твоя жена

рассказала тебе о том, что в стойбище орков на приморских равнинах они захватили человека из земли Глыхныг?

— Да, что-то такое рассказывала, — согласно кивнул Трой. — Но мы как-то... не сильно на этом... э-эм... акцентировались.

— Да уж понимаю я, на чем вы там акцентировались, — снова усмехнулся император, сделав вид, что не заметил короткой запинки Троя, перед тем как он использовал не слишком привычное слово. — Но все-таки как ты оцениваешь то, что она тебе обо всем этом рассказала?

Трой задумался. Ведь не зря же Марелборо спрашивает его об этом. Значит, есть в этой информации нечто, что они с Лиддит упустили. Что-то важное...

— Ну, мне показалось, Лиддит не посчитала, что информация от этого типа так уж важна. Да — в земле Глыхныг происходит что-то странное и необычное, и вам следует об этом знать. Причем из, так сказать, первых уст. Но, в общем, ничего серьезного. Орки жрут людей, люди же считают это... — тут герцог Арвендейл наморщил лоб, припоминая более-менее точную формулировку, — «допустимой платой за те преимущества, которые приносит нам жизнь в цивилизованном обществе». То есть все, как обычно. А вообще, у меня сложилось впечатление, что она забрала этого типа с собой не столько потому, что посчитала его рассказы такими уж важными, сколько потому, что постаралась разделить его и детей, которых этот тип полностью подавлял. Как я понял, судьба детей волновала ее куда больше сведений их папашы.

— У меня сложилось очень похожее впечатление, — задумчиво кивнул император. — Вот только могу тебе сказать, что — это один из очень немногих случаев, в котором твоя жена несколько ошиблась с расстановкой приоритетов. Дети — это, конечно, важно, но все-таки то, что происходит в земле Глыхныг, куда важнее и, как мне представляется, намного опаснее.

— Ну, вам лучше знать, сир, — после короткого раздумья дипломатично ответил Трой.

— Если бы я действительно знал... — вздохнул император и замолчал, задумавшись. Алый герцог некоторое время сидел, деликатно молчал, ожидая продолжения, но размышления Марелборо затягивались, поэтому он не выдержал и осторожно спросил:

— Так в чем вы видите опасность, Ваше Величество? И как я могу помочь вам справиться с ней?

— А? — очнулся император. — На самом деле опасностей здесь несколько. Самая очевидная состоит в том, что орки земли Глыхныг в настоящий момент быстро сокращают поголовье людей. А ведь

численность людей в их государстве уже несколько столетий оставалась стабильной. И именно под эту численность у них и была сбалансирована вся экономика... в широком смысле этого слова. То есть не только налоги и производство товаров, но и, например, объем и периодичность того «мясного налога», позволяющего, с одной стороны, сохранять требуемое число работников, а с другой — одевающего каждого орка уже давно ставшей привычной и освященной столетиями долей «сладкого мяса»... — Тут император запнулся и, окинув взглядом Троя, махнул рукой. — Ладно. Понял. Если короче, сейчас они вырежут людей, а потом столкнутся с их большой нехваткой. И в качестве работников, и в качестве мяса. Как ты думаешь, что они предпочтут — ограничить себя или восстановить потери из какого-нибудь стороннего источника?

Герцог Арвендейл насупился.

— Эти уроды? Будут они еще себя ограничивать... — сердито начал он, но тут же осекся, замер, а потом удивленно прошептал: — То есть вы считаете, что когда у них образуется недостаток людей, они...

— Придут сюда, на наш материк, — согласно кивнул Марелборо. — Но это именно первая, самая очевидная опасность. Следующая заключается в том, что им для чего-то срочно потребовалось такое количество народа. А для чего? Ну не праздник же живота они себе решили устроить. И самым вероятным ответом на этот вопрос мне видятся...

— Жертвы, — понимающе бросил Трой и помрачнел.

— Да, именно так, — кивнул император. — И я даже не представляю... вернее, нет, я очень хорошо представляю, для чего они могут понадобиться им в таких чудовищных количествах.

Алый герцог несколько мгновений сверлил своего побратима напряженным взглядом, а затем неуверенно произнес:

— Может... я же потушил в храме Шиг-Хаоры Темное пламя?

— Может и так, — согласно кивнул Марелборо. — Но эта опасность была бы для нас самой простой и наименее опасной. Я же боюсь, что дело не в этом. Темное пламя они должны были уже давно зажечь. Да, оно потребовало бы довольно больших гекатомб, но сам ритуал, насколько я помню, длится около месяца. Однако, судя по рассказам Фра Арфиера, одним месяцем дело не ограничилось. То есть люди им потребовались для чего-то другого... ну, или, скажем так, еще и для чего-то другого. Как бы даже ненамного более опасного, — император замолчал. На некоторое время в его шатре повисла напряженная тишина, которую никто не смел нарушить. Трой напряженно смотрел на своего господина и побратима, а Марелборо сидел напряженно, о чем-то думая. За полотняными стенками

шатра слышались крики людей, удары кирки о камни, лошадиное ржание, но ни один из собеседников не замечал посторонних звуков. Для них здесь царила полная тишина... Наконец Трой не выдержал и тихо спросил:

— И что же это может быть?

Император окинул его мрачным взглядом и тихо ответил:

— Не знаю. Но нам очень, понимаешь, побратим, очень нужно это узнать...

Эрик Два топора маячил на корме, всем своим видом демонстрируя жуткую обиду. Ну а как же? Сразу после того, как был повержен Ыхлыг, Марелборо отправил его домой, на север, поручив ему нанять лучших бойцов всего мира и привести их на помощь императору. И Эрик выполнил это поручение! Он всю зиму, невзирая на шторма, мотался по северу на своем драккаре, проводя переговоры, возглашая речи и агитируя выступить против извечных врагов людей. Сколько драп пришлось ему спеть, возглашая славу Великому императору Марелборо и его разящему мечу — Алому герцогу, сколько хулительных нид спел Тюгги, его скальд рассказывая о поверженном Ыхгыге. Эрик охрип, устал, четыре раза его драккар попадал в такие переделки, что его пришлось серьезно ремонтировать, а на последнем переходе он попал в столь жестокий шторм, что у корабля сломало левый борт, а киль от удара о камни вообще треснул. Так что добраться до Кагентанна, который был объявлен местом сбора, удалось только чудом... Но слово, данное императору, Два топора сдержал. Тридцать пять сотен отличных рубак привел он по весне к Угелю. За всю историю Нордланда только Сигмунду Белобородому и Торвальду Тяжелой руке удавалось собрать подобное войско! Причем по поводу Сигмунда были некоторые сомнения. Старый хитрец был известен своей способностью пускать пыль в глаза и передергивать руны... Так что ходили слухи, будто на самом деле войско его было заметно меньше. А скалды, которые пели о несметных силах Белобородого в знатных домах и шумных постоянных дворах Эсмерюгрийской марки, против вождей которой Сигмунд тогда и собирал воинов, просто отработывали золото Белобородого. И, что интересно, отработали-таки! Потому что, когда Сигмунд привел своих бойцов на земли Эсмерюгрийской марки, четыре города из одиннадцати безропотно открыли ему свои ворота, даже не попытавшись защищаться. Да и остальные сражались не так чтобы сильно упорно. Скорее чтобы только лишь сохранить лицо... Но, как бы там ни обстояло дело с Белобородым, Эрику Два топора никто подобных обвинений предъявить не сможет. Тридцать пять сотен бойцов на ста пятидесяти трех драккарах вошли в бухту Угелю и после недели перерыва, за время которого все корабли были приведены в порядок после перехода по еще не до конца успокоившемуся после зимних штормов морю, двинулись вверх по впадающей в залив реке к Эл-Северину. Они шли так

ходко, как только могли, не отвлекаясь не только на то, чтобы поохотиться, но и даже на то, чтобы освежевать пару коров из пасущегося на лугу крестьянского стада или там прирезать десяток барашков... ну ладно, если только очень изредка. Да что там говорить, если волок у Алмонкура все полторы сотни кораблей преодолели всего лишь за три дня. Да ни в одном набеге северные варвары не передвигались настолько быстро! И вот они наконец пришли — и что? Нет, вот как это понимать?! Где орки? Где славная битва? Как это все уже закончилось? Ну, как, КАК, можно было с ними так поступить, а? Такие славные битвы — и все прошли без него!

Трой бросил взгляд на своего обидчивого вассала и усмехнулся. Императора Эрик уже простил, а вот его самого — нет. Особенно когда ему рассказали о том, какую бойню Алый герцог устроил в храме.

Согласно всем разработанным планам — основную ударную силу их, так сказать, диверсионного отряда должны были составить три мага — Марелборо, Игреон Асвартен и Элиот Пантиопет. Остальные же должны были только обеспечить им возможность работы. То есть встать стеной и защищать лестницы и проходы на хоры, разменивая свои жизни на время и давая возможность магам сначала не отвлекаться и работать по площадям, а затем, после того как будет нанесен основной удар, хотя бы немного прийти в себя. Но атака Троя моментально поставила все планы с ног на голову. Хотя возлагать вину за это только на него, конечно, было нельзя. Ведь герцог Арвендейл вовсе не по своему собственному желанию ринулся в свою, как казалось, самоубийственную атаку, а по воле императора Марелборо, который и руководил всей их командой. Хотя и он оказался неспособен предположить каким именно образом это будет проделано... Позже Марелборо рассказал, что изменил план потому, что узнал начавшийся ритуал. Это был «Шар долгой боли», одно из самых сложнейших камланий орочьих шаманов, способное, однако, на очень и очень многое. Но именно из-за сложности его применяли очень и очень редко. Настолько, что опознать его, кроме самого Марелборо, больше никто не смог. Даже такой признанный знаток орков как Элиот Пантиопет. Поскольку, как выяснилось уже позже, последний раз подобное камлание происходило более трех с половиной сотен лет назад... Однако, похоже, шаман, который должен был вести все камлание, собирався использовать камлание, в котором он должен был вести, так сказать, партию первой скрипки, еще и для, так сказать, политических целей. То есть для того, чтобы поднять или сильно укрепить собственный авторитет не просто в Орде, а вообще в народе орков. Ну как же, в случае удачи он как проведший

Великое камлание столь сложного, практически легендарного уровня сразу же получал титул Величайшего, вследствие чего фактически становился настоящей легендой орков. Мифом. Символом мастерства орков и их могущества... Марелборо же решил изменить первоначальный план, потому что «Шар долгой боли» являлся одним из редких ритуалов, которые сразу же, на первых мгновениях, втягивают в себя почти все доступные силы, буквально осушая все доступные источники. Те же, что поступают в процессе ритуала — от жертв и от самих шаманов, — используются лишь для контроля и конфигурирования. Да, проводить их можно только в достаточно мощных местах силы, но результат получается в прямом смысле сногшибательным. Ну да недаром этот ритуал считался легендарным... Кстати, потом, как все закончилось, Игреон Асвартен и Элиот Пантиопет попробовали рассчитать, что бы произошло с людьми, удайся шаману ритуал в полной мере. Результатов они не озвучили, но их побелевшие лица все сказали сами за себя...

Как бы там ни было, едва только начался ритуал, Марелборо понял, что все прежние планы и заготовки пошли прахом. Потому что «Шар долгой боли» мгновенно осушил место силы, не оставив им с Верховным магом и ректором Академии ни единого шанса сотворить то плетение, которое они планировали применить. Да и корона резко притухла... Вот потому-то император и вынужден был на ходу переиграть планы, пустив в ход то смертельное оружие, которое уже не один раз приносило ему победу. А именно — Алого герцога... Тем более что если одномоментно разрушить точку фокуса, которой и выступал ведущий камлание шаман, возникал шанс не только ударить по вовлеченным в ритуал оркам сильным откатом, но еще и перехватить какую-то часть сил, которые были втянуты ритуалом, и влить их уже в свое заклятие. Вследствие чего их собственный удар мог получиться едва ли не на порядок сильнее, чем было запланировано. Главная трудность заключалась в том, что чем более резко была разрушена точка фокуса, тем большую часть сил можно было перехватить. То есть вариант «подергался и сдох», что, скорее всего, произошло бы в том случае, если бы шаман был расстрелян из луков и арбалета Глава, в этом случае почти не обеспечивал никакого выигрыша. Даже если это «подергался» будет длиться всего лишь две-три секунды... Потому что стрелять отвесно вниз вообще для стрелков довольно непривычно. И хотя ни о каких промахах, в случае если луки находятся в руках у эльфов, и речи быть не могло, но шанс на то, что шаман сдохнет не сразу, был весьма существенным. Ему же требовалась именно мгновенная смерть... Но Марелборо даже не предполагал, что Трой ринется в атаку подобным...

экстравагантным образом. Император думал, что тот просто быстро сбежит по лестницам и атакует орков в спину, сумев прорваться к ведущему Великому камланию шаману в первую очередь благодаря своему доспеху из чешуи Раш и легендарному мечу. Задержка в пять-десять секунд ДО смертельного удара была несущественной. Главным было время от того момента, когда шаман начал бы терять здоровье до момента окончательной смерти. Чем оно было меньше, тем лучше для их планов. Кто ж знал, что этот сумасшедший сотворит такое... Поэтому, когда Трой перепрыгнул через перила, Марелборо оторопел и едва-едва успел сформировать необходимое заклятие. Его требовалось высвободить именно в момент разрушения точки фокуса. Так что он чуть не опоздал...

Но в конечном итоге все прошло даже лучше, чем рассчитывалось. Ибо, отправляя Троя, Марелборо предполагал, что пока он будет прорываться к шаману сквозь заполнивших храм орков, тот успеет как-то отреагировать и, скорее всего, сбросит хоть какую-то часть накопленной ритуалом энергии. Так что откат ударит только по тем, кто находится внутри, а накрыть плетением удастся только не очень большую часть прилегающей к нему территории. Даже не весь Высокий город... И это, в принципе, тоже стало бы существенно большим результатом, нежели планировался изначально. Но тот не успел не только что-то сделать, но даже понять, что что-то пошло не так.

— Йюльке! — выкрикнул кормчий, и сразу после этого, драккар изрядно накренился и прибавил ход, увлекаемый вперед освобожденным от стягивающих его веревок парусом, после чего кормчий протяжно прокричал: — Тле-ейнор! — после чего дружинники разом выдернули из воды весла и принялись, весело гомоня, втаскивать их внутрь драккара. Волки морей предпочитали двигаться на веслах не только в бою, но и даже на обычных переходах, однако путь впереди предстоял долгий, так что пока силы можно было и поберечь. Успеют еще намахаться веслами...

Трой повернулся и посмотрел в сторону покинутого берега. Они уже обогнули мыс, образующий залив, на берегу которого и расположился Угелой, и сейчас город удалялся от них по левому борту. Герцог Арвендейл перевел взгляд на водную гладь. Да уж, мощь... Полторы сотни драккаров резали волны по бокам и позади «Касатки» Эрика, нового драккара, подаренного ему одним из сильнейших вождей Нордланда — владельцем Кагентанна, отправившим в этот поход половину своей дружины. Да, младшую, да, самую неопытную, но три сотни северных воинов — это серьезная сила. Причем не только на Севере, но и здесь, в империи. В

полевом сражении они, конечно, тяжелой пехоте и уж тем более латникам не противники, но при штурме крепостей или во время коротких набегов и действий из засад — противники страшные. Особенно если они опытные бойцы... А где еще набраться опыта, как не в походе, возглавляемом славным вождем? Да и возможность установить дружеские отношения с легендарным императором людей также немало стоит. Кто его знает, как оно там дальше повернется? Единого короля на Севере не было уже почти триста лет. Возможно, пришло время вспомнить столь славные времена. И в этом случае если не поддержка, то как минимум дружественный нейтралитет самого Марелборо точно не помешает...

— Могу я пригласить Олькюлле к трапезе, — глухо пророкотал Эрик, подойдя со спины. Трой развернулся к нему и улыбнулся.

— Конечно, мой друг. И прекращай ты уже дуться на меня. Не я принимал решение. Все мы — слуги нашего императора и покорны его воле.

Лицо Эрика скривилось в страдальческой гримасе, способной служить олицетворением самому величайшему горю, которое только способен испытывать человек.

— Но ты же мог уговорить его подождать. Мы опоздали всего лишь на две недели! — с явственно ощутимой мукой в голосе простонал он. После чего тяжело вздохнул и продолжил не менее горестно: — Я понимаю, что мне никогда не достичь того, что сделал ты, но я считаю, что заслужил право быть в той битве рядом с Алым герцогом. Секира к секире! И, клянусь, я не отстал бы от тебя более чем наполовину!

Трой внутренне скривился. Ну вот опять снова-здорово... После того как все закончилось, какой-то ушлый тип насчитал в храме и его ближайших окрестностях почти две сотни орков, погибших от ударов, которые был способен нанести только его меч Тайная ветвь. И растрезвонил об этом по всему лагерю. А после того как эта история была дополнена рассказами выживших жертв, из числа тех, кого орки приволокли в храм, о том, что Трой, встав во входных воротах храма Сумрачных сестер, несколько минут, пока к нему не присоединились спустившиеся с хоров остальные бойцы, в одиночку сдерживал орков, не давая им прорваться внутрь, людская молва превратила его просто в мифического героя. Тем более что пара минут его одиночного боя после нескольких пересказов увеличились чуть не до часов, а мелкие подробности насчет того, что большинство зарубленных герцогом Арвендейла орков в момент этого эпического деяния вовсе не свирепо сражались с ним самим, а воя, катались по полу, повергнутые откатом, или

тащились к нему, воняя горелой плотью и едва ковыляя после магического удара императора, и потому были не в силах оказать почти никакого сопротивления и вовсе исчезли из пересказов. Так что к тому моменту, когда северяне добрались до Эл-Северина, новая легенда об Алом князе уже цвела и пахла во всем своем великолепии. И куда до нее было песням о, скажем, Трогги Одноглазом, в одиночку повергнувшем Великого вождя орков вместе с его сыном, или о том же Магнуссоне Весельчаке, бившемся аж с пятью орками и сумевшем до своей гибели упокоить аж четверых из них, до сего момента почитаемыми как самые великие воины Севера?

Пять — да тьфу, а пожалте двести! Ну и как тут Эрику было не обидиться?!

— Я же тебе сказал, Эрик, все, что обо мне рассказывают, — неправда! На самом деле...

— Ты убил того шамана, что вел ритуал, развалив его на две половины одним ударом? — пресек Два топора его попытку оправдаться. Трой запнулся, тяжело вздохнул, бросил на Эрика тяжелый взгляд и нехотя кивнул.

— Ну... да. Но, пойми, во-первых, мой меч, Тайная ветвь — режет все, к чему прикоснется, так что дело не в во мне, а в нем, а во-вторых, я падал сверху и прямо на шамана, так что...

Эрик вскинул руку и качнул своей лопатообразной лапищей, показывая, что он еще не закончил.

— Среди тех, кто был в храме, только у тебя одного был двуручный меч, способный резать плоть и доспехи как льняные полотенца?

— Да, но... — Трой на мгновение запнулся, не зная, как же все-таки убедить северянина, что он вовсе не такой легендарный воитель, каким его тут сделали, но ничего путного в голову не пришло, и он обреченно продолжил: — Ну не думаешь же ты, что все, кто был убит двуручным мечом, — на моем счету. В нашей армии не менее двух сотен бойцов имею...

— Тела из храма... то есть то, что от них осталось, были сложены в леднике хозяйственного двора императорского дворца, рядом с кухней, — оборвал его неуклюжее оправдание Два топора, а затем веско припечатал: — Я сам их осматривал!

Трой скрипнул зубами. Ну, вот что ты будешь делать! Ну, как объяснить-то, что он там совершил, нет никакого героизма. Обычная воинская работа. Да он больше напрягался, когда стоял под орочьей атакой в момент первой встречи с Лиддит. Ну, когда она оторвалась от своего эскорта и оказалась одна против целого отряда. Там у него реально

дрожали руки и холодело в груди. Вон, даже Лиддит не смог как следует запомнить. Ох, сколько потом мужики над ним из-за этого прикалывались! А здесь...

— Ну, может, и так, но ты пойми, в этом нет никакой особенной доблести. Я же с ними не дрался. Они в этот момент просто катались по полу храма, извиваясь от боли из-за отката, или едва могли стоять на ногах, потому что по ним ударило заклятье императора. Так что в этом нет никакой особенной доблес...

Эрик снова махнул лапищей, прерывая оправдания Троя.

— Мне рассказали, что ты в одиночку удерживал орков в воротах храма, пока к тебе не присоединились твои товарищи, не рискнувшие спуститься с хоров храма твоим путем и потому бежавшие по лестницам. Это так или мне соврали?

— Так, но один я стоял там не больше сотни ударов сердца. Да и к тому же по тем оркам, что находились снаружи храма, — тоже ударили заклятье и откат. Так что они так же мне были не противники...

— А по вам откат не ударил, да? — саркастически скривившись, поинтересовался вождь северян, после чего тяжело вздохнул, качнул головой и все с той же чуть ли не физически ощутимой мукой в голосе спросил: — Ну почему, почему ты не подождал меня? Как я буду смотреть в глаза своим сыновьям, когда им расскажут, что я опоздал на такую битву?! — Два топора сокрушенно махнул рукой и, не оглядываясь, двинулся в сторону кормы драккара, где кормчий уже раскладывал на расстеленном плаще нехитрую снедь. Трой проводил его взглядом и тяжело вздохнул. До чего же упрямый... ну вот хоть кол на голове теши! Уже две недели прошло, как они покинули лагерь у столицы, а он все ходит мрачнее тучи...

Из Эл-Северина до Угелоя они добрались довольно быстро. Их караван... ну, или скорее рейд, шел по тем же рекам, по которым драккары северных варваров поднялись от Угелоя до Эл-Северина. Только сейчас этот путь они преодолели всего за две недели. Потому что на этот раз драккары двигались вниз по течению, да еще частенько помогая ему и парусом, и веслами. А также потому, что если при движении вверх по реке все встречные города и поселки предпочитали переждать подобную «помощь», пусть и идущую, по их собственным словам, к императору и по его слову, за закрытыми воротами, то сейчас все было по-другому. Фигура Алого герцога на передовом драккаре открывала ворота любого города быстрее и надежнее, чем та грозная бумага императора, которая у него имелась. Ибо легенды о его последнем подвиге уже успели широко разлететься по империи. Так что иногда их рейд, взяв лоцманов, чтобы не

наткнуться на какую-нибудь мель или притопленную скалу, двигался даже ночью... Впрочем, первые два дня Трой не столько чем-то руководил, сколько банально отсыпался. Потому что несколько последних ночей перед отплытием Лиддит практически не давала ему спать.

Все началось вечером того дня, когда состоялся его разговор с императором. Лиддит, как обычно, появилась перед самым закатом и, войдя внутрь палатки, устало рухнула на раскладное кресло, стоявшее напротив походного ложа, на котором развалился Его светлость герцог Арвендейл.

— Фух, ну и денек...

— Тяжко было? — нейтрально поинтересовался Трой, не столько действительно интересуясь, сколько стараясь выиграть время, поскольку так до сих пор и не придумал, как сообщить жене о том, что он будет должен скоро снова надолго уехать. Потому что за последнюю неделю они уже успели в перерывах между любовными ласками обсудить дела Арвендейла и распределить, чем они будут заниматься, когда скоро (ну а как иначе-то — столица освобождена, все закончилось...) вернутся в свое герцогство.

— Не столько тяжело, сколько грязно, — вздохнула Лиддит. — Сегодня гномы с мастерами, пришедшими со вчерашним караваном из Сажегонта, решили доломать обломки Разноцветного дворца. Пылищи было... Такое впечатление, что у меня язык до сих пор покрыт слоем каменного крошева, а колтун на голове стянул кожу так, что глаза вылезли наружу, а рот все время старается улыбаться.

— Нет, не похоже, — усмехнулся Трой, всматриваясь в жену. — И вообще, не сообщи ты сейчас об этом — я бы ничего не заметил.

Лиддит фыркнула.

— Да что вы, мужики, вообще заметить-то в состоянии? Особенно у девушки. Хоть наизнанку вывернись — вам все одинаково, — и она сокрушенно махнула рукой. — Ладно. Пойду, сполоснусь у колодца.

— Э-э-э... а может, тебе сделать ванну? — внезапно даже для самого себя предложил Трой. А в следующую секунду порадовался пришедшей в голову мысли. Пока он будет готовить ванну, тяжелое объяснение отложится еще на часок. А там, глядишь, жена после ванны размякнет...

— Ванну? — Лиддит окинула его удивленным взглядом. — Здесь?

— Ну-у-у, бадью можно взять у коновязей. Есть там одна очень здоровая... воду я натаascaю от колодца. Тут до него десять шагов. А нагреем амулетом. Если под него положить бляху от куртки, то днище бадьи не пострадает. То есть я сам не пробовал, но мне Гмалин об этом рассказывал.

Лиддит окинула его странным взглядом, а потом задумчиво произнесла:

— Хм, последний раз я мылась в бадье, когда мне было четыре года. Хотя... почему бы и нет?

И Трой обрадованно вскочил и пулей вылетел из шатра...

А затем они любили друг друга. Причем Лиддит, к его удивлению, снова была так же жарка и неистова, как в ту ночь, когда она только приехала в лагерь. А потом, когда они оба лежали обессиленные на смятых и мокрых простынях, она внезапно извернулась под его рукой и, прижавшись к нему всем телом и обхватив его рукой и ногой, закинутой на него, тихо произнесла:

— Значит, ты опять покидаешь меня, Трой-побратим...

Трой замер, не в силах ничего произнести, да и даже не представляя, что вообще можно тут сказать. Потому что в ее голосе было столько тоски... А Лиддит подняла руку и повела своим тонким пальцем по его лицу — сначала по бровям, потом по носу, затем все тем же непрерывным движением очертила губы, как будто сканируя его лицо и сохраняя его в своей памяти, и тихо прошептала:

— Ну, тогда забудь про сон...

Ну и, как это обычно за ней водилось, полностью выполнила свое обещание...

— Садись, Олькюлле. — Кормчий драккара уважительно наклонил голову и кивнул подбородком в сторону рума, на котором восседал Торвард Гроховорот, громадный детина, чьим любимым оружием был боевой молот. В бою он обычно шел рядом со своим ярлом, прикрывая того огромным щитом, размером с дверь. И лишь иногда пуская в ход свой чудовищный молот. Услышав слова кормчего, Гроховорот осторожно пошевелился и сдвинулся в сторону по жалобно скрипнувшему руму. Трой аккуратно присел. Эрик, все так же угрюмо молча, устроился напротив.

Прозвище Олькюлле на языке северян означало нечто вроде «самый сильный и могучий боец», силу которого признали даже боги. За всю историю северных племен только двое воителей удостоивались подобного... ну, наверное, его можно было назвать титулом. Герцог Арвендейл стал третьим. И первым из носителей, кто не был северянином по крови.

Трапеза прошла в неспешной беседе. То есть беседовали в основном Трой и кормчий. Иногда что-то бухал Торвард. Но редко. Слова никогда не были сильной стороной этого здоровяка. И он об этом был прекрасно

осведомлен. Поэтому предпочитал меньше говорить и больше делать... Эрик же всю трапезу продолжал все так же угрюмо молчать.

— Еще час — и оставим на левом траверзе Кабаньи острова, — нейтрально сообщил кормчий, когда они несколько насытились. Залив, на берегу которого располагался Угелой, был отделен от открытого моря цепочкой из четырех островов, чем-то напоминающих семью кабанов. Самый крупный остров был самым южным, чуть севернее располагался второй по величине, а рядом, северо-восточнее и северо-западнее, не стишком высоко возвышалась над водой еще парочка. Ну точно как секач, свиноматка и пара поросят на выгуле. Эти острова считались границей, отделяющей залив от открытого моря. И сейчас драккары шли под устойчивым ветром в пролив между двумя самыми крупными островами... Трой мысленно усмехнулся. Он заметил, как за пару мгновений до этого вопроса Эрик, всю трапезу просидевший почти неподвижно, служа таким немым укором герцогу Арвендейла, приподнял голову и бросил быстрый взгляд в сторону кормчего. А сделал он это потому, что еще при отплытии от Эл-Северина Трой сообщил Эрику, что о цели всего похода он расскажет, только когда они выйдут в открытое море.

— Вот когда пройдем — тогда и поговорим, — коротко усмехнувшись, произнес Трой, а затем, задрав очи горе, вроде как ни к кому не обращаясь, задумчиво произнес:

— Или мне стоит сменить драккар? Дальше дело станет весьма опасным, так что для его успешного завершения потребуется полное взаимопонимание, а здесь у меня вроде как до сих пор так и не исчерпанный конфликт...

Эрик Два топора, как раз в этот момент запрокинувший голову, чтобы омочить глотку добрым глотком «асскюттир», довольно крепкого северного пива, которое северяне обычно заливали в свои фляги вместо воды, потому что оно и хорошо утоляло жажду, и замерзало при гораздо более низкой температуре, чем обычная пресная вода, изумленно всхлипнул и... с громким кашлем обдал всех сидевших рядом целым фонтаном «асскюттир». Торвард Гроховорот, располагавшийся наиболее близко от ярла, несколько мгновений озабоченно наблюдал за закашлявшимся вождем, а затем воздел могучую руку, толщиной со вполне себе накачанную ногу не маленького мужчины и аккуратно хлопнул того по спине... Ну, то есть ему так показалось, что аккуратно. Что на самом деле было не совсем так. Или совсем не так. Потому что Эрика Два топора буквально смело с рума, на котором он сидел, и швырнуло вперед. Трой едва успел перехватить его полет и придержать, чтобы тот не рухнул лицом

на доски настила дна... Восстановив равновесие Эрик буквально взвился в воздух, на ходу разворачиваясь к Торварду.

— Ты! Кха, кха... да как ты...

— Простите, ярл, — потерянно прогудел Гроховорот, — я помочь хотел...

Два топора несколько мгновений сверлил свой «ходячий боевой щит» свирепым взглядом, но потом сокрушенно махнул рукой.

— А-а-а... вечно от тебя всякие беды!

И весь драккар грохнул хохотом.

— Это точно, ярл, помните, как он помог тому бонду телегу из канавы вытащить...

— Да уж, от нее одно колесо осталось. Все остальное в щепки...

— А как он рыбаку мачту в лодке крепил...

— Мы его потом всего мокрого до его деревни подбросили...

— Ага, без лодки, сетей и улова...

— А помнишь, как он...

— Тих-ха! — разнесся над кораблем раздраженный рев ярла. И все мгновенно замолчали. Будто и не ржали только что во все горло. А Два топора развернулся к Трою и воткнул в него горящий взгляд. Но, герцог Арвендейл невозмутимо сидел и смотрел в сторону приближающихся Кабаньих островов, делая вид, что не замечает его взгляда.

— Олькюлле, ты хочешь перейти на другой драккар? — прорычал Эрик, когда ему наконец надоело играть в молчанку.

Трой повернулся к нему и окинул его безмятежным взглядом.

— О чем ты, друг мой? — Два топора несколько мгновений буквально сверлил его напряженным взглядом, а потом отвел глаза и несколько смущенно произнес:

— Ну, ты же это... сказал, что... ну, то есть... что... — и он замолчал, окончательно запутавшись.

— Я сказал, что здесь у меня так до сих пор и не исчерпанный конфликт? — уточнил Трой. Эрик тут же приободрился и воодушевленно кивнул. Алый герцог усмехнулся.

— Тогда — да, в этом случае действительно стоит сменить драккар, — согласно кивнул Трой. Лицо Два топора тут же полыхнуло багровым. Да так, что оба его ближника — и кормчий, и здоровяк Гроховорот — опасливо отодвинулись от своего ярла. Трой же лишь упер в сидящего перед ним ярла абсолютно безмятежный и эдак слегка вопросительный взгляд, после чего спокойно спросил:

— А он у меня действительно есть? Как ты считаешь, мой друг?

Эрик Два топора еще больше побагровел, затем шумно вздохнул, потряхнул головой и... оглушительно расхохотался.

— Нет, дружище, конечно, нет! Ну, какие могут быть обиды между нами? О-хо-хо-хо... ну просто не могу! Как ты меня... Нет, вы видели, а? — Два топора развернулся к дружине, которая тоже захохотала. Причем эдак... облегченно.

— Ну, вот и отлично, — улыбнулся Трой. — В таком случае слушайте, что нам предстоит...

Седой как лунь орк-инвалид, у которого вместо левой лапы была уродливая культя, свирепо саданул по толстым прутьям решетки массивной дубинкой, один конец которой был оббит куском дрянного железа и свирепо заорал:

— А ну молчать, мясо! А то быстро освежую! Сидевшие прямо рядом с решеткой доходяги испуганно отшатнулись, а все остальные люди, которые плотно были набиты в клетку, испуганно притихли. Орк несколько мгновений постоял, свирепо пялясь на испуганно взиравших на него людей своими злобными свинячьими глазенками, потом презрительно фыркнул и, громко расхохотавшись, отвернулся и двинулся куда-то по своим делам.

Трой проводил его настороженным взглядом из-под спутанных волос, которые специально набросил на лицо, чтобы хотя бы немного замаскировать свое не очень подходящее этому месту выражение лица. Нет, он вполне был способен соорудить выражение, вполне привычное как для земли Глыхныг в общем, так и набитой людьми клетки в частности. На время... Но постоянно держать на лице это выражение испуганной и забитой скотины у него вряд ли бы получилось. Вот и пришлось придумать, как замаскироваться. Ну, хотя бы немного. Потому что люди, с которыми ему приходилось делить его нынешнее место своего пребывания, отнюдь не демонстрировали высокие душевные качества типа мужества. Честности или хотя бы солидарности. По большей части они все были растерянными и злобными трусами. Тех же, кто демонстрировал хоть какие-то зачатки воли и готовности не сдаваться, орки довольно быстро, так сказать, изымали из людской массы и быстренько пускали под нож. Причем выявляли их и сдавали оркам сами же люди. Ибо большинство «населения» клетки было готово на все, ради того чтобы при очередном «отборе» из клетки с «мясом» орки забрали не его, а любого другого. Потому-то Алый герцог с самого момента своего попадания и старался тихо сидеть в углу и особенно не отсвечивать...

Все пошло кувырком едва ли не с первого часа, как он высадился на побережье.

На этот раз Трой решил появиться в земле Глыхныг нелегально. В тот первый раз у них с Марелборо и Арилом просто не было другого выхода, как попытаться пойти более-менее официальным путем и представиться иностранцами. Они ничего не знали о земле Глыхныг, совершенно ничего.

Ни как можно людям ходить по улицам — вдоль стен домов или по центру, гуськом или рядом друг с другом... Ни во что одеваться, дабы не нарушить каких-нибудь местных правил, а то и запретов. Ни как кланяться орк... то есть Большим людям, и что делать, чтобы не привлекать, либо, когда понадобится, наоборот, привлечь их внимание, не совершив при этом какое-нибудь нарушение. Ни названия блюд, которые можно заказать в трактирах. Да вообще ничего! Даже язык, будучи очень похожим на тот, что использовался в империи, и то отличался произношением некоторых согласных. Не говоря уж о значительных различиях в используемом словарном запасе. Например, та же крестьянская повозка в империи именовалась телегой, а в земле Глыхныг она называлась странным словом «возидло»... Так что попытайся они в тот раз выдать себя за местных — мгновенно прокололись бы! Иное дело — сейчас, когда у Троя за плечами было достаточно долгое путешествие по империи вместе со множеством попутчиков, с ночевкам как в трактирах, так и на берегу реки, у костра, с долгими разговорами и общением со множеством выходцев из разных областей земли Глыхныг. Так что он был уверен, что сумеет притвориться жителем какой-нибудь отдаленной области на срок, достаточный для того, чтобы разузнать, что именно происходит в земле Глыхныг и чем именно вызваны такие серьезные изменения в политике по отношению к людям. Уж очень они были настораживающими.

Люди являлись главной даже не составляющей, а движущей силой всей местной экономики. Они возделывали землю, строили дороги, ткали ткани, выплавляли металлы, работали в шахтах, в лавках, на верфях и в мастерских... ну, естественно, и кормили своих господ. В том числе и своим собственным мясом. Но еще не так давно, все эти процессы были вполне себе сбалансированны. То есть ор... вернее, Большие люди (на время пребывания в земле Глыхныг надо было отвыкать называть так орков даже в мыслях), так регулировали «мясной налог», что он почти полностью покрывался естественным приростом «людского поголовья», и экономика земли Глыхныг как-то не страдала от недостатка рабочих рук. То есть, учитывая то, что местные, западные орки по-прежнему ходили в набеги почти по всему известному миру (в том числе и на противоположный материк, с чем герцог Арвендейл уже сталкивался, и лично), вследствие чего в землю Глыхныг тек постоянный поток пленников и рабов, а также некоторую эмиграцию, численность людей в государстве орков не только не уменьшалась, но и немного, но постоянно росла. Поэтому резкое увеличение «мясного налога» и, соответственно, не менее резкое падение численности людей, по всем расчетам, проделанным лично Игреоном

Асвартенон, должно было вскоре привести к серьезному экономическому кризису. Если уже не привело... И орки, несомненно, это прекрасно понимали. Так что для подобного изменения политики должны были иметься очень серьезные основания, которые орки просто не способны были удержать в тайне. Ну так уж они были устроены... Потому-то Трой и рассчитывал, что основную информацию удастся добыть буквально за пару-тройку дней. А затем заняться и кое-чем поинтереснее, для чего к берегам земли Глыхныг и пришли полторы сотни драккаров с тридцатью пятью сотнями головорезов...

Что ж, возможно, он не ошибся. Вот только поговорить, так сказать, по душам с кем-то, у кого могла оказаться подобная информация, в том месте, в котором он так внезапно оказался, не было никакой возможности. Потому что все его осторожные попытки расспросить о том, почему орки увеличили «мясной налог», у тех из обитателей клетки, которые казались ему более-менее адекватными, наталкивались на глухую стену из обреченности и отчаяния. А пообщаться с самими орками в условиях, при которых можно было рассчитывать получить хоть какие-то ответы, пока не представлялось возможным. И, что самое обидное, произошло это вследствие того, что герцога Арвендейла предал один из тех, кого он собирался спасти. Это был человек — рыбак, у которого он за час до этого спрашивал дорогу до города. Как Трой об этом узнал? Так рыбак во время захвата находился рядом с орками...

— Подвинься, дикарь, — злобно прошипел кто-то сбоку. Трой повернул голову. Это оказался один из местных бедолаг, по прозвищу Ткач. Это прозвище он получил потому, что когда его приволокли и начали вталкивать в клетку, он истошно орал:

— Нет, нет! Это ошибка, ошибка — жребий выпал Тулую, он — кожевник, а я ткач, ткач!

Типом он оказался весьма противным, очень напоминая характером и заявлениями Фра Арфиеру, с которым Трой имел «удовольствие» плотно пообщаться, когда готовился к своему путешествию. После этих разговоров он даже начал сомневаться в правильности идеи императора, предложившего попытаться совершить налет на побережье, для того чтобы спасти от орков как можно больше людей. Ибо до того момента не то что никогда не слышал, но и даже не мог себе представить, что может существовать такая странная смесь уничижения и угодливости перед своими поработителями и высокомерия и пренебрежительности ко всем остальным. Причем аргумент «они же вас тупо жрут» с Арфиерой не работал от слова совсем. Он с апломбом заявил, что «такова плата за

принадлежность к цивилизации» и вообще отказался обсуждать эту тему. Мол, история доказала, что это наилучший путь развития, и чтобы вы тут себе ни напридумывали, все равно рано или поздно вам придется «выстраивать отношения» с Большими людьми. И вот тут люди земли Глыхныг, которые уже сумели это сделать, готовы помочь вам, неразумным, в этом нелегком вопросе. Конечно, под своим мудрым руководством и при вашем беспрекословном подчинении... Так вот, после этих разговоров у Троя даже появились мысли, что если среди остальных спасенных существенная часть будет вести себя так же, то не надо нам такого счастья. Пусть сами хлеблют большой ложкой то, что заслужили в своей «цивилизованной» стране под рукой мудрых Больших людей. Нет, того, что так себя будут вести все, Трой не боялся. Уж кто-кто, а он в достаточной мере повращался среди простых жителей земли Глыхныг. Но если среди спасенных таковых окажется даже всего лишь пара сотен... да этого же ни один мозг не выдержит! Но потом, успокоившись, он вспомнил встреченную им в мясном загоне в Нью-Ахшоге маленькую девочку по имени Иния и... и вот он — здесь.

— Я же сказал — подвинься, дикарь. Ну чего тебе не ясно? — В голосе ткача появились нотки истерики, после чего он взмахнул руками и попытался толкнуть Троя. Крайне неуклюже, кстати.

Еще одной характерной особенностью большинства местных, с которой герцог Арвендейл близко столкнулся только сейчас, являлось то, что они не умели драться. Вообще. Никак. То есть не то что не владели никаким боевым искусством типа кулачного боя или чего-то подобного. Нет! Они даже не были способны просто ударить противника кулаком. Толкнуть, ударить подобранной с земли палкой или камнем — еще куда ни шло, но не более... И держать удар они тоже не умели. Малейшая боль буквально ввергала их в истерику. И вообще в истерику они впадали довольно легко. Возможно, это было некоей компенсацией за отсутствие умения постоять за себя. То есть не способен добиться своего силой, берешь горлом... Но, что странно, этот момент также, каким-то извращенным образом, являлся предметом гордости и причиной высокомерия местного населения. Мол, мы не то что не умеем, мы просто считаем себя выше этого. Мы же цивилизованные люди высокоразвитой страны и потому просто... ну-у-у «переросли» присущую всяким низшим существам «тягу к насилию». Смотри, мы даже на заклятие к Большим людям идем почти радостно и с присущим нам, как цивилизованным людям, достоинством. Этот... изворот (более приличных слов по этому поводу у него не имелось) Трой первый раз так же услышал от Фра

Арфиеры. После чего надолго впал в ступор. Тем более что во время своего собственного путешествия по земле Глыхныг он ни с чем подобным особенно не сталкивался. Ну да — ни у кого из людей нет оружия. Или в тавернах практически отсутствуют вышибалы. Но, скажем, как сюда включить тех же гладиаторов? Или их столь неоправданно высокая популярность как раз и связана с тем, что они делают нечто, что неспособны делать все остальные?.. Может быть, просто не повезло (ну, или, наоборот, повезло). Или все дело было в том, что во время первого путешествия они, так сказать, «вращались» в кругах, весьма далеких от того уровня, к которому принадлежал Фра Арфиера? А подобные настроения были характерны именно для «высшего слоя» местных «шестерок» и их подражателей на более мелких уровнях. Впрочем, нечто подобное Алый герцог наблюдал и дома. У местных портных, куаферов и булочников также очень модно было одеваться с претензией на аристократию и устраивать ужины с танцами, именуя это «балом»... Короче, в тот раз Трой ни к какому внятному логическому выводу так и не пришел, по большому счету посчитав все заявления Арфиеры его личными психологическими вывертами. Тем более что к тому моменту всем уже было понятно, что глыхныгец является тем еще источником информации... А вот здесь, в клетке, убедился воочию, что эти мысли и заявления как минимум не индивидуальны, а достаточно распространены. Причем не только в «верхнем слое», но и как минимум среди таких вот ткачей...

— Ты оглох, варвар, или просто не понимаешь человеческого языка! — На этот раз ткач уже кричал. И, более того, сразу после своего вопля он сделал попытку ударить Троя кулаком! Алый герцог инстинктивно отклонился, после чего молча поднял руку и, поймав пухлый кулак этого по местной моде весьма... мм-м-м... грузного мужчины, молча сжал его. Тот взвизгнул и округлил глаза, собираясь заорать. Но Трой негромко бросил ему:

— Только пикни — кадык вырву. — И ткач захлопнул уже разинутый рот и лишь придушенно простонал:

— Ы-ы-ы-ы... — Трой даванул чуть посильнее, заставив глыхныгца аж вздрогнуть от боли, а потом отпустил и негромко бросил:

— Пшел вон... — Ткач испуганно отшатнулся, шумно выдохнул и, баюкая больную руку, быстро исчез где-то промеж вонючих тел других сидельцев. А Трой тяжело вздохнул и с тоской окинул взглядом прутья клетки. И надо же было так вляпаться!

До берега он добрался где-то за полчаса до рассвета. Два топора подвез его на своем драккаре на расстояние около лиги от береговой черты

и уже оттуда Трой поплыл сам, зацепив за плечо кожаный узел с увязанными вещами. Но, похоже, увязывая вещи, он где-то пропустил образовавшуюся складку, отчего во время заплыва в узел попала морская вода. Впрочем, это было немудрено. Вещи он паковал уже в темноте, а кожа была довольно толстой... Так что на берегу ему пришлось натягивать на тело мокрую одежду. Вследствие чего в том, что встреченный им рыбак не поверил ему, когда Трой сообщил ему, что он просто путник, родом из Аркорана, города далеко на севере, также не было ничего неожиданного. Этот город Трой выбрал потому, что орки, будучи не особенными любителями холода, не горели особенным желанием как-то задерживаться в подобных местах. Поэтому в Аркоране их было немного. Так что люди в тех местах жили несколько обособленно. Вследствие чего выходцы из Аркорана считались в земле Глыхныг... ну-уу-у... не совсем нормальными. Эткими туповатыми, необразованными жителями глухой окраины со странными и несколько дикими привычками. Типичными варварами, короче. Поэтому Трой посчитал, что если представиться аркоранцем, то к его совершенно точно несколько отличающимся от других манерам будут более снисходительными... в расширенном значении этого слова. Ибо, несмотря весь свой прежний опыт, он сильно сомневался в том, что сможет изображать из себя «нормального» жителя земли Глыхныг, а вот такого выходца с окраин...

Но, увы, похоже, он все равно переоценил свои способности. Впрочем, уже оказавшись в клетке, Трой понял, что на самом деле особенных шансов у него все равно не было... После изменения размеров «мясного налога» довольно многие жители земли Глыхныг попытались спастись, ударившись в бег. В местах, близких к сухопутным границам, они, что естественно, пытались перейти именно их. А здесь основным направлением побега было море. Они выходили к побережью целыми группами и семьями, где пытались любыми способами раздобыть лодку. Причем под словом «раздобыть» в первую очередь надо было понимать отнюдь не покупку. Потому что с деньгами у большинства беглецов было туго. Ибо они, как правило, до последнего пытались откупаться от возросшего налога и в бегу пускались только тогда, когда откупаться уже было нечем. Вследствие чего местные подобных беглецов как-то не сильно жаловали. И еще до кучи за каждую информацию о подобных беглецах орки обещали любому информатору иммунитет от ближайшей жеребьевки «мясного налога». Вследствие чего местные — рыбаки, охотники, да и просто крестьяне, не только с энтузиазмом докладывали о любом замеченном подозрительном незнакомце, но и частенько сами ловили таковых и передавали своим

Большим хозяевам... И рыбак, похоже, принял его за одного из таких беглецов, который, похоже, не справился с управлением купленной или украденной им лодкой и, потерпев крушение, вернулся на сушу для подготовки новой попытки. С самим Троем встреченный им рыбак, похоже, напрямую связываться не рискнул, но едва только тот скрылся из виду, тут же прыгнул в лодку и поспешно погреб напрямик, через залив, к ближайшему орочьему посту. Чтобы уже через час радостно опознать своего случайного знакомого схваченного орочьим патрулем.

— А ты сильный парень...

Трой повернул голову в ту сторону, откуда прозвучал голос. Его новым собеседником оказалась весьма примечательная личность. Он обратил на нее внимание почти сразу после своего появления в этой клетке. Задерживаться здесь надолго не собирался, поэтому сразу же после попадания начал искать возможности выбраться. Шансы на это, в принципе, были неплохими. Охраняли их хорошо, и сама система охраны выглядела достаточно отработанной, но в том, что он сможет вырваться отсюда, Трой не сомневался. Дело было в том, что местные орки привыкли к определенному поведению «стреноженного мяса». Оно, конечно, довольно широко варьировалось — от тупого спокойствия до предельной истерики, но при этом имело и многие сходные черты. Например, неременную привычку беспрекословного подчинения Большим людям. Или полное отсутствие у «мяса» каких-либо боевых навыков. Либо его крайне низкие физические кондиции. Да просто изначально с самого детства заложенное в сознание понимание того, что твоей последней могилой скорее всего станет желудок какого-нибудь орка и воспитанная всей жизнью привычка к этой мысли... Ничего этого над Троем не довлекло. Так что шанс покинуть это «гостеприимное» место был. Точно. Но-о-о... пока Трой так и не смог его отыскать. Он даже пожалел, что принял решение оставить на драккаре Тайную ветвь. Она бы сильно повысила его возможности... Но затем, немного поразмыслив, пришел к выводу, что это ничего бы не изменило. Хотя в своем, так сказать, «неактивном» состоянии Тайная ветвь выглядела как простая палка, но палка также считалась здесь оружием. Так что либо ее непременно отобрали бы, либо ему пришлось бы вступать в бой с ходу, в момент задержания патрулем. В своей способности уничтожить тройку орков, Трой особенно не сомневался, но гибель патруля от явно боевого оружия совершенно точно поставила на уши все побережье. А в этом случае о какой-либо разведывательной деятельности можно было бы сразу же позабыть. Герцог же собирался сначала собрать всю ту информацию, которую можно будет нарыть в более-менее

спокойной обстановке и лишь затем уже планировать набег. И вот такой облом. Он даже до города не добрался...

— И не боязливый... — Да уж личность, которая обратилась к нему, выглядела крайне необычно. И да — это была именно «она». Орки не затрудняли себя разделением «мяса» по половой принадлежности и пихали в клетки всех подряд. Так что среди той толпы, что заполняла клетку, в которой он в данный момент находился, было немало женщин. Однако эта превосходила их всех. В прямом и переносном смысле. Потому что это была огромная бабища, весом как два-три Троя, одетая столь необычно, что это даже резало глаза. На ее объемную тушу было натянуто несколько разнокалиберных одежек, большинство из которых к тому же были ей явно малы. Мало того, часть из них совершенно точно относилась к мужской одежде. Но их нынешнюю владелицу такие мелочи, похоже, совершенно не волновали. Она решила эту проблему с похвальной изобретательностью. Так, те из вещей, которые невозможно было натянуть на всю ее обширную фигуру, надевалось на одно плечо, а оставшаяся часть просто свешивалась вдоль жирной спины или объемистого пуза. После этого на второе плечо симметрично надевалось что-либо такое же мелкое или узкое. Ну а уже поверх всего этого она натянула, как видно, что-то из своих шмоток, аккуратно прижав ими к телу все надетое ранее. Угол клетки, который она заняла, так-же был обустроен заметно лучше, чем все остальное пространство. Так, например, сидела она не на голых прутьях решетки, как остальные обитатели клетки... ну те, которые рискнули усесться и смогли отвоевать себе для этого необходимое жизненное пространство, а на целом ворохе каких-то разнокалиберных тряпок, по поводу которых у Троя сразу же появилось весьма обоснованное подозрение насчет того, что когда-то это также были чьи-то одежки. Принимая во внимание, что существенная часть обитателей клетки была практически полураздета, а также то, что занимаемое ей единолично пространство клетки было, даже несмотря на всю ее м-м-м... скажем так, внушительную фигуру, явно было непропорционально большим, можно было сделать вывод, что эта бабища несомненно пользуется немалым авторитетом среди остальных страдальцев. И Трой отметил это. Но в тот момент он еще был не способен более-менее внятно оценить возможные выгоды или опасности, которые принесет это соседство и уже тем более установление какой-нибудь коммуникации с подобной личностью. Поэтому отложил любые действия в этом направлении на более поздний срок. То есть на то время, когда он хотя бы чуть-чуть разберется в обстановке. И вот сейчас она сама пошла на контакт...

Герцог Арвендейл скупно усмехнулся и пожал плечами. Его неожиданная собеседница усмехнулась в ответ и внезапно шевельнула своим огромным задом, сдвигаясь к краю вороха тряпья, на котором восседала будто Верховный вождь.

— Садись, — предложила она и, видимо, для лучшего понимания, хлопнула своей мощной ладонью рядом с собой. — Все одно лучше, чем на голых прутьях.

Спорить с этим было трудно. Поэтому Трой, до сего момента также сумевший отвоевать себе небольшой клочок клетки и присесть, вследствие чего вполне успевший по достоинству оценить «комфорт» сидения на голых прутьях, молча приподнялся и передвинулся на предложенное место. Его собеседница несколько мгновений пристально разглядывала его. А затем поинтересовалась:

— Откуда сам-то?

Трой пару мгновений помолчал, а затем осторожно ответил:

— Из Аркорана.

— Вот не ври мне, — насупилась бабища, — а то я аркоранских не знаю. Не похож ты на них ни разу, да и говор у них совсем не такой. Хотя и у тебя тоже не нашенский... — и она испытующе уставилась на него. Трой же в ответ улыбнулся и ответил ей безмятежным взглядом. Мол, хочешь, верь — хочешь, нет, но другого ответа не будет. А что еще было делать-то? Бабища еще несколько мгновений сверлила его сердитым взглядом, после чего скривилась и нехотя кивнула:

— Ладно, не хочешь говорить — так и не надо, — она помолчала, потом вздохнула и неожиданно робко начала: — Я это, чего хочу-то... — потом замолчала и сердито зыркнула на стоящих поблизости. Те испуганно отшатнулись. Но ей этого было мало.

— А ну отпрыгнули отсюда! — зло рявкнула бабища, и окружающие резво прянули по сторонам. Но почти сразу же натолкнулись на кого-то спинами и боками. Несмотря на свои внушительные размеры, клетка была забита людьми довольно плотно. Бабища скривилась и, повернувшись к Трою, внезапно ухватила его за ухо и притянула к себе. Герцог едва сдержал свои инстинкты, прямо-таки вопящие о том, что нужно быстро вывернуться и, перехватив руку, взять ее на излом, а затем...

— Ты вот что, паренек, — зашептала бабища, — дело у меня к тебе есть. Важное. Девочку мне одну спасти надоть. Сиротку. Коли возьмешься — есть у меня чем твоему побегу подмогнуть.

О, как! Трой даже слегка ошалел. Он тут изо всех сил изображает из себя обычного глыхныгца, смирившегося со своей судьбой, личико

волосиками занавесил и сидит эдак тихонечко в сторонке, прикинувшись ветошью, а его тут, оказывается, вычислили на раз...

Между тем бабища отпустила его ухо и уставилась на него требовательным взглядом. Трой задумался. Давать однозначно отрицательный ответ было нельзя. Как бы там ни было, эта... весьма импозантная дама явно была очень влиятельной личностью, и отрицательный ответ был способен спровоцировать ее на какие-нибудь негативные действия. Да и идея «спасти сиротку» у него никаких негативных эмоций не вызывала. Более того, поскольку он прекрасно понимал, что у него нет ни единого шанса добраться до Нью-Ашхога, следовало использовать любую возможность хоть как-то успокоить кровоточащую совесть... Но, с другой стороны, с подобным поручением явно было что-то не так. Если эта бабища действительно обладает таким влиянием, чтобы даже неким образом поспособствовать побегу, почему не займется спасением значимого для нее объекта сама? Да и что она в таком случае вообще здесь делает-то? Ну и до кучи озвучивать подобные предложения совершенно постороннему человеку — это как-то... Тут бабища, видно вычислив какие мысли бродят в голове у ее визави, внезапно наклонилась набок, навалившись на Троя всем своим огромным телом и выпростала из-под себя левую ногу... вернее, то, что от нее осталось. А затем и правую, так же как и левая, представляющую собой оттяпанную до середины бедра культю, замотанную засохшими окровавленными тряпками.

— Я и так-то, милок, не особо шустрая была, — усмехнувшись, пояснила она. — С такой-то жопой и брюхом. А уж после того как оне начали меня жрать... — а потом зябко подернула плечами и пожаловалась: — Когда оне мне мои ляжки оттяпали, из меня столько крови вытекло... думала — прямо там кончусь. Да шаман, тварь, умелый попался. Перетянул, своей вонючей мазью намазал, попел там чего-то, в бубен постучал — я и оклемалась чутка. Но с тех пор все время мерзну. Слава матери Шиг, люди вокруг добрые, как кого орки в котел забирают — оне мне свою одежду отдают, — и тут же, как бы противореча своим словам, обвела всех присутствующих в клетке тяжелым взглядом. Мол, пусть только кто попробует не отдать...

Трой несколько мгновений молча смотрел на две культы, торчащие из-под вороха одежды, а потом поднял взгляд и тихо спросил:

— А ты кто?

Бабища криво усмехнулась и покачала головой.

— Ну, вот, а ты говоришь — аркоранский... Я — Толстая Лубвь. Меня

тут все побережье от Талиблета до Аркорана знает. Все. От самого главного из Больших и до последнего нищего.

Трой криво усмехнулся:

— Похоже все-таки не все. Я вот, например, не знаю... — Потом сделал паузу и, снизив голос до шепота и наклонившись к уху, спросил: — Ладно, чем можешь помочь?

Та дернулась всем телом, не столько разворачиваясь к Трою, с такой тушей это было весьма проблематично, сколько наваливаясь на Алого герцога и заговорщицки прошептала в ответ:

— Засунь руку мне под задницу.

Трой слегка охренел. Или не слегка... Но затем до него дошло, что, если бы у этой бабищи даже и были некие иллюзии относительно своей внешности, все же она казалась достаточно адекватной для того, чтобы в этом месте и в данной компании предлагать ему... ну-у-у... некий интим. И потому он (все-таки слегка содрогнувшись) сделал-таки то, что она предложила... А затем выпрямился и тихо спросил:

— И где мне найти эту девочку?

Бабища широко улыбнулась, обдав Троя облаком смрада из давно нечищенного рта, после чего наклонила голову и негромко и как-то... неожиданно ласково позвала:

— Иния, маленькая моя, вылезай солнышко...

Хыграг, молодой ученик члена Совета шаманов, Мудрейшего Ымхыга, валялся на теплом валуне, уставившись в небо и балдел. А что — тепло, тихо и никто не стоит над душой, заставляя что-то делать... ну что еще нужно для полного счастья? Нет, Мудрейший, уезжая в свою очередную инспекционную поездку, надавал ему тучу всяческих поручений и заданий. Но до его возвращения оставалось еще два полных дня. Так что до того момента, когда надо было начинать делать вид, что ты все время отсутствия учителя в поте лица исполнял порученное, оставалось еще не менее полутора суток. Ибо заниматься непосредственно тем, что ему повелел Мудрейший, Хыграг совершенно не собирался. Потому что Ымхыг был уже настолько стар, что частенько забывал свои собственные поручения и повеления. Но признаваться в этом даже себе было выше его сил. Поэтому, даже если бы его молодой ученик старательно и со всем своим прилежанием исполнил все, что повелел ему его учитель, толку для него от этого все равно особенного не было бы. Ибо свой прогрессирующий склероз Мудрейший успешно (ну как ему казалось) маскировал постоянным недовольством, каждый раз утверждая, что ученик опять все сделал не так, не то, да и вообще тупой как пробка. Так и чего тогда напрягаться? Лучше уж провести столь удачно подвернувшееся свободное время в свое удовольствие.

В этом городе-порту они с учителем появились с чрезвычайно важной миссией...

Земля Глыхныг была достаточно древней страной. И по людским меркам, и по орочьим. Нет, были на свете страны, которые формально могли считаться куда более древними. Но именно, что только формально. Потому что возраст страны измеряется не в днях, годах или даже веках. Он меряется совершенно в иных мерах. Имя им — поколения... Поколение людей меняется каждые двадцать пять лет, гномов — уже сто пятьдесят, а, скажем, у эльфов новое поколение может прийти на смену предыдущему только лет через двести пятьдесят. А может и не прийти... У орков же поколения меняли друг друга каждые пятнадцать лет. Так что те страны, возраст которых в привычных большинству разумных мерах счета времени был больше, чем у земли Глыхныг, были созданы расами, которые живут долго. И потому их не формальный, а реальный возраст, то есть посчитанный правильно — в поколениях, был намного меньшим, чем у

земли Глыхныг. Так что она была древней страной... А страны — они как люди. И за долгое время своего существования, страны обрastaют множеством привычек, мифов, символов и традиций, которые могут быть совершенно нигде не записаны, никогда и никем не утверждены, но... именно они, как правило, должны соблюдаться куда ревностнее, чем любые писанные законы. Даже если за несоблюдение этих законов в них прописаны самые строгие кары, а за несоблюдение традиций никаких формальных наказаний вроде как никем нигде не предусмотрено. Но вот подишь ты...

В принципе, все эти привычки и традиции, естественно, совсем не являются абсолютно незыблемыми и вечными. Но, как правило, для того чтобы отказ от них прошел... ну, скажем так, не особенно болезненно, требуется либо очень долгое время, либо... либо нужно, чтобы со страной случилось что-то очень страшное — война, мор или нечто вроде потопа, на фоне чего отринутые привычки и традиции покажутся чем-то совсем незначительным. А лучше всего, если эти привычки еще и станут неким препятствием к выживанию. Если же нет — может полыхнуть так, что страну просто разнесет на куски...

Земля Глыхныг была древней страной. И потому Совет шаманов во главе с Верховным шаманом Хылагом прекрасно понимал, что объем и частота «мясного налога» являются одной из тех самых традиций, на которых она и держится. Как и всю опасность ее нарушения. Но... справиться с этим «но» Совет шаманов оказался не в состоянии. Уж слишком многое оно обещало...

И результат оказался вполне ожидаемым. Покорное и забитое «мясо» сначала глухо заволновалось, потом не так уж глухо, а затем... «мясо» побежало из страны как тараканы с кухни, когда проснувшаяся утром хозяйка зажигает первую лучину. А ведь для того, что затеял Совет шаманов его требовалось очень и очень много. Причем чем ближе была поставленная цель, тем большее количество жертв требовалось алтарям. А число потенциальных жертв, вследствие начавшихся в стране процессов, наоборот, стало резко падать. Но дело было даже не в этом... Главная опасность для земли Глыхныг заключалась в том, что в головах отчаявшегося «мяса» начали возникать крамольные мысли о том, что хозяевам земли Глыхныг можно сопротивляться. И не только возникли, но и распространились настолько, что людишки начали вновь брать в руки оружие... Ну, то есть какое оружие — рыбачьи остроги, косы, насаженные на древко вертикально, зерновые цепы, один конец которого был оббит железом или утыкан гвоздями и так далее. То есть на самом деле особенной опасности для закаленных в боях воинов-орков все эти стихийно

возникшие отряды не представляли. Но сбившееся в них «мясо» дралось и... гибло. А на алтарь можно было положить только еще живую жертву. Трупы же для жертвоприношений были совершенно бесполезны. Еще же большее увеличение «мясного налога», в целях добора необходимого числа жертв, как это предлагали сделать некоторые вожди, должно было не столько купировать, сколько еще больше усугубить ситуацию...

О том, как выйти из этого заколдованного крута, ломали голову очень многие. Но первым выход предложил именно какой-то шаман. А как же иначе? Ведь шаманы — это высшая элита орков! Самые мудрые. Самые могучие. Самые грозные. Самые... тут Хыграг разинул пасть и смачно зевнул...

Кто именно был этой светлой головой, молодой, но уже весьма ушлый ученик Мудрейшего Ымхыга узнать так и не смог. Хотя очень старался. Потому по Ахлыг-Шигу ходили упорные слухи, что автором идеи был отнюдь не кто-то из старых и мудрых, а чуть ли не такой же ученик. Ну, или, молодой, только что посвященный шаман. Потому что иначе интерпретировать эпитет «сопляк», услышанный им во время беседы учителя с одним из его приятелей было чрезвычайно трудно... И если это было так, то этот парень явно имел светлую голову и должен был далеко пойти. Так что если как-нибудь зацепиться за него сейчас, пока он еще никто, и у него своей команды... ух, какие перспективы открывались!

Как бы там ни было — предложенная идея оказалась вполне себе продуктивной. Она заключалась в том, что если уж нет никакой возможности прекратить бегство «мяса», то стоит хотя бы организовать его движение в том направлении, в котором его можно будет легко перехватить. Тем более что сам факт побега автоматически выводил беглецов за пределы и традиции, и правового поля. То есть коль вы ушли в бега, нарушив одновременно и законы, и традиции, то вы сами поставили себя в положение преступников, и потому лишаетесь всякой возможности апеллировать не только к традиции, но и к закону. Вследствие чего количество доступных жертв должно было резко возрасти. Причем, что ценно, сам «мясной налог» при этом не только не увеличивался, но и при удаче мог быть даже демонстративно сокращен. То есть, так сказать, одним выстрелом убивалось сразу два «зайца» — и запущенный ритуал получал необходимое количество жертв, и падала напряженность среди пока еще лояльного «мяса»... Проделано это было путем запуска среди «мяса» слухов о том, что наилучшим способом побега будет возможность уйти за море — то есть в земли, где властвовали не орки, а люди. Каким образом беглецы смогут переплыть море, в этих слухах особенно внятно не

говорилося. Так — прийти, найти лодку и уплыть... Зато приводились множественные примеры того, что многие уже сумели это проделать. Причем не типа: «Одна девочка с матерью долго добиралась до порта, но пройти в него не могла, потому что его охраняли злые орки. Тогда она пошла по берегу и внезапно увидела женщину, которая пожалела их и указала неприметную тропинку в тайную бухту...» или «Мой двоюродный брат знает одну семью, которая...». То есть — кто-то, где-то, что-то, как-то... Нет, все было сделано основательно. То есть в каждом крупном городе были выбраны более-менее известные людские семьи, которым было устроено «исчезновение», после чего были распущены слухи, что вот именно у них-то аккуратно все получилось. Ну сам же видишь — нет их, и дом стоит с заколоченными ставнями. И никто не видел, чтобы Большие люди их забирали. Как и не объявляли громогласно, что они пойманы. Значит, им все удалось!

На самом деле большинство из тех, про которых говорилося в этих слухах, давно уже закончили свою жизнь на алтарях, но их изъятие было произведено тайно, безо всякой этой мути типа жребия и потому оставалось «мясу» неизвестным...

И все получилось! «Мясо» побежало именно туда, куда и было надо, — к морю. То есть туда, где им, прижатым к морскому берегу, уже было никак не скрыться. И где были спешно обустроены лагеря, в которые и собирали будущие жертвы.

Более того, большую часть подобных беглецов отлавливали даже не орки, а должным образом замотивированное местное «мясо». Очередь которого должна была прийти несколько позже... но это им, что естественно, пока не озвучивалось.

То есть все шло хорошо... Но в последнее время среди вполне себе бесперебойно поступающего с побережья «мяса» начали попадаться, так сказать, некондиционные экземпляры. Живые — да, но, грубо говоря, не полнокомплектные. То есть кто без ног, кто без рук, а кто и вроде как в полном комплекте, но при этом с незакрытыми ранами, оставленными на месте вырезанных из спины и ягодиц кусков мяса... Нет, как жертвы они были не бесполезны. Живая жертва — это живая жертва... Только вот тот ритуал, который сейчас во всей красе разворачивался в храме Шиг-Хаоры требовал умерщвлять эти самые жертвы наиболее мучительным способом. Этим же «неполнокомплектных» для того, чтобы они не сдохли в пути, буквально до бровей накачивали дурманной настойкой. И за время пути они привыкали к ней настолько, что потом приходилось продолжать давать им ее и дальше, чтобы они не сдохли от ломки еще до алтаря. Вследствие

чего довести их до требуемого уровня боли на самом алтаре часто не получалось. Изуродованный организм умирал раньше. Сердце не выдерживало... Да и смертность во время пути в Ахлыг-Шиг среди таких «неполнокомплектных» была почти на порядок выше обычного. То есть все эти вроде как «невинные шалости» в конце концов оборачивались вполне себе серьезными убытками. Вот поэтому старшего шамана Ымхыга и послали разобраться, кто это тут занимается подобными делишками. Ну а Ымхыг прихватил с собой своего ученика...

— А-а-ау-а, — Хыграг снова смачно и протяжно зевнул, после чего откинулся на теплый камень, уставив остекленевший взгляд на морскую гладь, по которой неспешно скользила к причалу одна из патрульных боевых галер. И ведь находятся же среди орков те, кто готов уйти с твердой земли и ступить на шаткую палубу? Молодому ученику море не нравилось. Оно не для орков. Орки — дети степи. А море — море слишком подвижно и неустойчиво. Нет, орки способны подчинить его своей воле, ну, как, вероятно, вообще все на свете... но оно им чуждо. Поэтому, даже на боевых галерах орки, чаще всего, выступали в качестве десанта. А моряки, кормчие и гребцы, как правило, набирались из людей. Потому что орки не любили море... ага... не лю... Веки молодого ученика шамана смежились, и он уютно захрапел...

— А-а-а-А-А-А-РР-Р-А-А-ААААА! — Хыграг раскрыл глаза и испуганно подскочил. Что это? Откуда этот рев? Что вообще происходит?! Ученик шамана выпрыгнул из-за камня, за которым столь удачно спрятался, чтобы его кто-нибудь не припахал, и ошалело замер. На пирсе шла отчаянная схватка. Какие-то люди («мясо»!) яростно рубились с орками из состава портовой стражи. Причем эти люди были вооружены и в доспехах!

— А-а-р-р-р-а-а! — взревело что-то над ухом. Хыграг испуганно отшатнулся и... рухнул на камень пирса от сильного удара обухом боевой секиры...

— Эрик!

— Не волнуйся, Олькюлле — это животное живо. Я его только оглушил, — весело проорал Два топора и, радостно взревев, бросился вперед, вздев над головой две секиры, благодаря которым он и получил свое прозвище. Трой усмехнулся и склонился над валяющейся тушей, разматывая с пояса крепкую веревку, к одному из концов которой был примотан деревянный кляп... Охрана на пирсах оказалась довольно малочисленной, так что там пока обойдутся без него. А вот надежно упаковать ценного пленника лучше лично. Чтобы потом не кусать локти,

если кто-то что-то упустит, и пленник сбежит. Или погибнет. Ну, например, развяжется и сдуру колданет что-то не вовремя... и все!

Этого орка он заприметил еще, когда захваченная ими галера только подходила к пирсу. Потому что он был одет в хламиду с вышивкой, очень похожую на те, которые до этого он видел на шаманах. Нет, она выглядела заметно беднее их. То есть даже если этот самозабвенно дрыхнувший орк действительно являлся шаманом, то явно очень невысокого ранга. Однако даже в этом случае, шанс на то, что он будет знать о том, что интересовало Марелборо и, соответственно, самого Троя, несколько больше рядовых воинов, а то и больше, заметной части командиров, был довольно высок...

Из клетки они с Инией выбрались вечером того же дня, когда Трой познакомился с Толстой Лубвью. Как выяснилось из дальнейшего разговора, она являлась Главой контрабандистов всего побережья. Именно под ней «ходил» энистер Мит. Хотя прямо ее человеком не являлся. На вопрос «почему?» Толстая Лубвь только усмехнулась и ответила:

— Слишком жадный и слишком тупой. Возьми такого к себе — потом беды не оберешься. Таких лучше просто под приглядом держать. Дабы если чего — прибить не жалко было.

По основному вопросу она просветить Троя никак не смогла. То есть о том, что в главном храме Ахлыг-Шига творится какое-то Великое камлание, требующее просто немыслимого ранее числа жертв, она отлично знала. Но вот какое именно и что орки хотят получить в результате — было ей неизвестно. Зато она охотно просветила герцога Арвендейла откуда у нее взялась Иния, которая, вот ведь чудо, оказалась именно той самой девочкой из «мясного загона» Нью-Ашхога, о которой герцог Арвендейл так часто вспоминал.

Как выяснилось, несколько месяцев назад Нью-Ашхог взбунтовался... Он располагался довольно близко к Ахлыг-Шигу, поэтому его обитатели одними из первых почувствовали на себе то самое, выходящее за все разумные рамки увеличение «мясного налога». Так что город, ранее вполне себе процветающий, очень быстро практически обезлюдел. Большинство его обитателей «обезумевшие» Большие люди отправили под нож, а жалкие остатки разбежались... Зато в опустевших городских усадьбах, ранее принадлежавших зажиточным горожанам из числа людей, почти сразу же развернули еще почти дюжину перевалочных лагерей, в которых останавливались на ночлег караваны будущих жертв, идущие к столице.

Некоторое время всем казалось, что все, что могло произойти, уже произошло, но, как чуть позже выяснилось, что избежавшие на какое-то

время внимания истинных хозяев земли Глыхныг «людишки» не только прятались. И одним не очень удачным для орков вечером кто-то, похоже, из числа местных жителей, прятавшихся все это время где-то поблизости от города, решился на прежде немыслимую вещь — напасть на Больших людей... Ну как напасть? Само нападение выглядело как банальное отравление. То есть в котел, в котором готовилась похлебка для орков, охраняющих один из лагерей, был подброшен то ли яд, то ли просто сонное зелье, но в огромной концентрации. А после того, как отравленные уснули, этот человек или даже несколько людей тихо открыли ворота лагеря. После чего почти две тысячи человек, уже вроде как поставивших на себе крест и полностью смирившихся с predetermined им судьбой, вырвались за пределы стен. И как минимум часть из них причем, похоже, наиболее адекватная, решила, что если уж все равно помирать, то лучше сделать это, отомстив своим вероломным хозяевам...

Нет, ничего особенно путного из этого бунта не вышло. Все-таки большая часть вырвавшихся на свободу не стала вступать ни в какие схватки с орками, а попросту разбежалась. Те же, кто схватился за оружие и попытался вступить в бой, довольно быстро были вырезаны орками, охранявшими другие лагеря, которые молниеносно организовались и вступили в бой. А «мясо», впервые взявшее в руки оружие, опытным воинам было совсем не противником... Но за это время некто — то ли все те же местные жители, то ли кто-то из вновь освобожденных сумели открыть ворота еще нескольких лагерей. В качестве одного из которых как раз и использовался тот самый «мясной загон», в котором и жила Иния.

Сначала она и не думала никуда уходить. Здесь, в этом загоне, был ее дом, к которому она привыкла, а что будет там, за воротами, девочка даже не представляла. Но затем в загон забежали какие-то вооруженные люди, которые, вероятно, попытались как-то укрыться в загоне от преследующих их орков, а вслед за ними в загон ворвались и рассвирепевшие орки... От того, что случилось потом, девочка страшно перепугалась. И, пользуясь суматохой, убежала из загона в... в никуда. В ночь. И еще долго бежала куда глаза глядят, пока окончательно не обессилела и не лишилась сознания...

Очнулась она уже на барже, которая шла вниз по реке. Как она на нее попала — Иния не помнила. Да и вообще, все путешествие на барже она запомнила слабо. Ее тогда охватила жестокая лихорадка... которая, вот ведь чудо, стала ее спасением. Потому что орки обнаружили ее на досмотре в первом же большом городе. Но забирать не стали. Как раз вследствие лихорадки. Потому что больного «мяса» Большие люди не употребляли. Ну

и в качестве жертвы ее лежащее бессознательной тушкой тельце их тоже не заинтересовало. Ну видно же — сдохнет скоро, так чего мараться? Поэтому ее вписали в «сопроводительный лист» и поручили речникам после того, как сдохнет, доставить трупик в специальное захоронение, в котором и захоранивали подобных больных...

А она — возьми да и выздорови! Похоже, эта ее лихорадка оказалась не результатом какой-то болезни, а просто итогом ее сильнейшего испуга и перенапряжения... Так что Иния с речниками доплыла до самого побережья, где ее и взяла под свою руку Толстая Лубвь. Как она призналась Трюю, сначала из чисто меркантильных соображений хотела поднести в качестве подарка одному из высокопоставленных чиновников-орков, от которого зависело решение парочки важных вопросов. Глава контрабандистов знала, что тот очень уважает молодое, мягонькое «мясцо»... Но сразу с подарком как-то не сложилось, потому что чиновник уехал по делам, вследствие чего «подарок» пришлось придержать и подкормить, потом вопросы решились другим способом, а затем... затем она просто привязалась к этому маленькому, тихому, но очень светлому человечку...

Сверху, со стороны прилегающих к порту кварталов, слышался громкий топот. Похоже, к оркам, которые схватились с северными варварами в порту, полным ходом несло подкрепление. А баррикады на выходящих к порту узких улочках все еще не были закончены. Трой взвесил на руках Тайную ветвь и нахмурился. Если подкрепления достаточно большие — люди могут не удержать порт. Тем более что... он бросил взгляд на морскую гладь, по которой стремительно летели к пирсам драккары северных варваров, основная часть десанта пока еще не высадилась. До того момента, пока первая часть десанта на захваченной галере не захватили магические метатели, прикрывавшие вход в порт, драккары прятались за дальним мысом...

Сам порт должно было атаковать всего около четырех десятков драккаров. Остальные должны были высадить десант дальше по побережью... Поблизости от города располагалось семь накопительных лагерей, в которые орки набили почти сорок тысяч свежего «мяса». И именно к этим лагерям сейчас и направлялись остальные бойцы.

По первоначальному плану, который составили сразу после возвращения Троя, предполагалось, что атака будет нацелена именно на эти лагеря. В город никто соваться не собирался. Стены, гарнизон, караулы на пирсах... Много геморроя, много потерь и мало толку. Людей-то в самом

городе — раз-два и обчелся. А вот орков, наоборот, предостаточно. Но когда Алый герцог узнал общее число содержащихся в лагерях будущих жертв — он крепко задумался. В драккары помимо команды можно было загрузить еще максимум десяток человек... ну ладно, если набить поплотнее да еще с учетом неперенных потерь среди экипажей, будем считать, что можно впихнуть человек тридцать — тридцать пять. То есть даже максимально уплотнившись, на драккарах из земли Глыхныг можно вывезти в лучшем случае пять тысяч человек. А что делать с остальными? Оставлять на закление? На это Трой согласиться никак не мог. Даже, учитывая то что среди спасенных окажется некоторая часть, подобная Фра Арфиере и ткачу. Они тоже люди и не заслуживают той участи, которая им уготована орками... Так что когда в порту обнаружилось несколько десятков больших торговых кораблей, в каждый из которых при большем желании могло войти где-то от трех до пяти сотен пассажиров (ну, если утрамбовать их как сельди в бочке), план атаки был быстро переработан. И лучшие ударные силы оказались перенацелены на порт... Вот только этим ударным силам требовалось еще некоторое время на то, чтобы подойти к пирсам и высадиться.

— Приготовить «огненные горшки»! — взревел Два топора. Трой встревоженно покосился на стоящие у пирсов торговые корабли. На каждый уже успели забежать по посыльному и предупредить дежурную вахту, чтобы не дергались и не пытались обрубить канат и отплыть. В принципе, дураков, способных попытаться сбежать от северных варваров, у которых под рукой имеются их собственные драккары среди плавающих по Долгому морю моряков быть не должно, но среди людей встречаются такие тупицы...

— Огонь на корабли не перекинется? — осторожно поинтересовался герцог. Если корабли сгорят — вся операция в порту теряла смысл. Два топора обернулся и также окинул взглядом корабли.

— Не должны. Пирсы здесь каменные и ближние склады тоже... К тому же без «огненных горшков» нам орков до подхода наших все равно не удержать. Так что постараемся быть поаккуратнее и... положимся на помощь Сумеречных!

«Огненные горшки» представляли собой специально изготовленный круглый горшок, наполненный алхимическим составом. Обычно они использовались северянами для того, чтобы отбиться от орочьих боевых галер... Нет, одиночная галера для юрких драккаров особенной опасности не представляла. Драккар с более-менее опытной командой был способен уйти от такой галеры без особенных проблем. Несмотря на заметно

большую ее скорость. А при удачном соотношении сил — то есть паратройка драккаров против одиночной галеры, северяне вполне могли взять ее на бордаж. Но вот если соотношение было равным или даже обратным — то «огненный горшок» оставался единственной надеждой на спасение... Однако вещь эта была дорогой, редкой, потому что для ее изготовления требовались редкие ингредиенты и работа искусного мага, вследствие чего «огненные горшки» имелись не у всякого ярла. И не в каждом походе... Но только не в этом! Потому что Троя в рейд собирали по велению императора. И Элиот Пантиопет вместе с Игреоном Асвартемом, приняли в этом самое живое и деятельное участие.

— И сколько нам нужно будет продержаться?

— Ну как минимум пока наши не высадутся, — Эрик кивнул в сторону летящих к пирсам драккаров, — дальше станет легче. А вообще — я думаю, до того момента, пока к городу не подойдут остальные отряды. Нечего лезть в узкие улочки. А когда закончим баррикады, здесь будет очень удобно обороняться. Вот и соберем сюда всех их бойцов, чтобы нашим ребятам было легче прорваться в город. Они же такой табор поведут — сорок тысяч бывших пленников!

— Ну, в таком случае, — усмехнулся Трой, доставая Тайную ветвь, — на баррикадах сейчас явно не помешает лишний меч.

Два топора удивленно воззрился на него, а потом перевел вопросительный взгляд на «упакованного» молодого орка в шаманском балахоне.

— А этот?

— Он никуда не денется, — качнул головой Трой. — К тому же ты его так приложил, что он очнется очень не скоро. И я вообще опасаюсь сотрясения.

Эрик досадливо сморщился.

— Орки — крепкие твари, вот я и не остерегся. Ничего — если сразу не сдох, то очухается... — после чего расплылся в улыбке и, хлопнув Троя по плечу, довольно проорал: — Что ж, пошли, мой друг, покажем этим тварям, как дерутся настоящие бойцы людей. А то они привыкли тут гонять забитую бессловесную скотину и думают, что все люди такие же. Так пусть до них дойдет, как сильно они ошибаются!

Северянин был явно доволен происходящим. Ну еще бы — хоть он и пропустил битву за Эл-Северин, зато оказался первым за многие сотни лет вождем, который сумел захватить орочий город...

Хыграг очнулся от того, что его вырвало. Ученик шамана застонал и

попытался вытереть обгаженную пасть... но сделать это ему не удалось. Потому что его руки были притянуты веревкой к телу, а само тело, как это выяснилось еще через несколько мгновений, было накрепко привязано к толстой мачте. Хыграг дернулся и, не выдержав, снова застонал от резкой боли, прострелившей висок.

— Я же тебе говорил — у него сотрясение. Видишь, как вокруг нагадил...

Ученик шамана с трудом скосил слезящиеся от боли глаза и посмотрел на того, что произнес эти слова. Это оказался «мясо». Вот только какое-то неправильное... Потому что оно было одето в доспехи и вооружено. Причем, судя по тому как на нем сидели эти доспехи и насколько привычно его рука лежала на эфесе висящего на поясе меча, и доспехи, и оружие были для него вполне привычными вещами. А это означало, что это «мясо» было откуда угодно, но только не из земли Глыхныг.

— Ну так все равно очухался же, — весело отозвался второй, стоявший рядом с ним. После чего хлопнул первого по плечу и, развернувшись, двинулся куда-то в сторону. Первый же покачал головой, проводив его взглядом, после чего развернулся к Хыграгу. Несколько мгновений он молча рассматривал его, от чего у ученика Мудрейшего Ымхыга похолодели лапы, а затем усмехнулся и спросил:

— Ты меня понимаешь, животное?

А вот этого Хыграг стерпеть не смог! Да чтобы какое-то «мясо» смело так относиться к нему, уже почти настоящему шаману... Он еще не знал, что за долгое путешествие, в которое он направился помимо своей воли, ему предстоит привыкнуть к очень многому из того, чего он ранее даже и представить себе не мог. И в первую очередь к тому, что вот это, стоящее перед ним «мясо» станет его реальным хозяином. Впереди для орков было время истинного прозрения. Пусть пока и только для одного из них...

Эпилог

Ты уверен? — негромко спросил император спустя минуту после того, когда Трой закончил доклад.

— Я привез этого ученика шамана с собой. Возможно, Элиот Пантиопет или вы лично, сир, сможете узнать у него куда больше меня. Но в том, что он утверждает именно то, что я изложил вам, — да, уверен.

— Это хорошо, что привез. Я непременно задам ему кое-какие вопросы, — задумчиво кивнул император и, встав с кресла, подошел к окну. Некоторое время он стоял молча, глядя наружу. Из раскрытого окна до Троя доносился стук топоров. Эл-Северин все еще активно восстанавливался. Хотя когда герцог Арвендейл проезжал по его улицам, уже было видно, что в город вернулась жизнь. Улицы и площади были расчищены, вновь открылось множество лавок, над крышами домов вились легкие дымки...

— Что ж, — негромко произнес император, — конечно, это очень плохо, но... во всем этом плохом, как обычно, есть и нечто хорошее, — он повернулся к Трою и, усмехнувшись, закончил: — Теперь Великому лесу и Подгорному трону никак не удастся отвертеться от союза. Потому что они не осмелятся игнорировать такую опасность, как полноценное, проведенное в соответствии со всеми канонами, возрождение Темного бога. Тем более такого, как Шиг-Хаора...